

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ «СЛОВАРЯ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

Летописцы и историки XI—XVII вв.

Авраамка (конец XV в.) — западнорусский книжник, составивший или переписавший в 1495 г. в Смоленске летописный сборник, именуемый в научной литературе Летописью А. Смоленск входил в этот период (до 1514 г.) в состав Литовского государства, и А. упоминает в приписке к своему сборнику литовского великого князя Александра и смоленского епископа Иосифа, повелевшего ему составить летопись. Сборник А. начинается особой хронографической компиляцией; далее следует краткий новгородский летописец, основанный на летописи Новгородской IV и сходный с летописцем, который содержится в летописце Рогожском; известия его дополнены по летописи, близкой к летописному своду Сокаращенному. Текст Летописи А. с начала XIV в. до 1469 г. представляет собой новгородскую летопись, близкую к летописи Новгородской V. После этого в Летописи А. (Виленский список) помещены отрывок из Новгородской IV летописи за 945—988 гг., родословные, юридические и хронологические статьи, уже упомянутая приписка А. о составлении им в 1495 г. данного сборника и, наконец, текст летописи Белорусской I (Западнорусской).

Кроме Виленского списка — единственной рукописи, содержащей приписку А. (ныне находящейся в Библиотеке АН Литовской ССР), — текст, близкий к Летописи А. (но без приписки), содержится в сборнике ГИМ, Синодальное собр., № 154 (конец XVI в.), но после текста Новгородской V летописи здесь следует летопись Псковская II; начальная часть Летописи А. (до середины рассказа о нашествии Тохтамыша в 1382 г.) содержится также в Толстовском и Супрасльском списках.

Соч.: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. СПб., 1889 (ПСРЛ, т. 16); Западнорусские летописи. СПб., 1907, стб. 191—204 (ПСРЛ, т. 17).

Лит.: Бугославский Г. О смолянина Авраамке и его летописи конца XV в., а также несколько слов о смоленском епископе Иосифе Болгариниче. Смоленск, 1900 (отд. отт. из «Смоленских епархиальных ведомостей» за 1900 г., № 5); Шахматов. Обзорение, с. 231—255; Лихачев. Русские летописи, с. 465—467; Центральная библиотека АН Литовской ССР. Lietuvos TSR Mosklu Akademijos Centreine Bibliotheka / Сост. А. Ивашкевичус. Вильнюс, 1959, с. 65, 75; Лурье. Общерусские летописи, с. 87—91.

Я. С. Лурье

Адашев Алексей Федорович (1530-е—начало 1561) — государственный деятель, наряду с *Сильвестром* главный руководитель так называемой «избранной рады», организатор официального летописания. А. происходил из среды богатого придворного дворянства. Род А. имел большую вотчину в Костроме; богатство этого рода выросло на торговле солью. А. появляется при дворе *Ивана IV* в начале 1540-х гг. после возвращения из Константинополя, где он находился вместе с посольством со своим отцом Ф. Г. Адашевым. Начало политической карьеры А. датируется 1547 г. Внешним выражением возвышения А. является его быстрое продвижение по лестнице чинов. По данным Разрядной книги, в 1547 г. А. — рында (*Иван IV* назвал его позднее «батожином»), в 1550 г. —

казначей, в 1553 г. — стряпчий и думный дворянин. А. принимает активное участие в политической жизни страны. Начиная с 1547 г. он участник почти всех военных походов Ивана IV; А. присутствует на важнейших придворных церемониях; с марта 1553 г. А. входит в «ближнюю думу» Ивана IV. По словам А. М. Курбского, без совета А. и его сторонников царь не мог «ничего же устроить или мыслить». Охлаждение Ивана IV к его фавориту наступило в конце 1550-х гг., хотя считать А. активным противником Ливонской войны и в этом видеть причину опалы нет достаточных оснований. В мае 1560 г. А. был отправлен в Ливонию. После смерти царицы Анастасии царь велел оставить во взятом городе Феллине А. и его брата Даниила. По свидетельству А. М. Курбского, противники А. обвинили его в отравлении царицы. Тогда А. был сослан в Дерпт. В сентябре—октябре 1560 г. вотчины А., а также его брата Даниила были отписаны в царскую казну. Вскоре А. умер в Дерпте от «огненного недуга»; только это спасло его от насильственной смерти. Позднее все родственники А. были казнены Иваном IV.

А. был главным проводником политики, которую С. В. Бахрушин и А. А. Зимин рассматривали как политику компромисса между основными группами феодалов. Он принимал участие в важнейших мероприятиях «избранной рады» (полонизированное название правительственного кружка, употребленное А. М. Курбским, вариант «ближней думы»), способствовавших укреплению централизованного государства. С деятельностью «избранной рады» связаны судебные, военные и другие реформы конца 40-х—50-х гг. XVI в. Документально засвидетельствовано участие А. в составлении приговора об оформлении отпускных (входит в число дополнительных статей Судебника 1550 г. — грань 12, глава 160) и приговора царя «з бояры о разбойном деле» 18 января 1555 г. А. несомненно вел работу по созданию Государева родословца 1555 г., который оканчивался главой «Род Адашев». А., возможно, участвовал также в составлении официального свода разрядных записей — «Государева разряда» 1556 г. и Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. Большой интерес представляет «Приговор царской о кормлениях и службах» (1555/56 г.), помещенный в *летописях Никоновской* (список Оболенского) и *Львовской*. По мнению А. А. Зимина, «Приговор» является не законом об отмене кормлений, а памятником политической публицистики — публицистическим обобщением многочисленных практических мероприятий в этой области; составителем «Приговора», возможно, был А.

А. был несомненно очень образованным человеком. После смерти И. П. Головина, женатого на Анне, дочери А., осталось много латинских и немецких книг; С. О. Шмидт предполагает, что это остатки библиотеки А. Имеются данные о причастности А. к официальному летописанию. В ящике № 223 царского архива хранился «обыск князя Ондreja Петровича Телятевского в Юрьеве Ливонском про Олексееву смерть Адашева, и списки черные, писал память, что писати в летописец лет новых, которые у Олексеевы взяты». В ящике № 224 находились «списки, что писать в летописец, лета новые прибраны от лета 7068-го». Таким образом, летопись, которая хранилась у А. («списки»), доходила до 7068 г. (1559/60 г.) и являлась продолжением *Летописца начала царства*. А. А. Зимин высказал весьма убедительное предположение, что с именем А. следует связывать составление самого Летописца начала царства; предположение это подтверждается остроумными соображениями Б. М. Клосса, доказывающего, что правка Летописца в списке Оболенского Никоновской летописи произведена рукой А.

Деятельность А. оставила яркий след в истории русской общественной мысли. Если Иван IV в послании А. М. Курбскому подвергает критике деятельность А. и заявляет о своей непричастности к мероприятиям «избранной рады» («словом яз был государь, а делом ничего не владел»), то в других источниках читается восторженная характеристика А. По

словам А. М. Курбского, А. «в некоторых нравах» был подобен ангелам. По словам *летописца Пискаревского*, когда А. «был во времени, и втепоры Русская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе».

Лит.: Лихачев Н. П. 1) Происхождение А. Ф. Адашева, любимца Ивана Грозного. — ИВ, СПб., 1890, т. 40, с. 378—392; 2) «Государев родословец» и род Адашевых. СПб., 1897; Шмидт С. О. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева. — Учен. зап. МГУ, 1954, вып. 167, с. 25—53; Бахрушин С. В. «Избранная рада» Ивана Грозного. — В кн.: Бахрушин С. В. Избр. труды. М., 1954, т. 2, с. 329—352; Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958, с. 212—234; Зимин А. А. 1) И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 29—41; 2) «Приговор» 1555/56 г. и ликвидация системы кормлений в Русском государстве. — История СССР, 1958, № 1, с. 178—182; Корецкий В. И. О земельных владениях Адашевых в XVI в. — ИА, 1961, № 5, с. 119—132; Андреев Н. Е. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного. — ТОДРЛ, М.; Л., 1962, т. 18, с. 117—148 (то же: Andrejev N. Studies in Muscovy. London, Variorum Reprints, 1970, № XI); Клосс. Никоновский свод, с. 197—198; Курукин И. В. К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Адашева и Сильвестра. — В кн.: Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981, с. 29—48.

Д. М. Буланин

Афанасий (в миру Андрей) (начало XVI в.—между 1568—1575) — митрополит, автор *Жития Даниила Переяславского и Степенной книги*. Родом из Переяславля Залесского, ученик Даниила Переяславского, около 1530 г. — священник соборной церкви Переяславля. В 1549—1550 гг. переведен в Москву, стал царским духовником и протопопом придворного Благовещенского собора. В качестве царского духовника не раз упоминается в официальных летописях времен *Ивана Грозного*: в 1552 г. он благословил царя на поход к Казани и сам участвовал в этом походе, беседовал с царем накануне штурма, причащал его в день штурма, закладывал в Казани первую православную церковь Благовещения; в 1554 г. крестил царевича *Ивана Ивановича*, в 1556 г. — царевну Евдокию, в 1561 г. оглашал к крещению Марию Темрюковну (ПСРЛ, т. 29, с. 96, 105, 107, 109—110, 191, 201—205, 228, 244, 291). В 1555 г. А. участвует в посвящении первого казанского епископа Гурия. В 1562 г. А. был пострижен в Чудовском монастыре.

А. принадлежал к литературному кружку митрополита *Макария* и участвовал в его обширных предприятиях. Он, вероятно, был близок Макарию и правительству «избранной рады». В 1553 г. А. вместе с *А. Ф. Адашевым*, *А. М. Курбским* и Мстиславским передал царю послание *Максима Грека*. В 1555—1556 гг. Макарий взял А. в помощники себе для поновления образа *Николая Великоречецкого* (ПСРЛ, т. 7, с. 238—239; т. 29, с. 237, 249). По поручению царя А. навещал Макария во время его предсмертной болезни и передал царю письменную просьбу Макария об удалении в молчальное житие, что было отклонено царем. А. распорядился организацией похорон Макария и стал его преемником на митрополичьей кафедре. 24 февраля 1564 г. А. избран, а 5 марта того же года поставлен русским митрополитом.

При отъезде из Москвы накануне введения опричнины Иван IV не взял его с собою; именно А. адресовано известное послание царя в Москву от 3 января 1565 г. с изложением причин, заставивших его отказаться от престола. Посольства от имени москвичей в Александрову слободу, принявшие условия введения опричнины, отправлялись официально по поручению митрополита. Однако сам А. опричного террора не одобрял: вопреки воле царя он обращался к нему с ходатайствами за опальных и даже смог «отпечаловать» у него боярина И. П. Яковлева и князя М. И. Воротынского (подпись и печать А. имеются на их крестоцеловальных записях царю, см.: ЦГАДА, древлехранилище, ф. 135, отд. III, рубр. II, № 30, 35). Шлихтинг сообщает, что А. пытался удерживать царя от кровопролития. Возможен и конфликт между А. и царем в связи с отменой в июне 1564 г. податных привилегий митрополичьего дома.

19 мая 1566 г. «Афанасий митрополит всеа Русии, оставя митрополию за немощию велию, шшел с митрополича двора в монастырь к Михайлову Чюду» (ПСРЛ, т. 29, с. 350). За этой официальной формулировкой угадывается начавшееся столкновение Ивана IV с руководством церкви. Относительно спокойный период их взаимоотношений при предшественнике А. был позади. В дальнейшем их трагическое столкновение закончилось гибелью преемника А. — митрополита *Филиппа*. А. еще смог сохранить жизнь, покинув свой пост. В июле 1566 г. он даже выполняет по приказанию царя ответственную иконописную работу — поновляет икону Владимирской Богоматери (там же, с. 355). Это последнее летописное известие об А. Возможно его участие в создании миниатюр *летописного свода Лицевого*.

А. написал Житие Даниила Переяславского и его сокращенную переработку для Степенной книги — «Сказание вкратце о преподобном старце Даниле Переяславском». Оба сочинения написаны, по-видимому, в 1562—1563 гг. Текст Жития издан не был, сохранился в списках: ГИМ, Синодальное собр., № 926 (XVI в.); ГБЛ, собр. Ундольского, № 301 (1663 г.). Текст Сказания дошел в списках Степенной книги и был издан в ее составе Г. Ф. Миллером в 1775 г. и П. Г. Васенко в 1913 г. Все исследователи отмечали близость биографа к Даниилу, простоту изложения и сравнительно небольшое влияние на это сочинение обязательных агиографических форм (в Сказании это влияние чувствуется еще меньше, чем в Житии). Рассказ А. изобилует бытовыми деталями, подлинными именами. В начале памятника указывается, что автор принялся за свой труд после неоднократных повелений Ивана IV и митрополита Макария. Имя автора в тексте не названо, но оно вполне однозначно выясняется из сообщаемых им о себе сведений, поэтому сделанная П. Г. Васенко атрибуция не вызывает сомнений. Степенная книга, включив в свою 16-ю грань целиком Сказание, в 17-й грани, в рассказе о Казанском походе, использует и Житие, что приводит к значительным повторениям.

П. Г. Васенко убедительно доказывает, что перу А. принадлежит также один из самых знаменитых литературно-исторических памятников XVI в. — Степенная книга («Книга степенна царского родословия, иже в Рустей земли в благочестии просиявших богоутвержденных скипетродержателей, иже бяху от бога, яко райская древеса насаждени при исходящих вод, и правоверием напаяеми, богоразумием же и благодатию возрастаети, и божественною славою осияеми явишася, яко сад доброраслен и красен листвием и благоцветущ; многоплоден же и зрел и благоухания исполнен, велик же и высокъверх и многочадным рождем, яко светлзрачными ветми разширяем, богоугодными добродетельми преспеваем; и мнози от корени и от ветвей многообразными подвиги, яко златыми степенми на небо восходную лествицу непоколеблемо водрузиша, по ней же невозбранен к богу восход утвердиша себе же и сущим по них»). Степенная книга доводит последовательное изложение русской истории до конца 7068 г. (август 1560 г.), однако в ее тексте есть упоминания о двух событиях, датируемых летом 1562 г. и февралем 1563 г. По многочисленным реалиям можно отнести начало создания протографа Степенной книги к 1560 г., конец — ко времени от марта до декабря 1563 г.

Хотя автор (составитель) Степенной книги подчеркнуто не называет своего имени, есть ряд серьезных свидетельств в пользу авторства А. Так, в 21-й главе 15-й грани («О явлении на воздухе святого великаго князя Александра Невского и о пожаре») автор сообщает, что во время Казанского похода он получил чудесное исцеление от гроба Александра Невского; в передающем тот же текст Шумиловском томе Лицевого свода имя указано — «Афанасий сиггел Благовещенский» (ПСРЛ, т. 12, с. 230). Степенная книга неоднократно упоминает о различных событиях, участником или свидетелем которых был А., каждый раз отмечая его присут-

ствие иносказательно; пропуск имени А. в этих текстах П. Г. Васенко считает традиционным проявлением авторской скромности, анонимности. Влияние А. видится и в непропорционально большом внимании, уделенном в Степенной книге его учителю Даниилу Переяславскому. Наконец, древнейший и наиболее авторитетный Чудовский список имеет на л. 3—8 запись скорописью XVI в.: «Книга Чюдова монастыря, собрана смиренным Афанасием митрополитом всеа Русии».

При создании Степенной книги привлекался значительный круг источников, в первую очередь летописных и агиографических, включая жития, похвальные слова святым, сказания о чудесах от икон. Главный летописный источник — *Никоновская летопись* и ее продолжения, в том числе *Летописец начала царства*, использованные, как определил Б. М. Клосс, по Патриаршему списку 50-х гг. XVI в. (БАН, 32.14.8). Все источники А. подвергал умелому сокращению и редактированию, что привело к созданию «степенных» редакций ряда известных памятников и к определенному стилистическому единству Степенной книги. При этом некоторые агиографические произведения (Житие Ольги) впервые включались в летописный контекст. Возможно, что памятники, содержащие краткие описания правлений русских князей, собранные по «степеням», «граням» в соответствии с их генеалогией, существовали и до А. Хотя высказывавшиеся ранее аргументы в пользу существования «киприановской» Степенной книги не выдерживают критики, не исключено, что у А. в его огромном предприятии, замысел которого во многом принадлежит Макарию, были предшественники иного масштаба. Так, например, возникновение замысла Степенной книги находится в определенной связи с генеалогическими выкладками *Сказания о князьях Владимирских* и с русскими главами Хронографа (см.: *Хронограф Русский*). Однако общая схема Степенной книги, определившая ее лицо, является уникальной.

Последовательное изложение наиболее важных, с точки зрения автора, событий русской истории разбито на 17 степеней (граней). Членение исторического материала на степени для времени начала возвышения Москвы подчеркнуто делается не по великим княжениям, а по княжениям московским. Разделение на степени зачастую условно, не следует точно за княжениями. Так, для всех правлений 1054—1113 гг. отведена одна степень (третья), причем главным лицом в ней сделан не старший Ярославич, а князь Всеволод, от которого идет линия владимирских князей. Вся история страны складывается, таким образом, из этих степеней, которые в соответствии с традиционным церковным образом изображаются как ступени лестницы, ведущей к богу: русская история становится генеалогически единой цепью деяний святых московских государей и их предков, «богоутвержденных скипетродержателей». В центре каждой степени — биография государя, сопровождаемая сочинениями о митрополитах и святых, живших в то время. Многие княжеские биографии значительно приближены к житиям святых, даже если эти князья не были канонизированы; для князей-святых в основу изложения берется не столько летописный, сколько агиографический материал. В то же время все житийные памятники интенсивно насыщаются риторическими и историческими мотивами, отражающими идеологию московского самодержавия. Начиная с первого жития — Ольги в агиографические тексты неизменно включаются торжественные призывы к святым о покровительстве московскому правящему дому, царю Ивану IV, его семейству, его державе. Слово «самодержавство» и его производные — самые употребительные в лексике Степенной книги. Главными задачами вместе с тем провозглашаются забота об укреплении церкви, умножении ее богатств, почитании ее святых, защита благочестия в стране, борьба с неверными. Эта церковная интерпретация сути московского самодержавия, соответствующая политической линии митрополита Макария, была дана в Степенной книге накануне острого столкновения между царем и руководст-

вом церкви в годы опричнины. Чудовская редакция памятника создавалась в разгар этого столкновения, в годы правления митрополита Филиппа, погибшего от рук опричников. И позднее ни Иван IV, ни его преемники не отказываются от широкого использования политических концепций Степенной книги, далеких от исторической реальности, но крайне выгодных для царской власти. Памятник постоянно переписывается, несомненно влияя на его текст, его идей на историческую литературу — от Лицевого свода Ивана IV до трудов дворянских историков XVIII в., а через посредство М. М. Щербатова даже на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина. При этом в связи с изменениями взаимоотношений между государством и церковью в XVII в. трансформируется восприятие основного тезиса Степенной книги: государь-святой все больше понимается не просто как покровитель, а как глава церкви.

В исследованиях о Степенной книге упоминаются 74 ее списка (не считая Хрущевской и Латухинской редакций), но несомненно, что число это далеко не полное. Текст памятника отличается устойчивостью, хотя со временем накопилось немало писцовых ошибок. Однако наблюдаются значительные варианты в составе четырех «вводных статей», сопровождающих в ряде рукописей Степенную книгу. Имеются также списки, не содержащие значительных фрагментов памятника. В двух таких случаях (окончание 17-й грани и окончание *Жития митрополита Петра* в 10-й грани) речь безусловно идет о механических дефектах, закрепившихся в части рукописной традиции. Третий случай относится к Сказанию о посмертных чудесах митрополита Алексия (см. *Житие митрополита Алексия*): в XI грани перед Словом о перенесении мощей Алексия говорится, что следом будет помещено Сказание, найденное в 1556 г. Однако Сказание отсутствует во всех ранних списках Степенной книги (XVI—начала XVII в.) и во многих более поздних списках. Попытку П. Г. Васенко считать списки, содержащие Сказание о посмертных чудесах Алексия, первой редакцией («видом») Степенной книги и построить всю дальнейшую историю текста как его движение от самого полного к наименее полному нельзя признать удачной. Списки XVII в., содержащие Сказание, в своих разночтениях в основном отражают более поздние этапы истории текста и изобилуют ошибками; один из этих списков (ГБЛ, собр. Пискарева, № 612/177) был избран в качестве основного при публикации памятника в ПСРЛ.

Древнейшие известные списки Степенной книги, Томский и Чудовский (собр. Томского краеведческого музея, № 91 и ГИМ, Чудовское собр., № 56/358), были созданы в Чудовском скриптории в 1566—1568 гг., при митрополите Филиппе. Списки, вероятно, писались параллельно, одними и теми же писцами, в нескольких случаях текст Чудовского списка вторичен по отношению к Томскому. При написании обоих текстов заметна остановка перед переходом к грани 17-й, повествующей о царствовании Ивана IV, — здесь происходит смена почерков (а в Чудовском списке и бумаги): 17-я грань и ее оглавление в начале рукописи написаны в обоих списках одним и тем же новым почерком. Совпадают и почерки редакционной правки обеих рукописей. Оба списка редактировались вместе при их создании, затем Чудовский список получил несколько дополнительных изменений. Главное из них — двухлинейная вставка похвального слова князю Владимиру в конце его *Жития*. Томский и Чудовский списки представляют второй этап истории текста памятника и восходят к одному протографу 1560—1563 гг. Из редакционной правки на этом этапе следует отметить значительное расширение генеалогических сведений о княжеских домах русских княжеств — Ярославского, Тверского, Рязанского и др. Эти дополнения стоят в связи с тенденцией русского летописания и кремлевской живописи XVI в. (фрески Архангельского собора) включить в «единую семью» русских князей правителей княжеств, когда-то боровшихся с Москвой. На этом же этапе в рассказ

о святом князе Довмонте (см.: *Повесть о Довмонте*) умело вносится примечание с родословием литовских князей. В оглавлении Томского и Чудовского списков первоначально отсутствовало Сказание о Данииле Переяславском, хотя само Сказание в текст 16-й грани в обоих списках включено (в Томском списке — уже после графической концовки грани). Возможно, Сказание вошло в текст памятника лишь на этом этапе его истории. Не исключено, что А. мог участвовать в создании не только протографа, но и этих двух списков Степенной книги. В 1594 г. с Чудовского списка была снята копия для *Ионы Думина*, причем между 8-й и 9-й гранями была вставлена думинская редакция *Жития Александра Невского*. Вся редакционная правка Чудовского списка вошла в текст этой копии (ЦГАДА, ф. 381, № 346). Близким к Думинскому является составленный в конце XVI—начале XVII в. Архангельский список (БАН, Архангельское собр., № 130), однако в нем уже утрачено окончание 17-й грани.

В дошедших до нас рукописях Сказание о чудесах митрополита Алексия впервые включается в Степенную книгу лишь в Пискаревском списке (ГБЛ, Пискаревское собр., № 612/177), который относится к первой четверти XVII в. (водяные знаки 1607 и 1618 гг.). Здесь имеются также все четыре вводные статьи, тогда как ранее только две первые строки одной из них были включены в Думинский список. Некоторые разночтения списка восходят к протографу памятника. Следует отметить также список БАН 32.8.6, датируемый 1630—1640 гг. и являющийся точной копией Томского списка. По этому списку знакомился со Степенной книгой М. В. Ломоносов, и его пометы остались на полях рукописи.

Соч.: Книга Степенная царского родословия, содержащая историю российской..., напечатанная под смотрением... Герарда Фридриха Миллера. М., 1775, ч. 1—2; Окончание книги Степенной, содержащей российскую историю. — В кн.: Русские достопамятности. М., 1815, ч. 1, с. 166—168; Книга Степенная царского родословия / Подгот. к изданию и под ред. П. Г. Васенко. — ПСРЛ, СПб., 1908—1913, т. 21, ч. 1—2; Смирнов С. И. Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца, повесть о обретении мощей и чудеса его. М., 1908.

Лит.: Калайдович К. Ф. Об ученых трудах митрополита Киприана и о том, справедливо ли приписывается ему и митрополиту Макарию сочинение книги Степенной. — ВЕ, 1813, ч. 72, № 23—24, с. 207—224; Ключевский И. Древнерусские жития. с. 240—243, 282—283; Барсуков. Источники агнографии, стб. 146—148; Строев. Словарь, с. 165—170, 196, 438—439; Филарет. Обзор, с. 77, 143, 154; Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетия. М., 1899, с. 296—297; Голубинский. История церкви, т. 1, ч. 1; т. 2, ч. 1; Державин Н. С. «Степенная книга» как литературный источник: Опыт исследования литературного состава «Степенной книги» Г. Миллера. Батум, 1902; Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904, ч. 1; Зимин А. А. 1) К изучению источников Степенной книги. — ТОДРЛ, М.; Л., 1957, т. 13, с. 225—230; 2) И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 86—91; 3) Митрополит Филипп и опричнина. — ВИРА, М., 1963, т. 11, с. 278—280; 4) Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, с. 239—240; Альшиц Д. Н. Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве». — ТОДРЛ, М.; Л., 1958, т. 14, с. 64—70; Бегунов Ю. К. Следы «Слова о погибели Руския земли» в Степенной книге. — ТОДРЛ, М.; Л., 1958, т. 15, с. 116—130; Куско В. В. О некоторых особенностях стиля Степенной книги. — Учен. зап. Уральского ун-та, 1959, вып. 28. Филология; Клосс. Никоновский свод.

Н. Н. Покровский

Болтин Баим (Бويم, Обоим, «молитвенное имя» — Сидор) Федорович (конец XVI—XVII в.) — воевода, предполагаемый автор оригинального произведения — «записей», охватывающих события 1604—1644 гг. Первое упоминание о Б. встречается под 1613—1614 гг., когда он участвовал в походе князя Д. Т. Трубецкого под Новгород. До 1624 г., когда Б. начинает свою службу в Москве, он был стрелецким головой в Казани, вторым воеводой в Терках. С 1624 по 1652 г. служба Б. в Москве проходит успешно: его имя часто встречается в числе приглашенных к государеву столу, на церемониях и торжествах; он принял участие во взятии Новго-

рода-Северского в 1632 г., а в 1634 г. участвовал в заключении Поляновского «докончания»; его посылали послом в Литву (1634—1635 гг.) и Данию (1647—1648 гг.). В 1652—1654 гг. при *Алексее Михайловиче* Б. сослан на службу в Сибирь, где был вторым воеводой в Тобольске. В 1654 г. Б. вернулся в Москву. Имя Б. последний раз встречается под 1655 г. среди участников Смоленского похода; в это время ему было около 60 лет.

С. Ф. Платонов первым указал на Б. как на автора «записей» 1604—1644 гг.: среди известий этого периода часто упоминается имя Б.; подробно изложены события, в которых он или сам принимал участие, или мог знать о них по месту своей службы; Б. был арзамасским землевладельцем, а события, связанные с Арзамасом, Нижним Новгородом и Саранском, где Болтины служили, описаны наиболее подробно; на одном из списков «записей» имеется приписка арзамасского игумена Корнилия. Свои «записи» Б. вел погодно. Среди исследователей нет единого мнения о жанре произведения, приписываемого Б.: летописное произведение (А. Н. Попов), хронограф (П. И. Мельников), частная разрядная книга (А. И. Маркевич, С. Ф. Платонов, В. С. Иконников), оригинальная летопись (В. О. Ключевский), запись разрядно-хронографическая (С. А. Белокуров), записи (С. Ф. Платонов). Последнее определение взято Платоновым для того, чтобы подчеркнуть особенность произведения Б. с точки зрения жанра, его близость к западноевропейским хроникам. Личные впечатления Б. записывал с большой объективностью, говоря о себе в третьем лице и часто не упоминая своего имени в «записях» о тех делах, в которых несомненно участвовал, например в рассказе о походе под Новгород в 1614 г. «Записи» Б. полны живых деталей, конкретных подробностей, но содержат ряд фактических ошибок и неточностей, хотя последнее не мешает им быть ценнейшим историческим источником. «Записи» Б. схожи с дневниковыми записями князя *С. И. Шаховского*, отличаясь от них замечательной полнотой. «Записи» известны по трем спискам: ГПБ, F.IV.595 (*Хронограф Столяровский*); ГБЛ, собр. МОИДР, № 183 (разрядная книга); не дошедший до нас Лобковский хронограф.

Соч.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собрал и издал Андрей Попов. М., 1869, с. 321—379.

Лит.: Карамзин. ИГР, т. 12, примеч. 46 и сл.; ПСРЛ, т. 4, с. 340; Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869, вып. 2, с. 252—256; Иконников В. Опыт историографии, т. 2, кн. 2, с. 1382—1384; РБС, «Бетанкур—Бякстер». СПб., 1908, с. 185; Платонов С. Ф. 1) Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913, с. 340—344; 2) Столяров хронограф и его автор. — В кн.: Сборник статей, посвященный Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909, ч. 1, с. 18—28; Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959, с. 22—23; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 62—63.

В. К. Зиборов

Василий (конец XI—начало XII в.) — автор Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича Теревовльского, вошедшей в состав статьи 1097 г. *Повести временных лет* (в летописях *Лаврентьевской*, *Радзивилловской*, *Ипатьевской* и др.). А. А. Шахматов считал В. священником, духовником князя Василька; другие считают его светским лицом. По мнению Б. А. Рыбакова, В. был «муж» князя Святополка и допустимо его отождествление с Василием — посадником г. Владимира, упоминаемым в летописной статье 1097 г. А. А. Шахматов ограничивал Повесть В. несколькими фрагментами из статьи 1097 г., перемежающимися с летописным текстом, а именно: «И приде Святополк с Давыдом Киеву... 2 отрока княжа, Улан и Колчко», «Василкови же сущю Володимери, на прежереченем месте... Сим же от града отшедшим, сею же снемше погребоша я» и «Святополк же, прогнав Давыда, нача думати... перья

Володимерь, и посади в нем сына своего Ярослава». Другие исследователи приписывают В. всю статью 1097 г. и даже некоторые другие летописные статьи. Особняком стоит гипотеза М. Х. Алешковского, согласно которой В. — один из основных редакторов ПВЛ. В 1119 г. он осуществил переработку текста ПВЛ, созданного *Нестором* (в построениях Алешковского этот текст отождествим с Начальным сводом): внес в него фрагменты из *Хроники Георгия Амартола*, текст договоров с греками, легенду об апостоле Андрее, предания о северных народах (в статьях 1096 и 1116 гг.) и другие рассказы, ряд этнографических, исторических и генеалогических уточнений.

Исследователи, атрибутирующие В. лишь статью 1097 г., полагают, что текст Повести был внесен в ПВЛ *Сильвестром*. А. А. Шахматов, напротив, считал его вставкой составителя 3-й редакции ПВЛ.

В своей Повести В. выступает как очевидец и участник событий. Он сам упоминает, что был послан князем Давыдом Святославичем к находящемуся в заточении, ослепленному Васильку Ростиславичу, чтобы убедить того принять предлагаемые Давыдом условия примирения. Но В. не ограничивается описанием своей беседы с Васильком, а излагает всю историю заговора князей, пленения и ослепления Василька, все события феодальной междоусобицы, вспыхнувшей между князьями Давыдом и Святополком Киевским, повинными в расправе над Васильком, и князьями, выступившими в его защиту. Если не ограничивать Повесть фрагментами, отмеченными Шахматовым, а атрибутировать В. всю статью 1097 г., то совершенно ясной становится его тенденция прославить государственную мудрость и великодушие Владимира Мономаха. Поэтому допускают, что Повесть была создана по поручению этого князя.

Повесть В. обладает высокими литературными достоинствами: автор умело использует яркие сюжетные детали, с редкой для древнерусской литературы того времени живостью передает диалоги и монологи. Исследователи часто обращались к анализу Повести для характеристики принципов и приемов древнерусского сюжетного повествования. Д. С. Лихачев видит в ней произведение особого жанра — «повестей о княжеских преступлениях», сопоставимое с летописными рассказами об убийстве Игоря Ольговича (в статье 1147 г. Ипатьевской летописи) и Повестью об убиении Андрея Боголюбского.

Перечень изданий см. в статье «Повесть временных лет» (с. 158—159).

Лит.: Хрущов И. Древние русские сказания в летописях: Сказание о Васильке Ростиславиче. — ЖМНП, 1874, август, с. 176—193; Шахматов А. А. 1) *Нестор летописец*. — ЗНТШ, Львів, 1914, т. 117—118, с. 35—41; 2) *Повесть временных лет*: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916, с. XXXI—XXXVI. (ЛЗАК, Пг., 1917, вып. 29); Лихачев Д. С. 1) *Русские летописи*, с. 217—219; 2) *Анастезиизм и древнерусская литература*. — РЛ, 1963, № 1, с. 81—82; Адрианова-Перетц В. П. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.). — ТОДРЛ, М.; Л., 1960, т. 16, с. 12—15; Азбелев С. Н. Реализм и древнерусская литература. — РЛ, 1963, № 1, с. 57—58; Рыбаков Б. А. *Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи*. М., 1963, с. 275—279; Творогов О. В. *Сюжетное повествование в летописях XI—XIII вв.* — В кн.: *Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе*. Л., 1970, с. 45—46, 58—60; Алешковский М. Х. *Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси*. М., 1971, с. 32—52.

О. В. Творогов

Волконский Федор Федорович (ок. 1600—1665) — князь, автор автобиографического летописца, одного из наиболее оригинальных исторических произведений середины XVII в. В. принадлежал к младшей ветви древнего, но захудалого княжеского рода. В 1618 г. он стряпчим участвовал в обороне Москвы, с 1621 г. был пожалован в стольники. В 1627 г. В. местничал с Пожарскими и Ромодановскими и был вынужден покинуть столицу. В 1629—1631 гг. он служил воеводой в Ливнах, в 1633 г. — то-

варищем воеводы в Калуге, а с начала 1634 г. возглавил гарнизон небольшого пограничного городка Белый. Здесь он выдержал 59-дневную осаду коронной армии Владислава и заставил интервентов с большими потерями отступить, оставив в руках героических защитников Белого 8 знамен и множество пленных. Вернувшись ко двору в чине окольного, В. занял близкое место при государе. В 1634—1637, 1640—1643, 1657, 1659, 1661 и 1662 гг. он замещал царя на время отъезда того из Москвы. Еще сидя в осаде, В. получил звание калужского наместника, с 1639 г. был наместником муромским, а с 1648 г. — олонецким. Он возглавлял ряд приказов: Челобитный (1634—1643 гг.), Сыскной (1639, 1642, 1662 гг.), Казачий (1640—1645 гг.), Литовский и Сбора ратных людей (1648—1649 гг.). С 1634 по 1659 г. В. неоднократно представлял царям посланников Польши, Персии, Крыма, Швеции, Дании, Голландии, Турции и др. и вел с ними переговоры в Москве, выезжал на «межевание» русско-польской границы (1636, 1642 гг.), ездил великим и полномочным послом в Польшу (1652—1653, 1658, 1660 гг.) и представлял Россию при избрании запорожского гетмана, заслужив немало наград и наветов своей «твердостоятельной службой». В должности астраханского воеводы В. энергичными мерами подавил волнения донских казаков и калмыков, привел в подданство нагайских и татарских мурз (1643—1646 гг.). В 1648—1649 гг. В. был послан со специальной миссией в заонежские погосты, где построил г. Олонец и обучил «салдацкому строю» несколько тысяч крестьян. В 1650 г. он вызвался в сопровождении одного лишь дьяка ехать в восставший Псков, «чтобы то злохитное и воровское дело сыскать прямым сыском». После заключения перемирия с восставшими В. за отвагу и «многие кровавые раны» первым в роду Волконских был пожалован в бояре. Будучи киевским воеводой, он в 1653—1656 гг. участвовал в войне с Речью Посполитой и взял птурмом 6 городов. В 1659 г. В. возводил укрепления Земляного города в Москве, а в 1662 г. выступил в поход на башкир, при возвращении из которого скончался в Казани.

В. был довольно образованным человеком. Особенно глубокими познаниями он обладал в области тактики и фортификации, юриспруденции и международных отношений. В течение многих лет В. руководил составлением деловых документов приказов, статейных списков посольств и докладов царю и думе по международным и военным делам, им было написано немало донесений и воеводских отчетов. Главные эпизоды в жизни В. — оборона Белого, строительство Олонца и поездка в восставший Псков — были чрезвычайно выразительно и с уместным пафосом описаны боярином в Летописце, составлявшемся им между 1656 и 1662 гг. Летописец не сохранился в оригинале, но три большие статьи из него, процитированные в *Летописце 1686 г.*, позволяют судить о незаурядном литературном таланте В. Чуждаясь риторических приемов, автор описал каждый из трех эпизодов с точки зрения его непосредственного участника (хотя повествование традиционно ведется от третьего лица). В. не включает события в широкий исторический контекст, рассматривая каждое из них как самодовлеющее явление вселенского порядка, имеющее собственный эмоциональный строй. Ярко выраженный психологизм летописного рассказа отличает произведение В. от других сочинений этого жанра. Свообразен и язык В., органично сочетающий элементы литературной, «книжной» и приказной деловой речи. Летописец В. не рассматривался до настоящего времени в специальной литературе.

Лит.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1892, т. 7, с. 40—42; Волконская Е. Г. Род князей Волконских. СПб., 1900, с. 115—137; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946, с. 34, 68, 83, 153—154, 193, 195, 218—219.

Вышата (XI в.) — воевода, рассказы которого, как полагают, включены в Начальный свод (см. *Повесть временных лет*). Имя В., возможно, производное от имени Вышеслав. По предположению Д. С. Лихачева, В. — сын новгородского посадника Остромира, внук посадника Константина, правнук Добрыни (дяди Владимира Святославича). Биографические сведения о В. скудны: это упоминания о нем в ПВЛ, в статьях 1043, 1064 гг. Из них следует, что в 1043 г. В. в качестве воеводы участвовал в походе князя Владимира Ярославича (сына Ярослава Мудрого) на Византию. Буря разбила русский флот, и часть воинов была выброшена на берег. Во главе с В. они пытались вернуться на Русь, но были пленены. Три года спустя В. вернулся из плена в Киев. В 1064 г. он вместе с князем Ростиславом Владимировичем бежал из Киева в Тмутаракань. Других сведений о В. нет, но известно, что его сын *Янь Вышатич* занимал высокое положение в Киеве при Изяславе Ярославиче.

А. А. Шахматов предполагал, что именно от В. летописец *Никон* черпнул или дополнил сведения о походе 1043 г. Д. С. Лихачев допускает, что от В. Никону стали известны новгородские предания о призвании варягов, о Владимире и Добрыне, о сватовстве Владимира к Рогнеде, о пребывании в Новгороде Ярослава Владимировича, о Лиственской битве и др. А. А. Шахматов возводил эти рассказы к гипотетическому новгородскому летописному своду XI в.

Лит.: Шахматов. Разыскания, с. 441—444, Лихачев Д. С. 1) «Устные летописи» в составе Повести временных лет. — Изд., М., 1945, т. 17, с. 201—224; 2) Русские летописи, с. 89—93, 102—114.

О В Творогов

Герман Воята (ум. 1188) — священник новгородской церкви Якова, летописец. Единственное упоминание о нем в *летописи Новгородской первой* Старшего извода находится под 1188 г.: «преставился раб божий Герман, перей святого Якова, зовемый Воята, служивший ему у святого Иякова полъпятядьсет лет в кротости и съмерении и богобоязньстве» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 39). Далее говорится, что Г. В. заболел во время поездки в Псков и был погребен там (видимо, в псковском Спасо-Мирожском монастыре). С этим сообщением соотносимо упоминание в статье 1144 г.: «В то же лето постави мя попомъ архиепископ святыи Нифонт».

По гипотезе А. А. Шахматова, развитой и дополненной Д. С. Лихачевым, Г. В. был переписчиком и редактором летописного свода, составлявшегося в церкви Якова и являвшегося дополненной копией владычного свода *Нифонта* (Софийского временника). Вставки, принадлежащие Г., отличает, по наблюдениям Д. С. Лихачева, особый характер: они часто делаются от первого лица, «во многих из них он проявляет интересы городского обывателя, сообщающего городские слухи, сведения об уличных происшествиях, о погоде, о сене, о дровах, об урожае, о состоянии воды в Волхове, о поломках и починках моста через Волхов, о раннем громе и поздно стоящей дождливой погоде» (Лихачев. Русские летописи, с. 213). Следы редакторской работы Г. В. сохранились в Синодальном списке Новгородской первой летописи.

Лит.: Прозоровский Д. Кто был первым писателем первой новгородской летописи? — ЖМНП, 1852, август, отд. 2, с. 1—28, Шахматов Разыскания, с. 182—196; Лихачев. Русские летописи, с. 212—214

О В Творогов

Грибоедов Федор Акимович (ум. не позднее 1 IX 1673) — дьяк, член Комиссии по составлению Уложения 1649 г., автор «Истории о царях и великих князьях земли Русской». Существует легенда о происхождении Г. от польского выходца или «полоняника» Яна Гржибовского, который, по

С. Ф. Платонову, «обрусев, превратился на московской почве в Иоакима Грибоедова» (Грибоедов Ф. История о царях..., с. I); однако антипольская направленность «Истории» Г., как и лингвистический анализ его сочинений, отличающихся чисто русским языком, полностью разрушают эту легенду. Г. впервые упоминается как подьячий Казанского дворца в 1639 г. (его двор отмечен в росписном списке Москвы 1638 г.); в этой должности он известен до 1646 г.; в 1647 г. — на службе в Белгороде. В июле 1648 г. Г. включен в состав Комиссии по выработке Уложения, в связи с чем получил звание дьяка с удвоением поместного и денежного оклада. В 1649—1664 гг. он служит дьяком Казанского приказа; в 1659 г. участвует в посольстве к Выговскому; в 1661—1662 гг. — дьяк Приказа полковых дел. В 1664 г. назначен в Разрядный приказ (был там до октября 1670 г.). С 13 октября 1670 г. по 29 мая 1673 г. Г. — дьяк Приказа Казанского дворца.

Наибольшую известность Г. стало участие в работе законодательной комиссии 1648—1649 гг. Однако о его личном вкладе в составление Уложенной книги мнения разделились: С. Ф. Платонов ограничивал его второстепенным канцелярским трудом и сношениями с московскими приказами (Грибоедов Ф. История о царях..., с. II), в то время как П. Я. Черных справедливо отметил, что для чисто технической деятельности «не требовалось срочно производить Федора Грибоедова в дьяки»; по его мнению, «если Одоевскому как ответственному редактору принадлежало общее руководство деятельностью комиссии, то авторская работа осуществлялась главным образом Грибоедовым» (Черных П. Я. Язык Уложения 1649 года, с. 66). Последний вывод подтверждается лингвистическим анализом сочинений всех членов Уложенной комиссии. Наряду с другими дьяками Г. скрепил подлинную рукопись Уложения своей подписью (Маньков А. Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980, с. 53).

«История о царях и великих князьях земли Русской» (1669) была написана Г. по государеву заказу как краткий учебник для царских детей; на одном из списков, как указал С. Ф. Платонов, сохранилась запись о том, что книга была «взята к великому государю в Верх» и снискала награду автору (Грибоедов Ф. История о царях..., с. VI, 69). Комплятивная по своему характеру, «История» Г. с отживающих средневековых позиций обосновывает права на престол и величие дома Романовых; автор представляет всю русскую историю как историю династическую (что находит соответствие в таких сочинениях того же времени, как «Титулярник» или «Родословие... великих московских князей» Лаврентия Хурелича), продолжая в этом плане традицию официозных сочинений XVI в. (Степенная книга, Государев родословец и др.). Содержание «Истории» полностью передается ее длинным заглавием: «История, сиречь повесть или сказание вкратце, о благочестиво державствующих и свято поживших боговенчанных царей и великих князей, иже в Русей земли богоугодно державствующих, наченше от святого и равноапостольного великого князя Владимира Святославича, просветившаго всю Русскую землю святым крещением, и прочих, иже от него святого и праведнаго сродствия, тако жь с богом избраннем и приснопамятнем великом государе царе и великом князе Михайле Федоровиче, всеа Русии самодержце и о сыне его государеве, с богом хранимом в благочестивом, и храбром, и хвалам достойном великом государе царе и великом князе Алексее Михайловиче, всеа Великия и Малыя и Белья Русии самодержце, в которые времена по милости всемогущего в Троицы славимаго бога, учинились они, великие государи, на Московском и на Владимирском и на всех великих и преславных государствах Российския державы, и откуду в Велицей России их великих и благочестивых и святопомазанных государей царей богом насажденный корень прозябе и израсте, и процвете, и великому Российскому царствию сторичный и прекрасный плод даде».

Основными источниками «Истории» Г. являются Степенная книга, *Русский хронограф* в редакции 1617 г., *Сказание Авраамия Палицына*, *Грамота утвержденная об избрании на Российский престол... Михаила Федоровича*, Соборное изложение патриарха Феофана из Кормчей 1653 г. Труд Г., таким образом, стал своеобразным «завершением старомосковской историографии» (Комарович В. Л. *Исторические повести...*, с. 272).

«История» Г. сохранилась в сравнительно малом числе списков почти исключительно XVII в. (10 из них перечислены С. Ф. Платоновым), которые делятся на 6 редакций. Первоначальный (черновой) набросок всего сочинения сохранился в виде краткой редакции 34 глав, которая является как бы сюжетным конспектом, сохраняющим лишь главные имена, даты и факты, во многом потом поправленные (Грибоедов Ф. *История о царях...*, с. VII—IX). Окончательный авторский текст (также 34 главы) представлен рукописью из библиотеки царя *Алексея Михайловича*, по всей вероятности являющейся авторским подносным экземпляром (БАН, А.И.16, см.: *Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1956*, вып. 1 (XVIII век), с. 384—385). Этот текст переписывался позднее с небольшими дополнениями, сделанными для постороннего (т. е. не из царского дома) читателя: добавлены даты рождения царя Алексея Михайловича и его сыновей, а также родословные перечни удельных князей Рюриковичей (см. ГПНТБ СО АН СССР, собр. Тихомирова, № 43). На основе последнего варианта появилась редакция из 36 и 41 главы, отличающаяся мелкими дополнениями и вторичными заимствованиями из тех же источников, на которых строится авторский текст «Истории»; редакция из 41 главы уже после смерти Г. дополнена рассказом о событиях 1669—1676 г. Малая распространенность «Истории» объясняется скорее всего появлением вытеснивших ее новых учебников русской истории (прежде всего — *Синописа*).

Соч.: Грибоедов Ф. *История о царях и великих князьях земли Русской* / По списку СПб. ДА, № 306. Сообщение С. Ф. Платонова (предисловие) и В. В. Майкова (издание текста). СПб., 1896. (ПДП, № 121).

Лит.: Строев. *Словарь*, с. 64; Филарет. *Обзор*, с. 245; Соловьев. *История России*, кн. 7 (т. 13—14), с. 144—145, 356; Рубинштейн Н. Л. *Русская историография*. М., 1941, с. 40—42; Комарович В. Л. *Исторические повести 1670-х—1680-х годов*. — В кн.: ИРЛ I, т. 2, ч. 2, с. 272—273; Черных П. Я. *Язык Уложения 1649 года: Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги*. М., 1953, с. 64—66; Тихомиров М. Н. *Исторические знания в Российском абсолютистском государстве XVII в.* — В кн.: *Очерки исторической науки в СССР*. М., 1955, т. 1, с. 100—101; Черепнин Л. В. *Русская историография до XIX века: Курс лекций*. М., 1957, с. 128—130; Астахов В. И. *Курс лекций по русской историографии (до конца XIX века)*. Харьков, 1965, с. 79—80; Ромодановская Е. К. *История о царях и великих князьях земли Русской* Ф. П. Грибоедова в собрании М. Н. Тихомирова. — В кн.: *Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока: Вопросы книжной культуры Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск, 1973, вып. 14, с. 69—83; Веселовский С. Б. *Дьяки и подьячие XV—XVII вв.* М., 1975, с. 131.

Е. К. Ромодановская

Гурий (в миру Григорий Тушин) (1452 или 1455—1526) — игумен Кирилло-Белозерского монастыря, книгописец. Происходил из знатного боярского рода Квашиных. В 1478 или 1479 г. постригся в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре, где оставался до своей смерти; в 1484 г. был игуменом.

Г. был не только переписчиком, но и одним из организаторов монастырского книгописания, под руководством которого работали другие монахи-переписчики; он являлся также составителем ряда сборников и редактором некоторых входивших в их состав произведений. Рукою Г. или под его руководством написаны тридцать семь книг, из которых

в настоящее время выявлены двадцать три. По своему содержанию книги Г. могут быть разбиты на три группы: 1) книги Священного писания и богослужебные, 2) житийные сборники, 3) религиозно-нравственные сборники. Состав последних показывает, что интересы Г. тяготели к аскетически-созерцательной литературе (в сборниках большое место занимают сочинения Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита), что было обусловлено влиянием *Нила Сорского*, чьим учеником был Г. О близости ученика к учителю свидетельствует адресованное Г. послание Нила Сорского. В сборниках Г. находятся одни из самых ранних списков сочинений Нила Сорского.

С конца второго десятилетия XVI в. состав сборников Г. меняется: сочинения писателей аскетически-созерцательного направления встречаются в них реже и вместе с тем появляются статьи, трактующие насущные проблемы религиозно-общественной жизни. К числу их относится, в частности, «Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей» (см. *Максим Грек*) и произведения *Вассиана Патрикеева* — «Слово о еретиках» и «Собрание некоего старца». Оба произведения Вассиана читаются в сборнике Г. в виде особых редакций, отличных от авторских; составителем их был, вероятно, Г. Особенности Тушинских редакций сочинений Вассиана Патрикеева показывают, что Г., разделяя основные положения учения Вассиана, стоял вместе с тем на менее радикальных позициях: путь ликвидации вотчинных прав монастырей он усматривал не в секуляризации монастырских вотчин, а в увещаниях иноков следовать обету нестяжания. В историю нестяжательства Г. вошел как переписчик и распространитель сочинений крупнейших писателей-нестяжателей и пропагандист их идей.

Г. сыграл некоторую роль и в развитии летописания конца XV—начала XVI в. Он был составителем «Летописца русского», входящего в состав его последней, тридцать седьмой книги. Летописец Г., охватывающий период с 1074 по 1523 г., принадлежит к кратким летописцам, которые велись в Кирилло-Белозерском монастыре. Несмотря на краткость, Летописец Г. в силу своей идейной направленности и преобладация в нем общерусских известий над местными может быть отнесен к числу общерусских летописчиков. По мнению Я. С. Лурье, Летописец Г., так же как и другие краткие кирилловские летописчики, свидетельствует о тесной связи историографической деятельности кирилловских иноков с составленным в начале 70-х гг. XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре независимым общерусским летописным сводом.

Общерусская направленность Летописца Г. позволяет думать, что автор являлся сторонником единства Руси, а следовательно, и великокняжеской власти. Косвенным образом об этом свидетельствует и дар великого князя Василия III Г. Тушину — роскошно оформленное Евангелие: вряд ли такой ценный подарок великий князь стал бы делать своему политическому противнику.

Соч.: Казакова Н. А. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина. — ТОДРЛ, М.; Л., 1961, т. 17, с. 195—200 («Летописец русский» и Тушинские редакции «Собрания некоего старца» и «Слова о еретиках» Вассиана Патрикеева).

Лит.: Никольский Н. К. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI веках и в начале XVII-го. — ХЧ, 1907, август, с. 174—177 и примеч.; Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли: Первая треть XVI в. Л., 1970, с. 244—276; Синицына Н. В. Отождествление почерков русских рукописных книг конца XV—первой половины XVI в. и его трудности. — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 89—113; Лурье Я. С. Общерусские летописи, с. 201—209.

Дашков Андрей Яковлевич (ум. после 1702) — автор фамильного Летописца Дашковых. Он был наиболее видным в XVII в. представителем дворянского рода, не слишком древнего (с начала XVI в.), но многочисленного и политически активного. В 1620 г. Д. был патриаршим стольником, в 1635 г. — пожалован в стольники царские. Уже в 1635 г. он участвовал в дипломатических приемах, в 1662 г. приводил к присяге калмыцких князей, а в 1666—1667 гг. был на съезде с калмыцкими тайшами. Однако большее место в его деятельности занимала воеводская и приказная служба: на валовом деле в Цареве-Алексееве (1647—1648 гг.), на воеводствах в Свияжске (1653—1654 гг.), Чернигове (1658 г.), Астрахани (1660—1663 гг.) и в Тамбове (1667 г.), судьей в приказах Владимирском Судном (1659—1660 гг.), Холопьем (1677—1678 гг.), Каменном (1680 г.) и Сыскных дел (1684—1686 гг.). В 1680-х гг. Дашковы способствовали осуществлению переворота в пользу Петра и Нарышкиных, но уже в мае 1682 г. были отстранены последними от власти. Это заставило Д. принять сторону царевны *Софьи Алексеевны*, которая сразу же после прихода к власти пожаловала его в думные дворяне (26 января 1683 г.); 28 марта того же года он был назначен в комиссию «для росправных дел», а 23 октября — 2-м судьей Разбойного приказа. Д. и его многочисленные сыновья получили в период регентства значительные земельные пожалования (в 1682, 1683, 1685, 1686 и 1687 гг.); во время Крымских походов сыновья и племянники Д. были устроены на хорошие места в полку князя В. В. Голицына. Однако ко времени переворота в августе 1689 г. Д. опять сменил ориентацию и в 1690 г. был пожалован землями новым правительством Нарышкиных.

Летописец, который Д. составлял с 1680 по 1687 г., был призван подчеркнуть значение рода Дашковых в политической истории России, но его автор не намерен был ограничиваться родословием своей фамилии, имея целью создать широкий исторический труд. Первая часть Летописца (от сотворения мира до княжения *Василия III*) представляла собой искусное сокращение Хронографа редакции 1617 г., до главы 160. От следующей, 161-й главы сохранилось лишь несколько хронографических известий; остальные были вытеснены записями, основанными на разрядной книге Дашковых. Книга эта оказалась хорошим источником летописного текста — за XVI и XVII вв. в ней нашли отражение как воеводские, посольские и приказные службы верхов господствующего сословия (и прежде всего самих Дашковых), местнические казусы, события в жизни царской семьи и перемены церковных властей, так и известия о главных фактах политической истории государства: войнах, дипломатических отношениях, народных восстаниях, законодательной деятельности и т. п. С конца царствования *Федора Алексеевича* текст заметно оживляется, в нем преобладают оригинальные летописные известия, записанные современником и очевидцем событий. Хотя Д. включил в текст сообщения о всех наиболее важных с его точки зрения политических событиях регентства, в повествовании он старался исходить из связи этих событий с жизнью своей и своих родных: например, рассказ о сборе ополчения в 1682 г. начинается с описания приезда Д. с сыном в Троице-Сергиев монастырь, рассказ о «строительстве» новой администрации в Москве после восстания — с назначений Д., описание отправлявшейся в I Крымский поход армии связано с росписью мест, занятых в полках Дашковыми, а составление родословной книги отмечено в связи с составлением их частного родословия. Летописец Дашковых, написанный главой их рода, является важным памятником общественной мысли российского дворянства предпетровского времени, оригинальным как по содержанию, так и по источникам, которые в свою очередь оказали заметное влияние на литературную форму сочинения. Он написан четким, но несколько сухим, деловым языком, не изменяющимся даже при описании любимых автором «знамений», снабженных рисунками. Летописец сохранился

в единственной рукописи ГПБ, Эрмитажное собр., № 567, л. 1—164 (копия, сделанная с черного оригинала во второй половине XVIII в. для пополнения Эрмитажной библиотеки) и остается неизданным.

В научной литературе и в картотеке акад. Н. К. Никольского в БАН отмечено несколько рукописных книг, принадлежавших Д. Среди них: 1) Сборник ГПБ, Q.IV.374, XVII в., на листах первой части которого сохранилась полустертая запись: «История царства Казанского стольника Андрея... сына Дашкова» (Отчет имп. Публичной библиотеки за 1891 год. СПб., 1894, с. 142—143); 2) Театрон, или Всеобщая география Ботера Бенезиуса, перевод с польского издания 1659 г.; список принадлежал думному дворянину Д. (т. е. был выполнен не ранее 1683 г.), а до московского пожара 1812 г. находился в собрании Баузе (см.: Казань В. Н. Каталог славяно-русским рукописям (погибшим в 1812 году) профессора Баузе. — ЧОИДР, 1862, кн. 2. Смесь, с. 73, № 324; Моисеева Г. Н. «Собрание российских древностей» профессора Баузе. — ТОДРЛ, Л., 1980, т. 35, с. 338, № 361; в «Словаре» И. У. Будовица перевод этого сочинения ошибочно приписан Д.); 3) Летопись от взятия царства Сибирского 7092 (1584) г. до рождения царевны Анны Михайловны, 7138 (1630) г., XVII в., с записью по листам: «Книга думного дворянина Андрея Иаковлевича Дашкова» (Селиванов А. В. Краткое описание рукописей, принадлежащих Рязанской ученой архивной комиссии. — Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1892 г., Рязань, 1893, т. 7, № 3, с. 49, № 16); в труде Селиванова отмечено 9 рукописей XVI—XVIII вв., принадлежавших Василию Дашкову.

Лит.: Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886, т. 1, с. 225—226; РБС, «Дабелов—Дядьковский». СПб., 1905, с. 131.

О. А. Белоброва, А. П. Богданов

Досифей Топорков (Вощечников) (вторая половина XV в. — после 1547) — племянник *Иосифа Волоцкого* и его ученик, писатель первой половины XVI в. Д. прожил долгую жизнь: в 1485 г. он и его брат *Васиан* уже были иноками и принимали участие в росписи только что отстроенной каменной церкви Успения в Волоколамском монастыре (Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. — ИА, М.; Л., 1950, т. 5, с. 15—16), а последние литературные труды его относятся к 1545—1547 гг. В конце XV—начале XVI в. он, видимо, усиленно работал как монастырский книгописец-профессионал: в описи книг Волоколамского монастыря 1545 г. неоднократно упоминаются рукописи «Досифеева писма Вощечникова» (Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1914, с. 10, 12—14, 16, 18). В рукописи ГИМ, собр. Епархиальное, № 174 имеется помета о том, что она написана «многогрешным иноком Досифеем» «по благословению отца игумена Иосифа». В 1510-х гг., видимо после смерти Иосифа (1515 г.), Д. некоторое время проживал в Пафнугтьевом монастыре; сохранились также сведения, что в 1520-е гг. он жил в Симонове монастыре и имел там общение с *Васианом Патрикеевым*. На суде 1531 г. он выступил свидетелем против *Васиана*. Последний на том же суде отозвался о нем следующим образом: «Старец великой, доброй, у меня в кельи бывал многожды». Это свидетельствует о том, что *Васиан* ценил Д. как интересного собеседника, хотя они и являлись идейными противниками. К концу жизни у Д. установились тесные связи с Савватиевым Тверским монастырем, куда он сделал ряд значительных вкладов, в том числе завещал список Хронографа, который был переписан по его собственному заказу в 1538 г. для личного пользования (в настоящее время разделен на две части — ГПБ, F.IV. 178 и собр. ОЛДП, F.97, а начальные листы с автографом Д. находятся в рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 356).

Если справедлива гипотеза А. Д. Седельникова, развитая и уточненная Б. М. Клоссом, то ранней из известных нам работ Д. окажется *Хронограф Русский*. А. Д. Седельников предполагал, что Д. выступал как редактор одной из переделок *Хронографа*, которую мы знаем как редакцию 1512 г. Но после того как О. В. Творогов и Б. М. Клосс доказали, что эта редакция и есть первоначальная редакция памятника, стало возможным говорить о Д. как составителе *Русского хронографа*, над которым он работал, по предположению Б. М. Клосса, в 1516—1522 гг. Характеризуя этот памятник, О. В. Творогов отмечает «необычайную эрудицию составителя *Хронографа*, его неутомимость в разыскании и подборе источников и высокое литературное мастерство, позволившее создать на их основе повествование безупречной композиции и — насколько это оказалось возможным — даже единого стиля» (Творогов О. В. *Древнерусские хронографы*, с. 187). Свою непосредственную связь с иосифлянством автор *Хронографа* отметил в предисловии — в «Изложении о вере», мысли и выражения из которого были использованы им на суде против Вассиана Патрикеева (Седельников А. Д. *Досифей Топорков и Хронограф*, с. 762—763). С деятельностью Д. по составлению *Русского хронографа* следует связывать упоминания в описи книг Волоколамского монастыря 1545 г. о списках в «перевод» Д. книги Бытия и «Криницы» (какой-то хронографической компиляции типа *Хроники Георгия Амартола*). По мнению А. Д. Седельникова (там же, с. 768), слово «перевод» надо воспринимать как «текстуальную справку», но проводимую шире и свободнее стилистически.

В 1528—1529 гг. Д. по поручению архиепископа новгородского Макария работал по исправлению перевода *патерика Синайского*. Некоторые списки патерика сохранили приписку Д., в которой он называет себя «Досифеос Осифитие». По мнению И. М. Смирнова, Д. не занимался правкой текста в соответствии с греческим оригиналом, а делал пересказ патеричных повестей в более доступной форме для древнерусского читателя (Смирнов И. *Материалы...*, с. 189). Текст патерика, правленный Д., был включен в *Великие Минеи Четьи* под 30 июня. В дальнейшем опыт работы над *Синайским патериком* Д. использовал в своем собственном сочинении — *патерике Волоколамском*, предисловие которого имеет много совпадений с послесловием в *Синайском патерике* (там же, с. 179). А. Д. Седельников не без оснований склонен считать «Сказание о гибели городов Шимбории и Солоникии от землетрясения в 1542 г.» записью устного рассказа, сделанной Д. или по крайней мере по его инициативе (Седельников А. Д. *Досифей Топорков и Хронограф*, с. 772—773). «Сказание о гибели городов Шимбории и Солоникии» не издано (рук. ГБЛ, собр. Музейное, № 1257, л. 425—428). Последними литературными трудами Д., написанными примерно в 1545—1546 гг., являются *Волоколамский патерик* («Сказание о русских пустынножителях») и «Слово надгробное» Иосифу Волоцкому. Краткое «Слово надгробное» содержит редкие биографические сведения об Иосифе Волоцком, однако автор не всегда точен (Ключевский И. *Древнерусские жития*, с. 292).

А. Д. Седельников (*Досифей Топорков и Хронограф*, с. 772—773) считает, что главной идеей в творчестве Д. была идея провиденциализма, которая связывает между собой наиболее значительные произведения этого автора — *Хронограф* и *Волоколамский патерик*.

Соч.: Слово надгробное Иосифу Волоцкому / Изд. К. И. Невоструевым. М., 1865 (отд. отт. из ЧОЛДП); ПСРЛ, СПб., 1911, т. 22, ч. 1 (*Русский хронограф: Хронограф редакции 1512 г.*); Казакова Н. А. *Вассиан Патрикеев и его сочинения*. М.; Л., 1960, с. 296—297 (текст выступления Д. в Судном деле Вассиана Патрикеева); *Волоколамский патерик*. Сергиев Посад, [1915]. (Семинарий по древнерусской литературе Московских женских курсов, № 5).

Лит.: Ключевский И. *Древнерусские жития*, с. 293—295; Смирнов И. *Материалы для характеристики книжной деятельности всероссийского митрополита*

Макария. — БВ, 1916, № 5, с. 163—189; № 6, с. 275—291; Седелъников А. Д. Досифей Топорков и Хронограф. — Известия АН СССР, VII серия. Л., 1929, № 9, с. 755—773; Творогов О. В. 1) К истории жанра хронографа. — ТОДРЛ, Л., 1972, т. 27, с. 203—220; 2) Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 31—43, 160—194, 205—207; К л о с с. Никоновский свод, с. 168—169.

Р. П. Дмитриева

Есипов Савва (первая половина XVII в.) — дьяк тобольского архиерейского дома, автор Есиповской летописи. Происхождение и даты жизни неизвестны. Должность дьяка тобольского архиерейского дома занимал при архиепископах Макарии (1625—1635 гг.; возможно, именно с ним Е. и приехал в Сибирь), Нектарии (1636—1640 гг.), Герасиме (1641—1650 гг.). В известных нам документах упоминается впервые в 1635 г., когда после смерти Макария получает 200 рублей «для его архиепископли помину и на всякие расходы» и участвует в составлении описи имущества тобольского Софийского дома (Ромодановская Е. К. Русская литература. . ., с. 52); последнее упоминание относится к 1643 г., когда по поручению Герасима Е. привозит в Москву документы о восстании служилых в Нарыме (ЦГАДА, ф. 214, д. 212, л. 495—496). Наиболее близок Е. к Нектарии, который писал в 1638 г., что среди бывших до него служащих Софийского дома только «старый дьяк Савва Есипов» не «умышляет» на нового владыку; видимо, поэтому Нектарий оставляет Е. на старой должности, отрешив от нее привезенного им из Москвы дьяка Семена Хломова (Ромодановская Е. К. Русская литература. . ., с. 52, 34).

Литературная деятельность Е. тесно связана с предпринятой Нектарием пропагандой христианской идеологии. В Тобольске им создана Есиповская летопись (1636 г.), подписанная его именем, а также, возможно, ранняя редакция *Сказания о явлении Абалацкой иконы Богородицы* (1641 г.). М. Н. Сперанский предположительно атрибутировал Е. *Повесть о городах Таре и Тюмени* (между 1636 и 1642 гг.), но эта гипотеза требует дополнительных доказательств (см.: Сперанский М. Н. Повесть о городах Таре и Тюмени. — В кн.: Труды Комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932, т. I, с. 24—25). Для всех этих произведений характерны идеологическая и стилистическая близость, философия провинциализма, стремление «просветить» читателя основами христианского учения и прославить становление христианства на Сибирской земле, а также общность источников.

Есиповская летопись («О Сибири и сибирском взятии», «О Сибирстей стране, како изволением божиим взята бысть от рускаго полка, собраннаго и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевым и своею храброю предоброю дружиною и со единомысленною», «О Сибирстей стране и о взятии Сибири», «Списание о Сибирской земле», «Описание о Сибирской земле», «Описание известительное о Сибирской стране, как изволением божиим взято бысть православными христианы у бесерменских царей», «Сказание о Сибирской стране», «Сказание о взятии царства Сибирского от донского атамана Ермака с товарищи в 7088 году, о присылке на воеводство князя Семена Волконского и о поставлении града Тобольска») повествует об истории присоединения Сибири к России. Основная (авторская) редакция ее отличается стройностью и четкостью концепции, по которой Ермак с его отрядом рисуется как «меч обоюдоострый», как орудие бога в борьбе с неверными. После обширного вступления, где говорится о династической истории сибирских князей и о причинах божьего гнева на Сибирь (главными являются «гордость» Кучума и его «неверие»), Е. начинает свой рассказ о появлении казаков в сибирских пределах, на реке Тавде. Ни о происхождении отряда, ни о причинах его появления, как вообще о предыстории похода, Е. не упоминает, так как изображение реальной земной жизни Ермака и его сподвижников может

разрушить создаваемый образ божественного избранника. Описание самого похода у Е. вполне реально: в хронологическом порядке следуют события сибирской истории — битвы, победы и поражения, взятие крепостей и построение острожков, завершающиеся известием о гибели Кучума; это — естественная развязка сюжета, построенного на широко известном мотиве о божественном наказании гордого царя. Оканчивается летопись сообщением об основании тобольской епархии и о приезде в Сибирь первого архиепископа *Киприана*. Все построение летописи свидетельствует, что она создается Е. прежде всего как политическая история Сибирской страны и стоит в ряду официальных мероприятий русского правительства, проводимых в 30-х гг. XVII в. в связи с осознанием значения Сибири.

Непосредственными источниками Есиповской летописи, как указал сам автор, послужили *Синодик ермаковым казакам* и *Написание казаков о походе Ермака Тимофеевича*, составленные участниками похода. Слова Е. о том, что он распространил какой-то предшествующий текст, вызвали ряд гипотез о существовании более ранней краткой летописи, послужившей основой для творчества Е. (Бахрушин С. В. *Очерки...*, с. 31 (изложение концепции А. М. Ставрович); Дергачева-Скоп Е. И. *Из истории литературы...*, с. 123—132). Высказывалось мнение, что таким летописным источником Е. была *летопись Строгановская* (см.: Сергеев В. И. *У истоков сибирского летописания*. — *ВИ*, 1970, № 12, с. 48—51). Вопрос о взаимоотношениях Есиповской и Строгановской летописей вызвал длительную полемику от времен Карамзина до наших дней (см. обзор точек зрения: Андреев А. И. *Очерки по источниковедению Сибири*. 2-е изд. М.; Л., 1960, вып. 1 (XVII в.), с. 195—226), но наиболее справедливым представляется мнение С. В. Бахрушина о том, что их авторы независимо друг от друга использовали «один и тот же первоисточник, то „Написание“, которое принесли казаки преосв. Киприану» (Бахрушин С. В. *Очерки...*, с. 30). Свои литературные источники и образцы Е. выбирает из традиционной исторической и географической литературы (*Казанская история*, *Сказание о Мамаевом побоище* и т. п.). Широко используется Библия; на основе цитат из *Русского хронографа* компилируются красочные описания битв и риторические тексты, содержащие общую оценку событий (см.: Ромодановская Е. К. *Русская литература...*, с. 115—116, 120—124).

Есиповская летопись имела широкое распространение (в настоящее время известно 29 списков), прежде всего в Сибири, где вызвала к жизни целую группу родственных памятников. Среди них Румянцевская летопись представляет сокращенный текст летописи Е., Забелинская редакция — ее беллетристическую обработку; Абрамовский летописец продолжает несколько переработанный текст основной редакции за счет включения позднейших сведений. По такому же типу на основе труда Е. во второй половине XVII в. создается *Сибирский летописный свод* (см.: Дворецкая Н. А. *Сибирское летописание второй половины XVII века: (Сибирский летописный свод)*. Автореф. канд. дис. Л., 1980), составитель которого вставил в текст Е. найденные им рассказы о разбойничестве Ермака на Волге, противоречащие главной авторской идее, и дополнил его официальными сведениями о дальнейшей истории Сибири. Таким образом, летопись, созданная в церковных кругах, стала важнейшей частью светского (городового и воеводского) летописания; она же послужила главным источником для позднейших летописей С. У. Ремезова и И. Л. Черепанова. В несколько переработанном виде Есиповская летопись попала в хронографы (ГБЛ, собр. Румянцева, № 457; ГИМ, собр. Вострякова, № 899), общерусские летописные своды, *Окладную книгу Сибири 1696—1697 гг.* (Ромодановская Е. К. *О летописной части Окладной книги Сибири 1696—1697 гг.* — В кн.: *Рукописная традиция XVI—XIX вв. на востоке России*. Новосибирск, 1983).

Сказание об Абалацкой иконе Богородицы включает рассказ о явлении иконы и цикл ее чудес. Явление датируется 1636 г., когда вдове Марии из окрестностей села Абалак близ Тобольска во сне или состоянии обморока несколько раз являлась Новгородская икона Знамения Богородицы, приказывая строить в Абалаке посвященную ей церковь; вслед за решением архиепископа и собора о строительстве церкви протоиерей Матвей Мартынов по просьбе тобольского крестьянина Евфимия Коки, расслабленного, пишет для нее образ Богородицы, оказавшийся чудотворным; с выздоровления Евфимия начинаются чудеса Абалацкой иконы, насчитывающие в отдельных списках до 130 рассказов. К 1636 г. относятся только документы о явлении («роспись» допросных речей Марии — ЦГАДА, ф. 214, стб. 911, л. 530—543) и краткое неконкретное упоминание о чудесах Богородицы в пространном заглавии-предисловии Есиповской летописи («...еще же и о чудесех пресвятыя владычеца нашае Богородица и приснодевы Мария, иде же содеяшася во дни и рода наша» — Сибирские летописи, с. 106); название Абалацкой иконы появляется лишь в заглавии позднейших редакций летописи. В 1641 г. на основании документа было создано Сказание о явлении Абалацкой иконы и записаны ее первые чудеса. Ранняя редакция Сказания, возможно, принадлежащая перу Е. и опубликованная А. Юрьевским, еще близка документу по манере изложения, но уже здесь проведена книжная обработка: исключены многие конкретные сведения, добавлены предисловие и риторические отступления с оценкой событий; текстологически она близка Есиповской летописи. В дальнейшем Сказание подвергается еще большему абстрагированию и включает рассказы о чудесах, принадлежащие разным лицам. Можно выделить группу чудес середины 1640-х гг., связанных с именем священника Павла Стефанова, а также чудеса, записанные тобольским митрополитом Корнилием (1664—1677) или по его распоряжению. Сказание об Абалацкой иконе (в настоящее время известно 9 списков) было распространено в основном в Сибири, хотя иногда входило в цикл общерусских сказаний об иконах Знамения (см.: ГИМ, собр. Забелина, № 607 (506), начало XVIII в.). Позднейшие редакции Сказания не публиковались.

Соч.: Сибирская летопись Саввы Есипова. — Сибирский вестник, издаваемый Гр. Спасским, СПб., 1824, ч. 1, кн. 1, отд. История, с. 117—130; кн. 2, с. 131—146; кн. 3—4, с. 147—174 (то же: СПб., 1824); Небольсин П. И. Покорение Сибири. СПб., 1849; Юрьевский А. Редкий памятник сибирской духовной письменности первой половины XVII века. — Тобольские епархиальные ведомости, 1902, № 24, отд. неоф., с. 447—464; Сибирские летописи. СПб., 1907, с. 105—270.

Лит.: Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. — В кн.: Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955, т. 3, ч. 1, с. 17—52; Дворецкая Н. А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака. — ТОДРЛ, М.; Л., 1957, т. 13, с. 467—482; Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965, с. 91—151; Ромодановская Е. К.: 1) Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: (История русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973; 2) Беллетристическая обработка Есиповской летописи. — В кн.: Очерки литературы и критики Сибири (XVII—XX вв.). Новосибирск, 1976, с. 5—13; 3) Летописные источники о походе Ермака. — Изв. СО АН СССР, 1981, № 11. Серия обществ. наук, вып. 3, с. 21—26; Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982, т. 1, с. 61—73.

Е. К. Ромодановская

Желябужский Иван Афанасьевич (1638—ум. после 1709) — дипломат, государственный служащий, писатель, автор оригинальных хронологических записей за 1682—1709 гг. Ж. принадлежал к старинному дворянскому роду, служившему московским князям с середины XV в. Его дед, Григорий, был дьяком, присутствовал при встречах послдов; его отец, Афанасий, служил воеводой в Крапивне, был на съезде с польскими послами близ Вязьмы, в 1641 г. участвовал вторым воеводой в походе против восставших калмыков, во время которого он и умер. Основные

службы предков Ж. и его самого отмечены в родословной росписи, поданной им в родословную комиссию 23 мая 1686 г. (ЦГАДА, ф. 286, № 241, л. 143—147).

Ж. в возрасте двух лет был записан в московские дворяне (ЦГАДА, БК 4, с. 468; ср. БК 5, с. 312). В 1655 г. он — посольский пристав у царского посла Алегрета (ПДС, т. 3, стб. 525—526, 1143—1166). В 1656 г. в сане ясельничего Ж. послан гонцом к трансильванскому князю Рагоци, находящемуся в военном походе против поляков (РИБ, т. 8, с. XIV, XV. 1235—1294). В 1661 г. Ж. в качестве дорожного пристава встречает посольство Мейерберга, сопровождает его в Москве, участвует в переговорах. Художник, находившийся в составе посольства, изобразил Ж. сидящим в карете рядом со стольным приставом Я. С. Волинским напротив посланников (см.: Альбом Мейерберга: Виды и бытовые картины России XVII в. Рисунки Дрезденского альбома, воспроизведенные с подлинных в натуральную величину. СПб., 1903, № 53, л. 17; см. также: Объяснительные приложения к рисункам составлены Ф. Аделунгом, вновь просмотрены и дополнены А. М. Ловягиным. СПб., 1903, с. 44—45). В 1661—1662 гг. Ж. в звании наместника Курмышского послан в Бранденбург и Курляндию (см.: Русско-индийские отношения в XVII веке: Сборник документов. М., 1958, с. 139—141, № 65). В 1662 г. Ж. участвует в посольстве П. С. Прозоровского в Англию: он имеет секретные поручения — вести с королем Карлом II переговоры о денежных делах и собрать сведения о некоем Фридрихе Альбертусе, назвавшемся «Белорусским царевичем» (Лодыженский А. Посольство в Англию князя Прозоровского, дворянина Желябужского и дьяка Давыдова в 1662 г.: Исторический очерк по документам Московского Главного архива Министерства иностранных дел. СПб., 1880). Неизвестный художник, по-видимому итальянец, написал групповой портрет этого посольства, где Ж. изображен с посольским топориком в руке (см.: Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII век. М., 1955, с. 377; гравюра, сделанная по фотографии с этого портрета, приложена к книге А. Лодыженского.). Из Англии Ж. с дьяком Иваном Давыдовым едет в Венецию и Флоренцию (1663 г.), собирает там сведения о положении греков — подданных турецкого султана и ведет переговоры о взаимных льготах для купцов (ПДС, т. 10, стб. 671—862, 1166—1171, 1177—1178; Шаркова И. С. Россия и Италия: Торговые отношения XV—первой четверти XVIII в. JL, 1981, с. 55, 58, 64, 67). В 1665 г. Ж. встречает в Москве гетмана Брюховецкого и ведет с ним переговоры, а затем отправляется на Украину. В 1667 г. он едет вместе с Тимофеем Кузнецовым к царю Леопольду I по поводу польских дел (ПДС, т. 4, стб. 561—674). В 1668 г. едет с Ордын-Нашекиным и дьяком Гороховым на посольский съезд в Курляндию, а оттуда снова на Украину. В 1669 г. участвует в переговорах с польскими послами в Андрусово. В 1674 г. Ж. пожалован в стольники, в 1676 г. — в думные дворяне (ЦГАДА, ф. 286, № 241, л. 286—286 об.; БК 7, с. 49). В 1681 г. его снова посылают в Польшу вести переговоры о наступательном союзе против татар и турок. После смерти царя Федора Алексеевича Ж. послан к черкасскому гетману Самойловичу привести к присяге Петру украинскую старшину (1682 г.), а в 1684 г. он участвует в мирных переговорах в Андрусово (статейный список см. ГПБ, F.IV.111).

Помимо посольской службы, в ходе которой Ж. неоднократно посещал Украину и Польшу, путешествовал по Западной Европе (был в Германии, Голландии, Англии, Франции, Швейцарии, Италии), он занимал довольно видное место в царской администрации: служил воеводой в Чернигове (1671—1672 гг.), Смоленске и Казани (1678—1679, 1681 гг.). был ясельничим Конюшенного приказа (1664—1667 гг.), судьей Владимирского (1673—1674 гг.) и Поместного (1675 г., см. ЦГАДА, ф. 1209, № 35401) приказов и приказа Казанского дворца (1680 г.). В 1673 г. он занимался описанием дворцовых сел; 6 и 28 октября 1676 г. замещал

в Москве царя Федора; ездил с архимандритом Павлом в Ферапонтов монастырь к опальному патриарху Никону с объявлением о переводе его в монастырь Кирилло-Белозерский. В 1682 г. он принимает участие в отмене местничества, подписывая «Соборное деяние об отставке отеческих случаев и местничества». В 1684 г. царевна Софья пожаловала Ж. в окольные (ЦГАДА, БК 7, с. 40) и назначила воеводой в Чернигов, а 21 сентября 1686 г. он становится членом влиятельной комиссии по составлению родословной книги («Бархатная книга». Изд. Миллера. М., 1787). После падения правительства регентства (1689 г.) упоминания о Ж. резко сокращаются, что свидетельствует об отстранении его от дел.

Записки Ж., повествующие о событиях с 27 апреля 1682 г., дня смерти царя Федора Алексеевича и начала народного восстания в Москве, по 2 июля 1709 г., день Полтавской победы, являются своеобразной энциклопедией жизни Российского государства конца XVII в. В них рассказывается о восстаниях стрельцов в 1682 и 1698 гг., о прательственных заговорах и казнях И. Хованского, Сильвестра Медведева, Ф. Шахлового, И. Цыклера, о заключении Вечного мира, о Крымских и Азовских походах, о ходе Северной войны. Как представитель наиболее тесно связанного с государственным управлением слоя московского дворянства, Ж. был весьма осведомлен во всех этих вопросах и писал по горячим следам. Большое внимание уделял он службам членов близких ему дворянских фамилий, отмечая наиболее важные их назначения и успехи, не упуская случая сообщить и о проступках. В Записках «длинной вереницей проходят бояре, дворяне, дьяки думные и простые, судившиеся, пытаные и разнообразно наказанные разжалованием, кнутом, батогами, ссылкой, конфискацией, лишением жизни за разные преступления и проступки, за брань во дворце, за „неистовые слова“ про государей, за женоубийство, оскорбление девичьей чести, за подделку документов, за кражу казенных золотых» (Ключевский В. Курс русской истории. М., 1937, ч. 4, с. 16). Резко отрицательно относясь к событиям восстания 1682 г., Ж. заканчивает их изложение примечанием: «И в Московском государстве время было лихое, и шатание великое, и в людях смута». В то же время он очень осторожен; так, о смещении Софьи и о заточении ее в монастырь в Записках не упоминается вовсе. Записки Ж. отражают отношение высшего дворянства к широкому кругу общественно-политических явлений предпетровского и петровского времени. Идея государственной службы была основой мировоззрения Ж. и определяла как отбор, так и характер изложения событий. Даже остро переживавшееся автором сокрушение традиционной морали все более безудержным разгулом петровских «цотех», массовыми убийствами, которым в Записках уделяется немало места, никак не сказалось на описании внешне- и внутривполитической «службы», рассматривающейся безотносительно к личности и качествам монарха. Ж., как представитель «среднего» управленческого звена, не пытался анализировать или обсуждать описываемое, безоговорочно принимая взгляды и оценки, изложенные в официальных документах.

Несмотря на то что Ж. по каким-то причинам не смог войти в число петровских служащих, он выступает в своих Записках как человек петровского времени. Знакомство с западноевропейским миром и психология государственного служащего помогли ему принять нововведения конца XVII—начала XVIII в. Ж. останавливает внимание читателя на реформах армии, суда, административного управления, на введении нового календаря, гербовой бумаги, на указах о французском и венгерском платье, на проведении лотереи и проч. Следует отметить интерес Ж. ко всему занимательному, составившему своеобразную «кунсткамеру» его Записок. Это и упоминание о присланных в 1691 г. в подарок персидским шахом «льва со львицею живых», и рассказ о мужике, пытавшемся летать на «слудяных крыльях, приводившихся в движение мехами, и краткие опи-

сания торжественных шествий, триумфальных ворот, фейерверков, кощунственных свадеб царских шутов, а также заметки о необыкновенных явлениях природы — буре, комете, солнечном затмении.

Жанр Записок можно определить как публицистику, использующую летописную форму в сочетании с формой и стилем деловых документов. В традициях жанра кратких повременных летописных записей Записки насыщены документальными цитатами — из государственных указов, объявительных грамот, реляций, сводок, специально пускавшихся правительством в оборот. Деловое изложение сменяется у Ж. эмоциональным повествованием крайне редко; так, при описании эпизодов Северной войны он иногда переходит к высокому стилю воинских повестей: «чтобы им (русским) против неприятелей его государевых стоять храбро и мужественно и друг за друга пить смертную чашу»; или: Шлиппенбах велел шведам «государевы полки рубить до жадных души, ни едина человека жива не отпускать и в полон не брать». Часто Ж. делает выписки из курантов со ссылками на них. Да и сама форма курантов оказала определенное влияние на его сочинение. Произведение, стоящее на грани деловой письменности и литературы, Записки, с одной стороны, похожи на погодные летописные записи, с другой — на политические известия курантов. Формально они анонимны (как это принято в статейных списках, автор упоминает о себе в третьем лице), по существу же — это мемуары, в которых современник изобразил петровскую эпоху в ее противоречии и многообразии. Автор — представитель служилой интеллигенции, чьи профессиональные навыки были использованы им в писательском труде: Записки написаны кратким и точным приказным языком, отшлифованным Ж. за многие десятилетия составления статейных списков, докладных выписок и отчетов.

Записки Ж. издавались в XVIII и XIX вв. трижды по рукописям XVIII в., но без указаний на источники. Первое издание предпринято в 1787 г. Ф. О. Туманским, в рукописи которого были перепутаны листы. Лучшим остается второе издание — Д. И. Языкова (1840 г.) по другому списку, со сверкой по изданию Туманского. Оно снабжено подробным историческим комментарием и указателем. Наконец, в 1841 г. Записки издал Н. Сахаров с примечаниями, указателем, кратким пересказом содержания и предисловием с некоторыми биографическими сведениями о Ж. К сожалению, текст в издании Сахарова имеет неоправданные исправления и повновления. Несмотря на давнюю известность Записок Ж., они фундаментально не исследованы, рукописная традиция произведения не выявлена.

Соч.: Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Петра Великого / Изд. Туманским. СПб., 1787, ч. 7; Записки Желябужского с 1632 по 2 июля 1709 / Изд. с замечаниями и объяснениями Д. И. Языковым. СПб., 1840 (2-е изд.: Русский архив, 1910, № 9, с. 5—154); Записки Ивана Афанасьевича Желябужского. — В кн.: Записки русских людей: События времен Петра Великого / Изд. Н. Сахарова. СПб., 1841.

Лит.: Пекарский П. Русские мемуары XVIII в. — Современник, 1855, т. 51, кн. 3 (май—июнь), с. 50—57; Русская родословная книга. СПб., 1873, с. 157; Брикнер А. Русские дипломаты-туристы в Италии в XVII столетии. — РВ, 1877, т. 128, кн. 2, № 3, с. 28—30; Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886, т. 1, с. 263; Русский быт по воспоминаниям современников: XVII век. М., 1914, ч. 1, с. I—VIII, 3—270; РБС, «Жабокритский—Зяловский». Пг., 1916, с. 25—26; Богословский М. М. Русское общество и наука при Петре Великом: Речь ... читана в торжественном годовом собрании АН СССР 2 февраля 1926 г. (отд. отд. из «Отчета о деятельности АН СССР за 1926 г.»); Будовниц. Словарь, с. 72; Успенский Б. А. *Historia sub specie semioticae*. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции. М., 1976, с. 286—292.

Иван Филиппов (1661—1744) — третий после *Андрея и Семена Денисовых* настоятель Выго-Лексинского старообрядческого общежительства и его историк. Е. В. Барсов, обладавший Житием И. и сказанием об И., местонахождение которых теперь неизвестно, сообщил в своей статье, что И. был родом из Шуйского погоста, расположенного вблизи г. Олонца, что первые 30 лет своей жизни он прожил вне старообрядчества, имел жену и детей, что в старообрядчестве он перешел под влиянием выговского уставщика *Петра Прокопьева*, который вместе с иноком Павлом совершил над И. обряд перекрещивания, что после этого И. вместе с семьей, которую он также обратил в старую веру, жил некоторое время в скиту близ Выговского общежительства и затем переселился в самое общежительство вместе с женой и дочерью. Судя по тому, что перекрещивание И. совершал Петр Прокопьев, умерший в 1719 г., обращение И. к старообрядчеству произошло до 1719 г. При жизни братьев Денисовых И. исправлял должность выговского стряпчего в г. Олонце; он принадлежал к правительственной верхушке монастыря и ставил свою подпись на соборных постановлениях общежительской братии (см.: Дружинин В. Г. Несколько автографов писателей старообрядцев. СПб., 1915, с. 10).

Настоятелем Выговского общежительства И. был назначен умирающим Семеном Денисовым после того, как отпали кандидатуры Никифора Семенова, находившегося тогда в отлучке, и *Даниила Матвеева* и *Трифона Петрова* (очевидно, убоявшихся принять управление монастырем в сложной обстановке правительственного следствия, ведшегося в те годы на Выгу). Четырехлетнее правление И. в монастыре (1740—1744 гг.) происходило во время антистарообрядческого правительственного следствия, учиненного в общежительстве комиссией Квашнина-Самарина и начавшегося еще при жизни Семена Денисова в 1739 г. После отъезда Квашнина-Самарина наезды в монастырь разных духовных лиц не прекращались до самой смерти И. Последний был нерешительным настоятелем, что отчасти объясняется его преклонным возрастом. Он никогда не именовал себя настоятелем, а только «выборным». Став во главе общежительства, И. продолжал писать главный свой труд — *Историю Выговской пустыни* («История о зачале Выговския пустыни, како зачаса, и в коих летех, и от каковых жителей населися, и в ней о начале двою обителей и различных скитов»), работа над которой была прервана смертью.

В рукописной традиции существует два варианта *Истории* — пространный и сокращенный. В сокращенном отсутствует 18 начальных глав (он начинается с главы «О зачале всей Выговской пустыни, о общежительствах и скитах, по благословению от коих отец зачаса», являющейся 19-й главой пространного варианта). Н. Ф. Нильским было высказано мнение, поддержанное впоследствии В. Г. Дружининым (см.: Нильский Н. Ф. Заметки. . .; Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1914, с. 3), что 18 начальных глав пространного варианта *Истории* не принадлежат И.; Н. Ф. Нильский считал их самостоятельным произведением, которое приписывал, ничем не аргументируя, только «по витиеватому до напыщенности слогу», Семену Денисову. Действительно, содержание первой начальной главы (названной «О стоянии благочестивыя христианския веры в Российской земли») в большей своей части заимствовано из *Винограда Российского* Семена Денисова. Но компилятивный метод был свойствен И. Это видно из текста другой главы *Истории*, начинающей сокращенный ее вариант. Здесь И. воспользовался текстом надгробного Слова Андрея Денисова, посвященного Петру Прокопьеву, заимствовав из него панегирик основателем Выговского общежительства. Поэтому и заимствования из сочинения Семена Денисова в главе «О стоянии благочестивыя христианския веры в Российской земли» не опровергают авторства И. по отношению

к первоначальным главам пространного варианта Истории. Отстаивая свое мнение, В. Г. Дружинин и Н. Ф. Нильский ссылались на то, что пространный вариант был известен им как менее распространенный; В. Г. Дружинин, например, привел в своем справочнике только один список пространного и три списка сокращенного вариантов. Сейчас к одному списку пространного варианта, известного Дружинину, есть возможность добавить следующие: ГБЛ, собр. Егорова, № 1047, 1704, 1383, 1760, 1235; собр. Ундольского, № 1130; БАН, собр. Строганова, № 47, не считая тех двух списков, по одному из которых было сделано издание Д. Е. Кожанчикова, а по другому — старообрядческое издание 1913 г. Два варианта Истории, очевидно, ведут свое начало от сокращений, сделанных на Выгу еще в 40-е гг. XVIII в. Бывший выговец, обратившийся впоследствии к официальной церкви, *Григорий Яковлев*, в своем доносе Синоду называл «летописец саморучный Ивана Филиппова... и другой с того писанный по кратке кононом Евтиховым» (см.: Бывшего беспоповца Григория Яковлева Извещение праведное о расколе беспоповщины / Изд. Н. Субботиним. М., 1888, с. 87). Под влиянием одной из глав Истории — «О отце старце Филиппе, с прочими за благочестие скончавшимися огнем от создания мира 7151 году, во октябре месяце» — возникло самостоятельное сочинение — «Известие о Филиппе старце, от которого и согласие Филиппово именуется» (второе название — «Повесть о отце и старце Филиппе»).

Отдельные главы Истории существуют самостоятельно в рукописной традиции; до сих пор не выяснен вопрос, были ли они написаны как отдельные произведения, а потом включены в Историю, или, наоборот, отделились впоследствии от Истории. Такова Повесть о самосожжении в Мезенском уезде в 1743—1744 гг., рассказывающая о «гари» в Великопоженском скиту под предводительством Ивана Акиндинова. Такова история о Поморских ответах («История краткая о ответах сих. Чего ради и како ответи сии и разглагольство о сих. И когда, и где, и с ким сия содеяшася и по каким указом»). В. И. Малышев обнаружил Повесть о самосожжении в Мезенском уезде в усть-цилемском сборнике и атрибутировал ее И. (см. его книгу). Впоследствии Н. С. Демкова и Л. В. Ярошенко обнаружили такой список Истории Выговской пустыни, куда эта Повесть была включена (Демкова Н. С., Ярошенко Л. В. Малоизвестное старообрядческое сочинение..., с. 180). История о Поморских ответах, которая также самостоятельно обращается в рукописной традиции, снабженная особым вступлением, или предваряет полные списки Поморских ответов (см.: Поморские ответы, изд. Старообрядческого братства креста господня. М., 1911, с. IV—XV), представляет собой отрывок из Истории Выговской пустыни.

Кроме сочинений, тяготеющих к Истории Выговской пустыни, И. является автором торжественных слов: Слова об Андрее Денисове (на текст «Сего ради аз плачу и очи мои излиста воду, яко удалися от мене утешая мя») и Слова, посвященного наставникам Выговской пустыни (ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Перетца, № 474, л. 150—264). Он был также одним из редакторов Кирилло-Епифаниевского житийного цикла, созданного на Выгу около 1733 г. И торжественные слова и жития проникнуты духом риторичности, излюбленным в выговской литературной школе. Подобный же стиль свойствен и отдельным главам Истории Выговской пустыни, но все же в большинстве своем История написана в ином стиле, гораздо менее украшенном и более повествовательном. В. И. Малышев атрибутировал И. Исповедь, приписывавшуюся ранее Ивану Акиндинову. Исповедь написана 3 декабря 1744 г., за день до смерти И.

Соч.: История Выговской старообрядческой пустыни / Изд. по рукописи Ивана Филиппова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1862; История о зачале Выговской пустыни и о стоянии благочестивых христианские веры в Российской земле Ивана

Филиппова. Саратов, 1913; Малышев В. И. 1) Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, с. 167—195; 2) The Confession of Jvan Filippov, 1744. — Oxford Slavonic Papers, 1964, vol. XI, p. 17—27.

Лит.: Нильский Н. Ф. Заметки по поводу изданных Д. Е. Кожанчиковым сочинений о расколе. — ХЧ, 1862, II, июль, с. 94—99; Барсов Е. В. Иван Филиппов: Выговский историк и настоятель. — В кн.: Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 г. Петрозаводск, 1867, с. 54—100; Малышев В. И. Кто был автором «Исповеди», приписываемой Ивану Акиндинову. — РЛ, 1960, № 3, с. 192—194; Демкова Н. С., Ярошенко Л. В. Малоизвестное старообрядческое сочинение середины XVIII в. «История пострадавших отец Филиппа и Терентия». — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972, с. 174—184; Понырко Н. В. Кирилло-Евфимиевский житийный цикл и житийная традиция в Выговской старообрядческой литературе. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 29, с. 154—169; Дружинин Писания старообрядцев, с. 260—262, 323—324.

Н. В. Понырко

Игнатий Зайцев (XVI в.) — монах Иосифо-Волоколамского монастыря, автор краткого летописца. Как владелец рукописей он упомянут в описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 г. (Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 г. — ЧОИДР, 1847, кн. 7, с. 9). Известны три принадлежащие ему рукописи: ГИМ, собр. Епархиальное, № 264 и 271; ГБЛ, собр. Волоколамское, № 362. На последней имеется запись: «Часовник инока Игнатия Заецева, его рука». В эту рукопись И. включил летописные записи общерусского характера с 1486 по 1547 г., заимствовав их из рукописи Волоколамского собр., № 416, затем продолжил их самостоятельно, уделив большое внимание взятию Казани и местным волоколамским событиям (Дмитриева Р. П. Волоколамские четыре сборники XVI в. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 221, 222, 226).

Соч.: Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. — ИА, М.; Л., 1950, т. 5, с. 14—22.

Р. П. Дмитриева

Иоаким, епископ новгородский (ум. 1030) — предполагаемый составитель летописи. И. упоминается в *Новгородской первой летописи* младшего извода в статье 989 г., в рассказе о крещении новгородцев, и именуется там «архиепископом Акимом Корсунянином». В *Новгородской второй летописи* говорится, что Владимир, крестившись, привел на Русь в Киев митрополита Леона, а в Новгород — И. В Новгороде И. «требища разори и Перуна посече и повеле вращи в Волхов» (ПСРЛ, М., 1965, т. 30, с. 169). В той же летописи в статье 988 г. это же сообщение приводится в иной редакции: «И приде Новугороду епископ Иакимъ и бе в епископъ (так!) лет 42. И бе в него место ученик его Ефрем, и благословен быть и епископ Иакимом, иже ны учити...» (там же, с. 196). Сведения о И. и его ученике Ефреме содержатся в летописи *Софийской первой* и других летописях, а также в перечнях новгородских епископов, которые сопровождают текст новгородских летописей.

С именем И. долгое время связывалось составление летописи, которая была обнаружена и описана В. Н. Татищевым. Историк сообщил, что он получил от свойственника своего Мелхиседека Борцова, архимандрита Бизюкова монастыря, три тетради с копией фрагмента из древнего, как полагал Татищев, летописного свода («письмо новое, но худое, склад старой, смешанной с новым»). В этом тексте повествовалось о древнейшей истории Руси, кончая описанием событий крещения Новгорода. Внимание историка привлекло отличие от «Нестора» (рассказ о генеалогии древнейших русских князей, о новгородском старейшине Гостомысле, иные версии о происхождении Рюрика, Олега, Ольги и т. д.). Татищев приводит слова, читавшиеся, видимо, в источнике: «О князьях русских старобытных Нестор монах не добре сведом бе, что ся деяло у нас славян во Новеграде, а святитель Иоаким добре сведомый, написа», но тем не менее счел необходимым отметить, что в цитируемую им летопись «ничто баснословное по тогдашнему обычаю внесено». В дальнейшем,

излагая историю Руси в целом «по Нестору», Татищев неоднократно ссылается на Иоакимовскую летопись, признавая иногда, что сведения ее «полнее», «порядочнее», и уточняя данные Нестора «по сказанию Иоакимову».

Со времени Татищева пили споры о достоверности Иоакимовской летописи. Основания, по которым она не представлялась заслуживающей доверия, были сформулированы еще в 1789 г. М. М. Щербатовым. Он указывал на странные обстоятельства ее обнаружения, на то, что перед нами копия, а не древний текст, на отсутствие свидетельств об И.-летописце, на расхождение Иоакимовской летописи с Нестором. Возражая ему, И. Н. Болтин, напротив, указывал, что разночтения в летописях обычны, а некоторые известия в Иоакимовской (о родстве Рюрика с Гостомыслом, о происхождении Ольги) представлялись ему «более сходными с обстоятельствами». Н. М. Карамзин в разделе «Об источниках российской истории до XVII в.» первого тома «Истории государства Российского» (СПб., 1816, с. XXX—XXXI), изложив сведения Татищева об Иоакимовской летописи, заключил: «Сию шутку многие приняли за истину и начали с важностью говорить о летописце Иоакиме». Карамзин привел соображения, по которым Иоакимовская летопись не заслуживает доверия, и в дальнейшем сопровождал имя И., при упоминании сведений из его летописи, эпитетом «мнимый». С. М. Соловьев решительно высказался против обвинения Татищева в составлении этой летописи, а П. А. Лавровский в обстоятельном ее исследовании даже попытался доказать, что отдельные сведения второй части Иоакимовской летописи (после призвания Рюрика) заслуживают доверия. Исследователь допускал, что написание летописи епископом И. спорно, но считал, что составитель ее был современником описываемых событий, и относил его к «необильному числу просвещенных писателей древности» (Лавровский и П. А. Исследование о летописи Якимовской, с. 83). Е. Е. Голубинский и И. Линниченко, напротив, доказывали полную недостоверность уникальных известий Иоакимовской летописи, причем первый считал ее составителем самого Татищева, Линниченко же, как и большинство последующих ученых, видит в ней не «шутку» Татищева, а один из вариантов широко распространенных в XVII—XVIII вв. исторических легенд (ср. публикации сходных текстов в кн.: Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи (по 969 год). Приложения. М., 1878, с. 15—23).

Об атрибуции текста И. высказывались различные догадки. В. И. Григорович допускал, что летопись, полученная Татищевым из Бизюкова монастыря (до 1803 г. находившегося в Смоленской губернии), могла быть составлена архимандритом этого монастыря Иоакимом, проживавшим в нем около 1730 г. С. К. Шамбинаго, сопоставив Иоакимовскую летопись с поздними летописцами, отдельные из которых читаются, по его наблюдениям, перед текстом *Новгородской третьей летописи*, допускал, что «повесть о старобытных князьях» (т. е. летописец, подобный Иоакимовской летописи) служила началом этой летописи, составленной по инициативе новгородского митрополита, а с 1673 г. — патриарха всея Руси *Иоакима* (1621—1690). Отмечалось, что Комиссионный список Новгородской первой летописи имеет позднее киноарное надписание: «Летопись Акима епископа новгородскаго». С. Н. Азбелев показал, что предполагаемая С. К. Шамбинаго связь легендарных сказаний о начале Руси с Новгородской третьей летописью фактически отсутствует. Возможно, что указание на епископа И. как летописца принадлежит лишь ограниченному кругу текстов — поздних легендарно-исторических компиляций, в числе которых был и текст, ставший известным В. И. Татищеву.

Изд.: Татищев В. И. История российская. М.; Л., 1962, т. 1, с. 107—119.

Лит.: Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб., 1789, с. 13—20; Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, к одному его приятелю, в оправдание на некоторые сокрытые

и явные охуления, учиненные его истории от господина генерал-майора Болтина... М., 1789, с. 11—27; Соловьев С. М. Писатели русской истории XVIII в. — Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Капачовым. М., 1855, кн. 2, половина 1-я, отд. III, с. 23—25; Лавровский П. А. Исследование о летописи Якимовской. — Учен. зап. Второго отд-ния **ИМП.** Акад. наук, СПб., 1856, кн. 2, вып. 1, с. 77—160 (отд. отт.: СПб., 1855); Григорович В. И. [Сообщение]. — В кн.: Труды 3-го археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Киев, 1878, т. 1, с. XIV—XV; Голубинский Е. Е. О так называемой Иоакимовской летописи Татищева. — В кн.: Творения св. отцов в русском переводе. М., 1881, кн. 4. Прибавления к изданию Творений, с. 602—640; Линниченко И. Краледворская рукопись и Иоакимовская летопись. — ЖМНП, 1883, октябрь, отд. 2, с. 246—258; Никольский. Повременный список, с. 71—74; Шамбинаго С. К. Иоакимовская летопись. — ИЗ, [М.; Л.], 1947, № 21, с. 254—270; Азбелов С. Н. Новгородская третья летопись: (Время и обстоятельства возникновения). — ТОДРЛ, М.; Л., 1956, т. 12, с. 238—239, 242—248.

О. В. Творогов

Капустин Степан (Стефан; в иноках Сильвестр) (XVI в.) — писец, автор краткого летописца. В середине XVI в. был дьяком в Иосифо-Волоколамском монастыре (Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977, с. 169). Запись «Духовная Иосифова в полдесть, письмо Селивестрово», помещенная в описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г., видимо относится к К. (Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, Приложение, с. 16). Как владелец книг он упомянут в описи книг 1573 г. (ЧОИДР, 1847, кн. 7, с. 10). Сохранились две рукописи (ГИМ, Епархиальное собр., № 144 и ГБЛ, Волоколамское собр., № 387) с пометами о принадлежности их К. В рукописи собр. Волоколамское, № 387 (второй половины XVI в.) на л. 522—524 помещен «Летописец вкратце», охватывающий события за 1492—1542 гг., с поздней припиской о том, что в 1562 г. приходил на Москву крымский хан; в летописец включены и местные монастырские известия (Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 225).

Р. П. Дмитриева

Карион Истомир (1640-е—не ранее IX 1717 или 1722) — справщик Печатного двора, педагог, поэт, переводчик, автор проповедей, догматических, исторических, учебно-педагогических трудов. Его жизнь и литературная деятельность наиболее подробно рассмотрены в специальном труде С. Н. Браиловского «Один из пестрых XVII столетия». Поправки, уточнения и дополнения сделаны в статье Р. К. Агарковой. Спорные вопросы биографии и атрибуции сочинений К. объясняются тем, что среди писателей конца XVII—начала XVIII в. не он один носил имя Карион. Как доказывает Агаркова, с К. неправомерно соединяется фамилия Зауломатский, которая принадлежит другому Кариону — автору «Малой грамматики», трактата «Имя новое» и стихотворения «Панегирис, или Похвала».

К. (мирское имя его неизвестно) происходил, по предположению Браиловского, из семьи подьячего. Уроженец Курска, он был земляком *Сильвестра Медведова* и приходился ему свойственником. По-видимому, в родном городе он получил начальное образование. Сам К. писал: «В не же (отечестве, — Л. С.) родихся и воспитаня и малочастне падающая крупницы учения приях» (ЦГАДА, фонд МГАМИД, ф. 181, № 257, л. 7 об.). Из Курска он направился в Путивльскую Молчинскую пустынь в то время, когда там находился Сильвестр Медведов (1672—1675), и не без влияния последнего принял там же монашество. Из материалов, разысканных Агарковой, явствует, что К., будучи диаконом Молчинского пустынского монастыря, прибыл первый раз в Москву в 1676 г. и оказался среди лиц, близко стоявших к патриарху *Иоакиму*. Он получал

деньги «в помяновение» умерших в 1675 г. *Павла*, митрополита сарского и подонского, и *Епифания Славинецкого* (ГИМ, Синодальное собр., № 424, л. 459 об., 487), сотрудничал с учеником и душеприказчиком Епифания — *Евфимием Чудовским*. Не исключено, что уже в этот приезд К. познакомился с *Симеоном Полоцким*.

Обстоятельства и дата переезда К. в Москву на жительство неизвестны. Браиловский полагает, что и в данном случае он последовал примеру С. Медведева. С 27 июня 1679 г. началась его служба на Печатном дворе в качестве книжного писца, а 25 октября 1680 г. К. был переведен в книжные тещы. В 1681 г. он стал иеродиаконном Чудова монастыря. По Браиловскому, в 1680—1681 гг. К. совмещал службу на Печатном дворе с преподаванием греческого языка в типографской школе. Агаркова доказывает, что в 1680—1682 гг. он сам обучался греческому языку. Ему выплачивались, по указу патриарха, деньги из казны «для научения греческого языка и для ево скудости... не во образец» другим служащим Печатного двора. К. брал уроки у учителя Типографской школы иеромонаха *Тимофея* (прибыл в Москву в 1679 г. и с 1680 г. получал кормовое жалование). Мнение о том, что К. учился греческому языку в академии братьев *Лихудов*, впервые высказанное Евгением Болховитиновым без ссылки на источник, не подтверждается документальными свидетельствами. Только по окончании «греческого учения» К. получил повышение по службе: 4 марта 1682 г. был назначен на должность справщика с окладом сначала 40, а вскоре 60 рублей.

Благодаря несомненному литературному дарованию и трудолюбию К. обратил на себя внимание патриарха Иоакима. Начиная с 1679 г. он писал для него проповеди, составлял от его лица грамоты и письма, вел переписку с восточными патриархами. По поручению Иоакима занимался расследованием дела о «возгордившемся» смоленском владыке Симеоне (1685 г.). К. оставался личным секретарем и у преемника Иоакима — патриарха *Адриана* (см., например, списки с документов, грамоты и дела патриарха Адриана в рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 181). Близость к нему и другим иерархам православной церкви обеспечили К. дальнейшие успехи в карьере: 4 марта 1698 г. он получил высокую должность начальника («смотрителя») Печатного двора. Его сослуживцами по Печатному двору были литераторы С. Медведев, *Мардарий Хоников*, Федор Поликарпов. Наиболее тесные личные и рабочие отношения связывали К. с С. Медведевым. Из найденного Агарковой документа (от 1685 г.) следует, что К. был учителем в Законоспасской школе С. Медведева и преподавал в ней грамматику (ЦГАДА, Патриарший казенный приказ, ф. 235, оп. 2, № 115, л. 262 об.). В догматическом сочинении «Катехизис» (известен фрагментарно в списке без названия — ГИМ, Чудовское собр., № 301, л. 308—343) установлена зависимость от трактата С. Медведева «Манна хлеба животного»: по вопросу о времени пресуществления даров К. высказывал мнение латинствующих. Результатом литературного сотрудничества двух писателей явились записки о стрелецком бунте — «Созерцание краткое» (впервые опубликовано как сочинение С. Медведева в кн.: *Туманский Ф. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого*. СПб., 1787, ч. 6, с. 54—84). Разлад в дружественных отношениях обнаружился в 1689 г., когда С. Медведев был арестован по делу о Федоре Шакловитом. Чтобы снять с себя подозрение в причастности к этому делу, К. принял участие в составлении извета на С. Медведева. В итоге он не только не был отстранен от службы на Печатном дворе, как принято считать, но получил от патриарха Иоакима особое поручение, связанное с подготовкой к изданию месяцев *Миней* полного цикла, что выглядело как повышение по службе (указ от 12 декабря 1689 г., см.: ЦГАДА, Приказ книгопечатного дела, ф. 1182, № 100, л. без пометы). Людей типа К., не приверженных к какой-

либо одной партии, писатель XVII в. иеродиакон *Дамаскин* назвал «пестрыми».

В самом начале 80-х гг. К. получил доступ к царскому двору, чему способствовала, по вероятному предположению Браиловского, поддержка С. Медведева. 28 июля 1683 г. он поднес царевне *Софье Алексеевне* стихотворный панегирик «Книга желателно приветство мудрости, о святей мудрости, яже избавляет и спасает от трудности вся люди, держащаяся ея и восклоняющаяся на ню» (список с подписью автора — БАН, П. I А8 (старый шифр — 17.6.13), опубликован: Браиловский С. Н. К вопросу о литературной деятельности русских писателей XVII столетия, с. 14—36; другая редакция от 12 ноября 1682 г. издана им же по автографу — Чудовское собр., № 301, л. 3—12). Своим пером и услужливостью К. старался снискать расположение у всех членов царского семейства: посвящал им произведения, подносил приветствия, поздравления, «и иные мелкия писма писашася комуждо по потребе их величества» (Чудовское собр., № 300, л. 326). Он сочинил множество стихов «на случай», откликаясь на разные события в жизни царской фамилии. Из них образуется как бы светская стихотворная хроника. В июле 1682 г. написал приветствие по случаю венчания на царство Иоанна и Петра Алексеевичей — «Изъявление краткое меростихосложно на венчание царскими венцы» (черновик — Чудовское собр., № 302, л. 51 об.); в 1689 г. — поэму на бракосочетание Петра I с Евдокией Федоровной Лопухиной «Книга любви знак в честен брак» (подносной экземпляр — ГИМ, собр. Уварова, № 908; позднейший список — ЦГАДА, ф. Оболенских, ф. 201, № 30). Тогда же он откликнулся на второй Крымский поход В. В. Голицына — «Стихи на изъявление Крымского похода вкратце» (черновик — Чудовское собр., № 302, л. 143—144; беловой — собр. Уварова, № 73, л. 105—107). Стихами К. приветствовал рождение царевича Алексея Петровича (Чудовское собр., № 302, л. 71—72; № 290, л. 123—129; собр. Уварова, № 73, л. 110 об.—111 об.) и 20-летие Петра I (в 1692 г., черновик — Чудовское собр., № 302, л. 160 об.—161). Наталье Кирилловне Нарышкиной, матери Петра I, поднес в 1688 г. в день ее именин «Житие вкратце стихотворною мерою святых мученик Адриана и супружницы его Натальи» (черновик — Чудовское собр., № 302, л. 137 об.—139; беловик — собр. Уварова, № 73, л. 123—127). Ей же и царице Прасковье Федоровне (жене, затем вдове царя Иоанна Алексеевича) посвятил целый ряд произведений по случаю семейных и церковных праздников. В 1690-е гг. К. особенно добивался благосклонности Натальи Кирилловны с тем, чтобы стать воспитателем ее царственного внука. В 1692 г. поднес ей «Букварь славенороссийских писмен со образованими вещей и со нравоучительными стихами», писанный золотом и красками (в ГИМ имеются три списка «Букваря»: черновой — Чудовское собр., № 302, л. 1—16; беловой список с посвящением Н. К. Нарышкиной, март 1692 г. — собр. Уварова, № 73, л. 1—26; парадный экземпляр, поднесенный в октябре 1693 г. царице Прасковье Федоровне, вероятно, для трех ее дочерей, — собр. Уварова, № 92; кроме того, подносной рукописный экземпляр «Букваря» хранится в Музеях Кремля, по описи 9463, инв. № 13126 библиотеки гос. Оружейной палаты; рукописные экземпляры описал И. М. Тарабрин: Лицевой букварь Кариона Истомина. — В кн.: Древности. М., 1916, т. 25, с. 249—330). Для юного царевича К. предназначал книги стихов «Рай умный» (1693), «Едем» (1693), «Екклесия» (1693), «Полис» (1694), печатный «Букварь» 1696 г. и другие сочинения. К. не был назначен наставником Алексея Петровича, но обучал, по-видимому, его версификации: нервносложными виршами написаны письма Петру I от имени сына (Чудовское собр., № 300, л. 439 об.; приводится в кн.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура, с. 138—139; см. также: Чудовское собр., № 301, л. 257).

Как человек близкий ко двору и двум патриархам, К. приобрел чрезвычайно широкий круг знакомств в среде светской и духовной аристо-

кратии, столичной и провинциальной, что нашло отражение в его большом эпистолярном наследии (см.: Чудовское собр., № 300, 301, 302). Он состоял в переписке и был очень дружен с *Дмитрием Ростовским*, был знаком с *Симоном Ушаковым* и со *Стефаном Яворским*.

Со смертью патриарха Адриана К. лишился высокого положения. 15 марта 1701 г. должность начальника Печатного двора перешла по указу Петра I к Федору Поликарпову, и К. оставил службу. Заметно снизилась и его литературная активность. В 1712 г. он временно уехал в Новгород, куда его пригласил новгородский митрополит *Иов* для перевода книг с греческого и латинского языков и для преподавания (вместе с братьями Лихудами) в школе, устроенной митрополитом. Последнее, подписанное именем К. сочинение — «Слово об иконах Оковецких» — создано уже в Чудовом монастыре в сентябре 1717 г. Поэтому Браиловский полагает, что К. умер не ранее обозначенного срока. Архимандрит Леонид называет датой смерти К. 26 января 1722 г. (Азбучный указатель имен русских деятелей для составления «Биографического словаря», ч. 1 (А—Л). СПб., 1887, с. 380 (Сб. РИО, т. 60)).

Литературное наследие К. обширно и в значительной своей части дошло в составе личного архива писателя — случай едва ли не исключительный в истории русской литературы XVII в. В сборниках автографов ГИМ, Чудовское собр., № 300, 301, 302, отложились черновики, наброски сочинений, писем, заметки, записи дневникового характера, регистрирующие факты собственной жизни писателя и ближайшего окружения. Полистное описание состава чудовских сборников К. с публикацией отдельных произведений из них выполнено в книге Браиловского (см. также: Протасьева Т. Н. Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980, с. 165—168, 173—174). Кроме того, сочинения К. известны в беловых авторских и писарских, подписанных самим К. списках: БАН, П. I А8; Владимиро-Суздальский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник (Владимирское отделение), В-5636; ГИМ, собр. Уварова, № 36, 73, 92, 181, 908; Чудовское собр., № 290; ГПБ, Софийское собр., № 1369; ЦГАДА, фонд МГАМИД, ф. 181, № 257; собр. Мазурина, ф. 196, оп. 1, № 645. Еще при жизни писателя его произведения распространялись в списках: БАН, Архангельское собр., С 178; Владимиро-Суздальский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, В-5715; ГБЛ, собр. Тихонравова, ф. 299, № 487, 634; ГИМ, Чудовское собр., № 290, 291; Синодальное собр., № 291; собр. Уварова, № 546; ГПБ, F. I. 905; и др. К. имел обыкновение подписывать свои сочинения, вводя в формулу подписи указание на свое служебное положение как духовное («иеромонах»), так и светское («приказный справщик», «в типографии справщик» или «смотритель царственных типографии» и другие подобные варианты). В бытовании сочинений К. в рукописной традиции обращает на себя внимание следующая черта: его стихи объединялись переписчиками под одним переплетом вместе со стихотворениями Симеона Полоцкого. Это явление объясняется, по-видимому, все более укрепляющимся жанровым осознанием поэзии как особого рода литературного творчества (см., например, сборник № В-5715 из Владимирского музея). Включение произведений К. наряду со стихами Симеона Полоцкого в рукописные литературные сборники оправдано также стремлением их составителей и редакторов к идейно-тематическому единству. Так, в Синодике патриарха Адриана (ГИМ, Синодальное собр., № 291) помещена эпитафия К. Адриану вместе со стихотворениями Симеона на тему о смерти, извлеченными из «Вертограда многоцветного».

К. был одним из первых московских просветителей. В его творчестве нашли отражение широкие историко-культурные проблемы времени. В стихотворном цикле, поднесенном царевне Софье в 1683 г., он прославлял, обыгрывая греческое значение ее имени, «мудрость», говорил

о великой ее пользе и значении в жизни людей, просил царевну заботиться о распространении наук в России и учредить высшую школу. «Мудрости» К. наставлял и 11-летнего Петра I в стихах «Книга Вразумление умнаго зрениа и телеснаго делания в божией мудрости» (фрагментарно опубликовано Браиловским по списку Чудовского собр., № 301, л. 174—178 об.; другая редакция «Вразумления» — там же, № 302, л. 45 об.—47 об.; см. также: ГПБ, Ф. I. 905, л. 1—22). В историю русского просвещения К. вошел как автор букварей и учебно-педагогических сочинений «Полис» (1694) и «Домострой» (1696). Упомянутый рукописный «Букварь» 1692 г. послужил основой для цельногравированного издания 1694 г. — «Букварь славенороссийских писмен уставных и скорописных, греческих же латинских и полских со образованиями вещей и со нравоучительными стихами». Оно было выполнено известным гравером Оружейной палаты и Печатного двора Леонтием Буниним. По наблюдениям Тарабрина, тексты стихов взяты из рукописного «Букваря» 1692 г. в рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 73. «Букварь» 1694 г. представляет собой выдающееся явление для культуры своего времени. Это было первое учебное пособие, в котором признавалась необходимость обучения грамоте не только мальчиков, но и девочек (в заглавии сказано: «учитися отроком и отроковицам, мужем и женам писати»). В букварях К. в соответствии с современными педагогическими взглядами последовательно проведен принцип наглядности обучения, научно обоснованный выдающимся чешским ученым Яном Амосом Коменским. В украшениях буквиц, в орнаменте букварей заметно следование западноевропейским образцам (см.: Шемшурин А. А. О гравированном и рукописных лицевых букварях Кариона Истомина. — ЧОИДР, 1917, кн. 1 (260), отд. 2, с. 1—50). Впервые «Букварь» 1694 г. был описан и текст его переиздан В. Н. Берхом, затем Д. А. Ровинским, И. М. Тарабриным, новейшее переиздание (1981) осуществлено В. И. Лукьяненко и М. А. Алексеевой (описание издания 1694 г. см. также: Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725. М.; Л., 1958, с. 52—54; Клепиков С. А. Русские гравированные книги XVII—XVIII веков. — В кн.: Книга. Исследования и материалы. М., 1964, сб. 9, с. 154—155). В 1696 г. «повелением» Петра I и «благословением» патриарха Адриана был напечатан «в седмое лето возраста» Алексея Петровича «Букварь языка славенска хотящим детям учитися чтений писаний начало всех писмен достолепное начертание» тиражом в 20 экземпляров (описание издания см.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862, т. 1, с. 171—173; Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий. . . , с. 58—61). В ГБЛ имеется корректурный экземпляр этого «Букваря» с приплетенным к нему автографом стихов и поучений, напечатанных на л. 47—78. Как установил Н. П. Киселев, К. почти целиком включил в свой «Букварь» 1696 г. «Букварь» Симеона Полоцкого (М., 1679), заимствовал отрывок текста Василия Великого из предисловия к «Грамматике» *Мелетия Смотрицкого* (М., 1648, л. 17—17 об.; см.: Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII в. — В кн.: Книга. Исследования и материалы. М., 1960, сб. 2, с. 169—184). В настоящее время известны два экземпляра «Букваря» 1696 г., хранящиеся в ГБЛ и ГПБ (о букварях К. см. также: От Азбуки Ивана Федорова до современного Букваря. М., 1974, с. 34—39).

Книга К. «Полис си есть град царства небеснаго имущий учение, моление и премудрость» представляет собой свод научных знаний (светских и духовных) конца XVII в. В ее стихах дается характеристика 12 наук, излагается космография, описываются страны и части света, времена года, церковные таинства (опубликовано фрагментарно Браиловским по рукописи ГИМ, Чудовское собр., № 302, л. 17—25; предисловие к «Полису» см.: ГИМ, собр., Уварова, № 73, л. 27—29).

В стихотворном произведении, получившем в науке название «Домострой» (по образцу «Домостроя» XVI в., см. *Сильвестр*), излагаются нормы поведения человека (и в особенности детей) в обществе (впервые опубликовано А. Ф. Бычковым, см.: Бычков А. Домострой Кариона Истомина, с. 126—132; по черновому автографу ГИМ, Чудовское собр., № 302, л. 49—50 об. издано А. М. Панченко, см.: Панченко А. М. Русская силлабическая поэзия, с. 206—211). По наблюдениям Агарковой, «Домострой» К. — это стихотворное переложение педагогического сочинения «Гражданство обычаев детских», которое в свою очередь является переводом произведения выдающегося гуманиста Эразма Роттердамского «De civitate morum puerilium» (см.: Алексеев М. П. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. — В кн.: Славянская филология: IV Международный съезд славистов. М., 1958, с. 255—330). Один из списков «Гражданства» принадлежал К. (ГИМ, собр. Уварова, № 73, л. 73—94). В стихотворной форме поэт продолжает развивать традицию поучений отца к детям: в цикле из шести стихотворений, написанном от имени Петра I, царевичу Алексею даются заветы учиться, любить науку, быть мудрым и справедливым (ГИМ, собр. Уварова, № 73, л. 149—151).

Книги стихов К. «Едем си есть сладость, прохлаждающая и вразумляющая человека зрением духовным» (опубликовано фрагментарно Браиловским по рукописи ГИМ, Чудовское собр., № 300, л. 279—283 об.; белой список — ГИМ, собр. Уварова, № 73, л. 32 и сл.), «Рай умный» (ГИМ, собр. Уварова, № 73, л. 142—148), «Екклесия си есть церковь в небесно житие собирающая» (там же, л. 55—69) — религиозно-дидактические поэмы. В них обрабатываются евангельские мотивы с добавлением апокрифических элементов, утверждается необходимость соблюдать заповеди. В «Книге Стамна духоносная, или Ведры» (1690) объединены стихи в честь Богородицы, св. Николая и других святых (ГИМ, Чудовское собр., № 302, л. 77 и сл.). Из 22 стихотворений состоит цикл «Стихи на воскресенье господа нашего Иисуса Христа» (ГИМ, собр. Уварова, № 73, л. 129—138; Чудовское собр., № 302, л. 109—112 об.). К. принадлежат стихи против раскольников (ГИМ, Чудовское собр., № 301, л. 276 об.), стихотворение «На ереси», направленное против протестантов и кальвинистов (там же, № 302, л. 90—91). В стихотворной форме К. писал службы, молитвы, акафисты, кондаки, икосы, каноны (см., например, рукопись ГИМ, собр. Уварова, № 36).

Как поэт К. сформировался в традициях восточнославянского барокко. Его поэзия унаследовала приемы украинского версификаторства. Из стихотворных жанров он особенно культивировал панегирики, духовные оды, надписи к иконам, стихи на гербы, эпитафии. Как и Симеон Полоцкий, К. стремился внедрить стихи в московский быт: разрабатывал образцы поздравительных и благодарственных писем, предназначал отдельные стихи для оформления интерьера («стихи в Посольский приказ под икону» — ГИМ, Чудовское собр., № 300, л. 288; стихи «на ковчежец часов» — там же, № 301, л. 252; стихи «на стенном изображении в трапезе» — там же, № 302, л. 88—89, и т. п.). Он воспринял также традицию публичного исполнения стихов по торжественным случаям.

В соответствии с характерной для барокко тенденцией к синтезированию разных типов художественного творчества словесная игра сочетается в сочинениях К. с графическими и живописными эффектами. Изображения включаются в его произведения как часть художественного замысла. Лицевыми были не только буквари, но также «Книга любви знак честен брак». Поэмы «Едем», «Екклесия», «Рай умный» тоже задумывались как иллюстративные. Двустипшия, заключающие строфы поэм, должны были служить подписями к миниатюрам. В рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 73 подписи помещены отдельно на оборотных сторонах листов, где оставлено место для рисунков. При этом каждая подпись

соотносится с соответствующей строфой (на лицевой стороне листа), обозначая ее тему. Подписи функционируют в поэмах как особый жанр, но если их прочесть вместе, то из них складывается параллельный к основному тексту вариант. Происходит как бы переливание одного жанра в другой: заключительные части строф становятся подписями, а затем последовательный ряд подписей образует поэму. Все элементы многочастной композиции — изображения, подписи, строфы — находятся в поэмах во взаимодействии друг с другом, но одновременно обладают и относительной самостоятельностью: каждый из них можно изъять, не нарушая общего смысла произведения. Так, содержание поэм могло бы быть представлено в любой из нескольких форм: во-первых, текстом, состоящим из одних строф; во-вторых, текстом, образованным из подписей; в-третьих, сочетанием строф с изображениями; наконец, объединением гравюр с подписями. Однако восприятие всех этих компонентов в единстве создает эффект многомерности повествования. В переливах, в переходах от одной жанровой формы к другой внутри одного произведения скрыт один из принципов барочной поэтики — единства в многообразии. К. прекрасно владел изосиллабизмом, наиболее распространен у него одиннадцатисложник, есть также восьмисложные и пятисложные стихи. Встречаются и неравносложные стихи. Леонинский стих был одной из любимых форм. Известны и акrostихи К. (ГИМ, Чудовское собр., № 300, л. 264 об.; Букварь. М., 1696, л. 88; Служба и житие святого Иоанна Воина. М., 1695, л. 68 об.; ГИМ, Чудовское собр., № 291, л. 21—22 об.; собр. Уварова, № 36, л. 53 об.—58, и др.). Стихи К. в честь рождения царевича Алексея Петровича были положены на пятилинейные ноты (см.: ГИМ, Чудовское собр., № 290, л. 128 об.—129).

В творчестве К. заметное место занимают проповеди, ими он начал свою литературную деятельность и писал их на протяжении всей жизни. В 1698—1699 гг. он составил сборник «Веселеил си есть Скиния божия, в ней же светилник словеса божия учительная трапеза учение», куда вошли 22 слова: толкования библейского текста, поучения к христианским праздникам, рассказы о чудотворных иконах, похвально-исторические слова, дидактические выступления против одного из самых распространенных пороков времени — пьянства. В проповедях «Веселеила» нашли отражения исторические события: борьба с раскольниками, с католиками и протестантами, войны с турками, стрелецкий бунт 1698 г. (черновой вариант — ГИМ, Чудовское собр., № 300, л. 1—147 об.; белой список — ГБЛ, собр. Тихонравова, ф. 299, № 634, л. 1—136 об., 17 «слов»). Судя по отметкам в рукописях, отдельные проповеди произносились с церковной кафедры. Одно из прозаических произведений К. — «Служба и житие Иоанна Воина» — было издано при его жизни (М., 1695) и неоднократно переиздавалось в XVIII в.

О склонности К. к летописному труду свидетельствуют многие заметки и записи в сборниках Чудовского собрания ГИМ (одна из них сообщает о смерти С. Медведева — № 300, л. 284 об.), упомянутое «Созерцание краткое». Ему Браиловский приписывает также «Летописец великия земли Российския, составленный по повелению правительницы государства царевны и великой княжны Софьи Алексеевны (1682—1695) из древних ветхих и продолженный до 1705 г.» (экземпляр находился в библиотеке архимандрита Леонида, в настоящее время местонахождение его неизвестно). В бумагах К. есть запись о том, что 3 марта 1699 г. он подарил царевичу Алексею Петровичу «Летописец греческой по славенской речи и в лицах всею, в десть, царство 45 Константина Багрянородного сына Лвова, а сначала той летописец царство Тита Евспасианова сына» (ГИМ, Чудовское собр., № 300, л. 383 об.—384, местонахождение летописца неизвестно). А. Никольский атрибутирует К. авторство компилятивного трактата по вопросам искусства — «Слово к люботщателем иконного писания» (опубликовано полностью: Николь-

ский А. Слово к люботщателем иконного писания. — ВАИ, СПб., 1911, вып. 20, с. 65—77). Он составлен с использованием «Слова к люботщательному иконного писания», приписываемого Симону Ушакову, записки (1667 г.) Симеона Полоцкого о русском иконописании (ГБЛ, Румянцевское собр., № 376, л. 12—20), грамоты 1668 г. трех патриархов (Паисия Александрийского, Макария Антиохийского, *Иоасафа II* московского) и царской грамоты 1669 г. (ГИМ, Синодальное собр., № 130, л. 215; о содержании названных сочинений см.: Дмитриев Ю. Н. Теория искусства и взгляды на искусство в письменности Древней Руси. — ТОДРЛ, М.; Л., 1953, т. 9, с. 97—116).

Из переводов К. с несомненностью атрибутируются три сочинения. Первое — перевод труда блаженного Августина — имеет в тексте заглавие «Августина учителя книга о видении Христа, или о слове бога, или же истина небеснаго вожделения память обновляется» (1687); в орации, произнесенной при вручении книги в том же году царевне Софье, названо «Боговидная любовь» (орация опубликована Браиловским по рукописи ГИМ, Чудовское собр., № 300, фрагменты из перевода — по списку того же собрания № 291; беловой список книги — № 291, л. 41—80; БАН, Архангельское собр., С 178, л. 37 об.—62, 78—140; ЦГАДА, ф. 196, собр. Мазурина, оп. 1, № 645). В орации есть указание на то, что К. пользовался белорусским списком: книгу «Боговидная любовь», писал он, «обретох на белорусском писме славенским диалектом преведенну и писанну, юже славенскими буквами написаху» (ГИМ, Чудовское собр., № 300, л. 33). В 1692 г. К. закончил перевод сочинения Юлия Фронтиня «Книга о хитростех ратных» (такое название в списке Чудовского собр., № 300, л. 325), а в 1693 г. поднес его Петру I (парадный экземпляр с подписью автора имеет заглавие «Книги Иулия Фронтиня сенатора римскаго о случаях военных на четыре части разделенныя», см. ЦГАДА, ф. 181, фонд МГАМИД, № 257). Как установил А. И. Соболевский, оригиналом для перевода послужил польский перевод (с латинского), выполненный Якобом Цилецием в познанском издании 1609 г. (см.: Соболевский. Переводная литература, с. 109). В речи, которую К. произнес при вручении книги и присоединил к переводу в качестве предисловия, он выражал надежду, что сочинение окажется полезным царю как полководцу в его борьбе «противу махOMETанов проклятых турков и татар» (в упомянутой рукописи ЦГАДА, л. 5). В книге заключено, как указал К., «пятсот осмьдесят прикладов», демонстрирующих, как должно поступать «ратоборцу» в военной ситуации (об этом сочинении см.: Пушкина р ев Л. Н. Общественно-политическая мысль России: Вторая половина XVII века. М., 1982, с. 212—215). В 1694 г. К. сделал для Н. К. Нарышкиной перевод сочинения «некоего богомудра и любомудра мужа» — «Сладость умнословесныя и богумысленныя души, в беседование с господом богом». Время перевода известно по собственноручной записи К. (ГИМ, Чудовское собр., № 302, л. 98 об.), в которой сказано, что книга «преписася с беломалоросскаго языка и писмен» (речь при поднесении перевода царевне Наталье Алексеевне — там же, № 300, л. 299—301 об.; речь при вручении книги царевичу Алексею Петровичу — там же, л. 319—321 об.). Предположительно К. приписываются переводы апокрифического сказания Иеронима об Иуде (список в Чудовском собр., № 302, л. 199—201; см.: «Сказание Иеронима о Иуде предателе»), несколько рассказов из «Римских деяний» (там же, л. 185—199), двух слов Леонтия Карповича (с южнорусского оригинала — там же, № 300, л. 180—243). Архимандрит Филарет называет в числе сочинений К. «Арифметику», изданную в Москве в 1700 г. (Филарет. Обзор, с. 267).

Соч.: Букварь славянорусских писмен. М., 1694; Служба и житие святого Иоанна Воина. М., 1695; Букварь языка славенска. М., 1696; Берх В. Н. Археология. Букварь Кариона Истомина 1691-го года. — Северный архив, 1822, ч. 4, октябрь,

№ 19, с. 3—27; Смирнов С. История славяно-греко-латинской академии. М., 1855, Прил., с. 396—400; Буслаяв. Историческая хрестоматия, стб. 1299—1302; Бычков А. Ф. Домострой Кариона Истомина. — ЛЗАК за 1862—1863 гг. СПб., 1862, вып. 2, с. 126—132; Ровинский Д. А. 1) Русские народные картинки. СПб., 1881, кн. 2, с. 483—503; кн. 4, с. 514—517; 2) Букварь, изготовленный монахом Карионом Истоминим для обучения царевича Алексея Петровича в 1692 г. / Гравирован Леонтием Буниным. СПб., 1891; Браиловский С. Н. Один из пестрых XVII столетия: Историко-литературное исследование в двух частях с приложениями. СПб., 1902, с. 367—481 (Записки имп. Акад. наук, т. 5); Тарабрин И. М. Лицевой Букварь Кариона Истомина. — Древности, М., 1916, т. 25, табл. XV—LIII (или отдельное издание: М., 1916); Вирши: Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков / Общая ред. П. Беркова. Л., 1935, с. 141—151 (Б-ка поэта. Малая серия); Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Общая ред. В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1970, с. 203—215 (Б-ка поэта. Большая серия); Букварь составлен Карионом Истоминим, гравирован Леонтием Буниным, отпечатан в 1694 году в Москве: Факсимильное воспроизведение экземпляра, хранящегося в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде / Вступит. статьи В. И. Лукьяненко, М. А. Алексеевой. Л., 1981; Новые источники по истории общественно-политической мысли в России в конце XVII века: (Литературные панегирики) / Подгот. текста, предисл. и коммент. А. П. Богданова. Под ред. В. И. Буганова. М., 1983 (ротапринт).

Лит.: Евгений. Словарь исторический, т. 1, с. 318—320; Строев. Словарь, с. 163—165; Филарет. Обзор, с. 267; Браиловский С. Н. 1) Карион Истомин: Жизнь его и сочинения. — ЧОЛДП, 1889, апрель, с. 346—374; май, с. 439—464; июнь, с. 538—592; 2) К биографии Кариона Истомина. — ЖМНП, 1891, август, с. 434—437; 3) К вопросу о литературной деятельности русских писателей XVII столетия, носивших имя Карион. — ИОРЯС, 1909, т. 14, кн. 1, с. 12—58; Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб., 1890, с. 22, 227, 250, 267—268; Георгиевский В. Флорищева пустынь: Историко-археологическое описание с рисунками. Вязники, 1896, с. 166—171, 199—200, 248—251, 259—260; Еремин И. П. Карион Истомин. — В кн.: ИРЛ I. М.; Л., 1948, т. 2, ч. 2, с. 355—360; Агаркова Р. К. Спорные вопросы биографии Кариона Истомина. — Учен. зап. Душанбинского гос. пед. ин-та им. Т. Г. Шевченко, Душанбе, 1967, т. 51. Серия филолог., вып. 19. Языковедение и литературоведение, с. 100—116; Панченко А. М. 1) Книжная поэзия Древней Руси. — В кн.: История русской поэзии. Л., 1968, т. 1, с. 50—51; 2) Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973; Dębski Jan. Z obserwacji nad spuścizną poetycką Kariona Istomina. — In: Zeszyty naukowe uniwersytetu Jagiellońskiego. DXXXVI. Prace historycznoliterackie, 1979, z. 37.

Л. И. Сазонова

Кириан (ок. 1330—16 IX 1406) — митрополит киевский и всея Руси, писатель, редактор, переводчик, книгописец. По рождению болгарин (следом за Никоновской летописью и Степенной книгой долгое время его считали сербом), возможно из тырновской семьи Цамблаков. Прежде общепринятое, это мнение (основывающееся на словах Григория Цамблака, что К. «братъ бѣаше нашему отцю») теперь поставлено под сомнение И. Холтузеном, обратившим внимание на контекст, в котором это сказано, установившим, что Григорий Цамблак пользовался при написании Надгробного слова К. Надгробным словом Мелетию Антиохийскому Григория Нисского, и заключившим, что речь идет не о кровном родстве К. и отца Григория Цамблака, а о национальном и духовном родстве К. как главы русской церкви и Евфимия Тырновского как болгарского патриарха.

Свой путь К. начал в Келифаревском монастыре Феодосия Тырновского; там он и сблизился с Евфимием. Оттуда ушел в Константинополь, затем на Афон; может быть, был к этому вынужден как сторонник грекофильской монашеской партии, к которой принадлежали также Феодосий и Евфимий; они тоже оказались в Константинополе в 1362—1363 гг. Раньше ли них К. явился в Византию или вместе с ними, неизвестно. Там он сблизился с патриархом Филофеем (1353—1354, 1364—1376). Но где произошло их знакомство — в Константинополе или на Афоне (Филофей в промежутке между двумя периодами патриаршества был игуменом тамошней лавры св. Афанасия), тоже неизвестно. П. Сырку (а следом за ним и А.-Э. Тахиаос) предполагает, что К. уда-

лился на Святую гору в 1355 г. вместе со свергнутым патриархом. Н. Дончевой-Панайотовой же кажется более вероятным, что он жил в царьградском Студийском монастыре до смерти Феодосия (17 ноября 1363 г.) и лишь после этого попал на Афон (в таком случае он скоро оттуда вернулся с патриархом Филофеем).

О своем пребывании на Афоне К. говорит в ответном Послании Афанасию Высотскому. Очевидно, к этому периоду относится «Еуфимия патриарха Терновского послание к Киприану мниху, живущу во святей горе Афонстей. . .» (приходится допустить только, что слова «патриарха Терновского» добавлены в заглавие позднее, так как до 1375 г. Евфимий не был патриархом, после же этого года К. не мог жить на Афоне). Во всяком случае несомненно, что К. имел возможность научиться у своих болгарских и греческих учителей «книжному деланию», связанному с исихастским «умным деланием», и на собственном опыте узнать как отшельнически-уединенную, так и общежительную монастырскую жизнь.

Около 1373 г. К. был послан патриархом Филофеем в Литву и на Русь для примирения литовских и тверского князей с митрополитом *Алексеем*, чтобы предотвратить назревавший раздел митрополии всей Руси. Проведя какое-то время в Литве, К. склонил тамошних князей к миру с митрополитом, на которого они перед этим жаловались патриарху. Затем он прибыл в Великую Русь; 9 марта 1374 г. присутствовал в Твери на посвящении митрополитом Алексеем тверского епископа Евфимия, после чего с митрополитом отправился в Переяславль Залесский, город московского великого князя. Сколько он там пробыл, неизвестно. Допускают (Пл. Соколов, Дж. Мейендорф), что он был там еще в ноябре этого года и присутствовал на крещении Сергием Радонежским новорожденного сына великого князя Дмитрия Ивановича, но из источников мы об этом ничего не знаем. Существует также мнение (Г. М. Прохоров), что торжественно отмеченное летописцем под тем же годом примирение русских князей друг с другом и с литовскими князьями и их «розмирье» (разрыв мира) с Ордой были результатом дипломатической деятельности патриарха Филофея, осуществленной через его посла. В этот свой приезд на Русь К. познакомился с игуменами Сергием Радонежским, *Феодором Симоновским* и, возможно, с епископом *Дионисием Суздальским*. Из Великой Руси К. вернулся в Литву. В том же 1374 г. — очевидно, по его и патриарха инициативе — было предпринято перенесение из Вильны в Константинополь останков и прославление там (некий серб написал житие, а грек, «ритор Великой Церкви» Михаил Вальсамон, — похвальное слово) трех литовских мучеников-христиан — Круглеца-Антония, Нежила-Ивана и Кумца-Евстафия, убитых в 1347 г. по приказу язычника князя Ольгерда.

В 1375 г. в результате дипломатических ухищрений Мамай и вследствие измены Твери княжеская русско-литовская конфедерация распалась; Тверь была подавлена возглавленными Москвой великорусскими силами, возобновилась вражда Литвы и Москвы, и литовские князья отправили К. в Константинополь с грамотой к патриарху, в которой просили поставить им К. как митрополита литовского. Патриарх Филофей 2 декабря 1365 г. посвятил К. в митрополита «киевского, русского и литовского» с тем, чтобы он до смерти митрополита Алексея проживал в Киеве и управлял недоступными для того западнорусскими землями, а затем переехал в Москву (престол русских митрополитов официально был перенесен в 1354 г. патриархом Филофеем из Киева во Владимир) и объединил обе части митрополии, став митрополитом киевским и всей Руси. 6 июня 1376 г. К. прибыл в Киев и приступил к наведению порядка в церковных делах Литвы, Галиции и Волыни, проповедуя среди язычников, восстанавливая собственность митрополичьей кафедры в Новом Городке литовском, собора св. Софии в Киеве, доби-

ваясь выплаты церковной десятины, освобождая пленников-христиан и т. п. Завоевав доверие литовских князей, он попытался через послов добиться того же от московского князя, Новгорода и Пскова, но тщетно, несмотря на то что митрополит Алексей, судя по всему, его права признавал и его поддерживал.

Списавшись после смерти митрополита Алексея (12 февраля 1378 г.) с Сергием Радонежским и Феодором Симоновским, К. летом 1378 г. сделал попытку неожиданно для князя Дмитрия Ивановича явиться в Москву, чтобы с помощью своих сторонников вступить в права наследования вопреки воле князя, но был перехвачен княжеским воеводой, провел ночь в заточении и был выдворен из Москвы. Сохранились три его послания к игуменам Сергию и Феодору, из которых и известно об этом событии. Первое из них написано 3 июня из Любутска, непосредственно перед попыткой проникнуть в Москву. Второе — 23 июня, сразу же после выдворения. Оно представляет собой уже не просто письмо к названным игуменам, но публицистическое произведение, рассчитанное на разных читателей и на то, чтобы его — под угрозой церковного отлучения — читатели сохраняли и распространяли. В этом произведении К. обосновывает свои права, отводит обвинения в пролитовской ориентации, выдвинутые, как он слышал, против него московским князем, говорит о своей деятельности в качестве митрополита, рассказывает о том, что он только что претерпел, и предаст отлучению и проклятию князя Дмитрия Ивановича, по воле которого это произошло. В дошедших до нас списках послания (XV в.) некоторые места были переданы тайнописью. В целом это послание было направлено против выдвинутого князем наместника митрополитского престола *Митяя-Михаила* и против предполагавшегося членения митрополии «всая Руси» на митрополии «Малой Руси и Литвы» и «Великой Руси». Характерно то, что — в соответствии с политической линией византийского императора Иоанна VI Кантакузина и патриарха Филофея (авторов ряда грамот на Русь) — К. продолжает здесь рассматривать московского великого князя как в идеале князя всероссийского. Показательна также обнаруживаемая им здесь осведомленность о том, что сторонники раздела митрополии «на куны надеются и на фрязы», т. е. на деньги и на генуэзцев. В третьем послании (от 18 октября 1378 г.) К. ободряет своих корреспондентов-сторонников, в которых было разочаровался, и выражает готовность ехать в Константинополь. Туда он отправился зимой 1378/79 г. (по дороге был торжественно встречен в Тырново), весной прибыл и пробыл там до июня 1380 г., когда собор патриарха Нила поставил в митрополиты «киевские и Великой Руси» Пимена (см.: РИБ, СПб., 1880, т. 6, Прил., № 30, стб. 165—184), одного из спутников умершего около Константинополя по дороге из Москвы Митяя-Михаила.

К. покинул Константинополь незадолго до окончания работы собора. Патриарх Нил оставил за ним звание митрополита «Малой Руси и Литвы», но в случае его смерти дал Пимену право распространить свою власть на Малую Русь и Литву и стать митрополитом «Киевским и всея Руси». И. Мейендорф предполагает, что К. поспешил в Литву по причине назревавшего военного столкновения ордынско-литовских сил с великорусскими и что, явившись летом 1380 г. в Литву, К. сумел так повлиять на литовского князя Ягайло, что тот сознательно «опоздал» оказать помощь своему союзнику Мамаю в битве с русским войском на Куликовом поле. Этим, полагает Мейендорф, К. заслужил «внезапное благоволение» со стороны князя-победителя. Г. М. Прохоров (Повесть о Митяе) обращает внимание на то, что князь послал Феодора Симоновского за К. в Киев не сразу после Донской победы, но только весной 1381 г., не раньше гибели Мамаю, и считает, что К. и такие его сторонники, противники Митяя-Михаила, как Сергей Радонежский и Феодор Симоновский, были давними вдохновителями борьбы за объединение

Руси и освобождение ее от власти Орды, чем и объясняет гонения на них со стороны московских властей после измены Твери в 1375 г. и благоволение к ним после успешного исхода войны с Мамаем.

23 мая 1381 г. К. явился в Москву. В декабре этого же года возвращающегося на Русь из Константинополя Пимена по приказу князя задержали в Коломне и отправили в ссылку и заточение в Чухлому. Может быть, к этому времени, если не к 90-м гг., относится сохранившийся отрывок «От иного послания о повинных», атрибутируемый теперь К. (Г. М. Прохоров), а прежде приписывавшийся и Дионисию Суздальскому (А. С. Павлов), и киевскому епископу *Даниилу* (как якобы написанный в 1113 г. и обращенный к *Владимиру Мономаху*) (М. Н. Тихомиров). В этом послании автор называет себя 4-м епископом («А епископом») «по благочестию» и «по судбам божиим», подразумеваемая тем самым, очевидно, что существует четвертый епископ не «по благочестию» (а надо сказать, что и К., и Пимен могли каждый считать себя четвертым московским епископом — подробнее об этом послании см. ниже).

В том же 1381 г. на основе первоначальной редакции Жития митрополита Петра, первого московского епископа и святого, К. создал свою редакцию того же произведения, отражающую новые его отношения с великим князем. В ней К. сначала завуалированно, на примере жизни Петра, несколько похужей на его собственную, оправдывал себя и обвинял своих соперников, а в конце, переходя к рассказу о самом себе, прямо говорил о полученной им после молитв к Петру помощи свыше, благодаря которой он и от болезней избавился, и до Руси из осажденного латинянами и турками Константинополя добрался, и в Москве был принят великим князем. В уста Петра в этом произведении К. вложил пророчество, отражающее, очевидно, собственное его убеждение, о будущем политическом величии Москвы при условии поддержки ею православия.

Описывая совершаемую митрополитом Петром литургию, К. говорит здесь, что тот молился в первую очередь «о православных же царех», т. е. о византийских императорах, не упоминая ордынских ханов, за которых на деле (а не за византийских императоров) должен был молиться Петр. В этом проявилось осуществленное К. позже, во второй период его правления церковью всея Руси, стремление включить в русские церковные «многолетия» имена византийских императоров.

Эта редакция Жития вошла как составная часть в написанную К. Службу митрополиту Петру, состоящую кроме жития из стихир, чтений из библейских книг, двух канонов и (после шестой песни канонов) кондака. В этой Службе наряду с мольбами о защите «от безбожных и чюжевѣрныхъ нахождения и усобныа рати» содержится и выражения радости по поводу недавно одержанной победы над «агарянами», т. е. над Мамаем в Куликовской битве («Падоша вѣстающии на ны, отче, твоими молитвами побѣжаеми Агарини внуци, хотящеи достояние твое озлобити. И под смѣх убо быше и поругание, падения своего плачуще. Мы же воспѣваемъ радостно твою священную память» — см.: Харьковская научная библиотека им. В. Г. Короленко, № 816281, Декабрьская минея, л. 141). В первый раз эта сочиненная К. Служба митрополиту Петру исполнялась (а в ее составе читалось и Житие), по всей видимости, в 1381 г., 21 декабря, в день памяти Петра, в одном из кремлевских соборов, где присутствовал князь, — вероятно всего, в Успенском соборе, заложеном по инициативе Петра.

К первому периоду пребывания К. в качестве митрополита в Москве (1381—1382 гг.) должны относиться его «Ответы» игумену Афанасию «въпросившему о нѣкоихъ потребныхъ вещьхъ», касающихся монастырской жизни. Эта датировка, расходящаяся с датировкой «Ответов» 1390—1405 гг. их издателями в РИБ (т. 6, № 32, стб. 243—270), определяется тем, что игумен серпуховского общежительного монастыря, основанного

Сергием Радонежским, Афанасий Высотский, которому «Ответы» вероятнее всего адресованы, в 1382 г. перестал быть игуменом, покинув Северо-Восточную Русь вместе с К. В этих «Ответах» К. говорит о погребении и об исповеди священников и чернецов, «о ручном же блюду», о требованиях к причащающимся, об «арменской ереси», как о «гнуснѣйши паче всѣх ересей», велит православным не иметь никакого общения, дружбы и любви с армянами, «яко да... отидуть от православных съжительства или... приидуть с исповеданием к истинной православной Христовой церкви» (отношение К. к армянам определяется, по-видимому, не только их религиозными расхождениями с православными, но и их связями с генуэзцами и политической деятельностью на Руси, проявившейся, в частности, в провокационных действиях Некомата в 1375 г.). Кроме того, в «Ответах» он пишет о троеженцах, о постах в дни некоторых праздников, о том, чтобы в монастырях не венчали, о том, как крестить, как постригать, что чернецам полагается «старца многолѣтна держать собѣ духовника», что делать, если собака «в церковь въскочить», если буря ломает церковный крест, как и когда петь панихиду, указывает, что служить литургию без вина «безаконие велико есть», что в церкви надлежит читать Толковое Евангелие, а на трапезе Патерик, книги св. Ефрема (см. «Паренесис» Ефрема Сирина), св. Дорофея, «также и Шестоденьник святого Василья и святого отца Иоанна Златоустаго», говорит о послаблениях молодым и старым инокам, об именах для чернецов, о переходах в другой монастырь, о милостыне и о том, что «села и люди держати иноком не предано есть святыми отци»; при этом, однако же, К. допускает монастырские владения селами при условии, что не чернецы будут бывать в селе, но смогут «мирянину нѣкоему богобоязливу приказати, и тому печаловати бы о всяких дѣлѣх, в монастырь же бы готовое привозил житом и иными потребами»; здесь же К. пишет о конечной задаче иноков — заполнить собой места павших с небес во тьму по причине гордости ангелов (ср. с «Диоптрой» Филиппа Пустынника) и выражает уверенность в близком конце света («нынѣ же есть послѣднее время и лѣтом скончание приходить, и конецъ вѣку сему»).

Во время внезапного нашествия на Москву Тохтамыша (26 августа 1382 г.), когда князь Дмитрий Иванович бросил город и бежал в Кострому, а в Москве «людие стаха вечем», митрополит (он за два дня до того вернулся в Москву из Новгорода) и великая княгиня были ограблены и с трудом выбрались из города. К. отправился в Тверь; оттуда съездил в Новгород, а затем вернулся в Тверь. Туда за ним, из Москвы в начале октября князь Дмитрий Иванович прислал своих бояр. Одновременно Пимен по приказу князя был переведен из Чухломы в Тверь.

К., чувствуя, что ему грозит изгнание, создал в это время новое публицистическое произведение — Повесть о Митяе, опять используя существующее чужое повествование, на этот раз, по-видимому, изначально принадлежащее летописи, придав ему вид учительного риторического «слова». В итоге Повесть, сохранив свойственный летописи фактографический характер и следы довольно сухого «канцелярского» стиля, приобрела черты эмоционально окрашенной ораторской речи на историческую тему. В Повести сквозит насмешка над Митяем и Пименом, противниками К.; смысл же ее заключается в предостережении князя против решения сменить митрополита. Предостережение это, однако же, не подействовало, и той же осенью К. был изгнан из Москвы. Весьма вероятно, что это его изгнание (а тем самым и дробление русской митрополии) было результатом требований Орды. К. удалился в Киев; тогда с ним вместе и ушел Афанасий Высотский; в Москву из Твери был переведен Пимен, и митрополия вновь оказалась поделенной по границе ордынских владений.

Примерно весной 1384 г. в Киев, где пребывал К., явился из Константинополя Дионисий Суздальский, добившийся там от патриарха Нила поставления в русские митрополиты (по-видимому, вопреки желанию поддерживавшего его князя — в митрополиты не Великой Руси, а «всей Руси»). Киевским князем Владимиром Ольгердовичем — может быть, не без ведома К. — Дионисий был схвачен и провел остаток своих дней в заключении (умер в 1385 г.).

Будучи изгнан из Москвы, К. не прекратил стараний сблизить Великую Русь с Литвой. Очевидно, по его инициативе возник проект брака великого литовского князя Ягайло Ольгердовича и дочери великого князя московского Дмитрия Ивановича, отразившийся в договорной грамоте 1384 г. между Дмитрием Донским и великой княгиней Юлианией Александровной, дочерью тверского князя Александра Михайловича, вдовой Ольгерда; при этом предполагалось, что Ягайло должен «креститься в православную веру и крестянство свое объявити во все люди» (о грамоте мы знаем из описи великокняжеского архива 1626 г.).

Около 1385—1386 гг. К. послал на Русь письмо, адресованное «а-игумену», в каковом игумене вероятнее всего видеть Феодора Симоновского. В нем он ставит адресата в известность, что отправляется в Царьград на конях через «Волошьскую землю», и выражает уверенность в скорой победе над «лживым человеком и лстивым».

27 апреля 1387 г. в Константинополе, в Сгудийском монастыре, К. закончил переписку «Лествицы» Иоанна Синайского в незадолго до того (около 1370 г.) появившемся новом славянском, сербском, переводе (существовал и старый, болгарский). Эта рукопись (ГБЛ, МДА, фонд., № 152) вскоре — по-видимому, вместе с самим К. — попала на Русь, где с нее был сделан целый ряд копий; в частности, некий священноинок Прохор приносил ее к епископу Евфимию в Тверь, где в 1402 г. она была спешно («на боръзѣ») переписана (рукопись БАН, собр. Н. В. Тимофеева, № 9).

29 мая 1387 г. К. был послан императором Иоанном V Палеологом в Малую Русь с обязательством возвратиться в течение года. Поездка могла быть вызвана как стремлением императора побудить бывшего литовского князя Ягайло, ставшего в 1396 г. вследствие Крестовой династической унии польским королем, к защите Византии от турок, так и попытками самого К. сблизиться и сблизить литовских князей с Василием Дмитриевичем, старшим сыном Дмитрия Донского, бежавшим из Орды за западную границу ее владений. Как прежде К. должен был содействовать неудавшемуся проекту брака между Ягайло с дочерью Дмитрия Ивановича, так теперь он, наверняка, содействовал женитьбе Василия Дмитриевича на Софье Витовтовне, осуществившейся позже, в 1391 г.

В феврале 1389 г. новый константинопольский патриарх Антоний принял решение (см.: РИБ, СПб., 1880, т. 6, Прил., № 33) о низложении великорусского митрополита Пимена и восстановлении К. в звании митрополита киевского и всей Руси. Сохранился также нотариальный акт от 8 сентября 1389 г. о заеме К. и Феодором Симоновским у Николая Нотары, императорского переводчика, тысячи новгородских «старых рублей»; возможно, впрочем, что акт означает не заем, а обещание, посул. 1 октября 1389 г. К. в сопровождении ряда епископов покинул Константинополь и через Белгород (Аккерман) и Киев прибыл 6 марта 1390 г. (уже после смерти Дмитрия Донского, умершего 19 мая 1389 г.) в Москву. Оттуда он послал письмо к русскому духовенству в Константинополе, «поведающе многия беды их морского плавания, страшнаго пути, случившагося им» в Черном море, между Константинополем и Белгородом; письмо это до нас не дошло; мы знаем о нем из упоминания в записках — Хождении Игнатия Смоленского.

С прибытием К. в Москву закончился восьмилетний период, по выражению летописца, «мятежа в митрополии», начавшийся после наше-

ствия Тохтамыша изгнанием К. из Москвы. Торжествующий комментарий в летописной статье 6887 (1379) г., сопровождающей известие о смерти Митяя, написан, по-видимому, самим К., так как в нем звучат одновременно и торжество победителя, и нота наставления князьям, очевидно потомкам Дмитрия Ивановича.

Как выше сказано, вероятно к этому времени (если не к 1381 г.) относится послание К. великому князю, сохранившееся под заглавием «От иного послания о повинных». В этом послании автор с похвалой отмечает роль княжеской воли в том, что он смог занять свою кафедру. Кроме того, он напоминает князю-получателю «от злобы на добро совращение» отца его, великого князя, и просит его быть милостивым к «сѣгряпающим», а за все это обещает ему долголетие, «на противныя победы» и царствие небесное. Датировка этого послания временем Василия Дмитриевича позволяет понять слова «от злобы на добро совращение», применив их к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому: в таком случае имеется в виду поворот в его политике, приведший к победоносной битве с Мамаем, приглашению в Москву К. и временному прекращению раздела русской митрополии. Это глухое упоминание причиненного князем зла заставляет вспомнить намек на какое-то совершенное Дмитрием Донским зло, содержащийся в «Слове о житьи и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» (в «Слове...» это зло как бы отпущается ему за его главный подвиг — победу над «погаными»). Со «Словом о житьи и о преставлении...» послание «о повинных» роднит также неоднократное, почти назойливое величание здесь адресата царем, а его владений — царством: «...почтенному господьским и царьским саном... благочестивому великому князю», «...да и многих управивши к богови в своем царстве», «...твое державное царство», «...сблюдет тебе в царствии твоём». Датировка этого послания временем не раньше 1390 г. позволяет понять и его положение в рукописях: там оно помещается, очевидно, в хронологическом порядке, последним, пятым, после послания, которое датируется концом 1384—началом 1385 г.

В июле—августе 1390 г. К. в сопровождении двух митрополитов-греков — Матфея и Никандра, а также Михаила Смоленского, Стефана Пермского и Даниила Звенигородского побывал в Твери, где по просьбе тверского князя Михаила Александровича сместил епископа Евфимия Висленя (с 1387 г. практически лишённого князем возможности действовать и помещенного в монастырь) и поставил на его место человека из своего окружения — «великого протодьякона» Арсения (Евфимий Вислень умер в 1392 г. и был похоронен в Москве «у Михайлова Чуда за алтарем»).

21 октября 1391 г. К. вследствие жалоб «сирот монастырских» на игумена Царе-Константиновского монастыря близ г. Владимира Ефрема дал монастырю Уставную грамоту, в которой на основании расспросов предыдущего игумена, Царко, а также митрополичьих бояр во Владимире — Михаила Виреева, Юрия Протопопина и повара Ивана, приводится перечень того, что монастырь получал с принадлежащих ему сел, и утверждается описанный порядок.

В феврале 1392 г. К. две недели пробыл в Новгороде; в соборе св. Софии произнес поучение; старался восстановить право митрополитов на апелляционный суд, которое новгородцы в 1385 г., при митрополите Пимене, в период «мятежа» в митрополии, отняли у них; так как новгородцы воспротивились, К. уехал, не благословив их.

28 июня 1392 г. (но возможно также, что в 1404 г., когда был 12-й индикт, которым наряду с 6900/1392 г. датирована соответствующая грамота; в 1392 г. был 1-й индикт) великий князь Василий Дмитриевич совместно с К. написал Уставную грамоту о разграничении княжеских и митрополичьих прав и владений, обо всех пошлинах церковных, об обязанностях церкви в случаях экстраординарных (в частности во время

войны и уплаты дани Орде), о запрещении митрополиту ставить в попы и дьяконы княжеских слуг и «данных людей», причем исключение делалось только для изъявивших желание поповичей, но попович, живущий самостоятельно и отдельно от отца, рассматривался как человек великого князя.

В 1392 г. К. поставил в Полоцк епископа Феодосия, а в Коломну — епископа Григория (на место умершего Павла). 29 августа 1392 г. К. дал новгородскому епископу Иоанну грамоту о неприкосновенности церковных слуг и вотчин: «как при первых владыках тамо что ни было, тако и нынѣча потянет к Святѣй Софѣи и ко владыце Ивану». Так как переубедить новгородцев относительно необходимости вернуть митрополитам право на апелляционный суд ему не удалось, К. написал об этом патриарху и послал в Константинополь с письмом Дмитрия Афинянина. К. просил патриарха также передать в его ведение, изъяв из Суздальской архиепископии, Нижний Новгород и Городец. Новгородцы тоже послали к патриарху свое посольство, жалуясь на митрополита, требуя большей от него независимости и угрожая в противном случае перейти в латинство. В 1393 г. великий князь Василий Дмитриевич провел успешную войну с Новгородом, в результате которой новгородцы через послов выразили покорность князю и митрополиту и одарили ответного митрополитичьего посла Дмитрока.

Пришедших осенью 1393 г. из Орды на службу к московскому князю трех татар, бывших ханских постельничих, — Баты Хозя, Хыдырь Хозя и Мамат Хозя — К. крестил в Москве-реке и нарек Ананией, Азарией и Мисаилом (по-видимому, это было 17 декабря, в день памяти этих трех святых отроков).

В 1394 г. в Новгород пришли посланные патриархом грамоты с убеждением во всем покоряться митрополиту, а в великий пост 1395 г. туда с патриаршим послом вновь прибыл сам митрополит. Из Новгорода 12 мая 1395 г. он послал две грамоты в Псков. Одной из них он запрещал мирянам судить священников («но кто их ставить святитель, но тѣ их и судить, и казнить, и учить») и посягать на купленные церковью или подаренные ей земли и села, а овдовевшим и вторично женившимся священникам запрещал служить. Второй грамотой он отменял уставную грамоту архиепископа Дионисия Суздальского, которую тот приписал «к грамотѣ князя великого Александровѣ, по чему ходити, как ли судити или кого как казнити»; К. велел псковичам следовать исключительно грамоте великого князя Александра («дѣйте по старинѣ чисто и без грѣха, как и всякий християне дѣютъ»). Тогда же К. написал новгородскому духовенству поучение о церковных службах, в частности о том, когда какую литургию надлежит служить, кому из татей и душегубцев можно давать перед смертью причастие, что при крещении должен быть либо кум, либо кума («неслично двѣма крестити, ни мужу с чужею женою, ни с своею женою, но одному годиться крестити»), что расстрига из монахов подобен отвергнутому от Христа, что священнику и дьякону при поставлении надлежит «чисту быти, как от чрева матерья родитися», и что если с попом или с дьяконом «случится... какова напасть... по наваждению диаволскому, ино ему в тот час престати от службы».

После 1395 г. К. написал псковскому духовенству о том, что послал во Псков с приходившим оттуда попом Харитоном «с товарищи» «устав божественной службы Златоустовы и Великаго Василья», а также сам текст служб и «Синодик правый, истинный, который чтут в Царигородѣ, в Софѣи Святой, в патриархии», и что он приписал к нему, «как православных царий поминати, такоже и князей великих, и мертвых и живых». Из его слов «яко же мы здѣ в митропольи поминаем» ясно, что К. сумел добиться включения в церковные «многолетия» на Руси имен византийских императоров; преодолеть сопротивление этому со стороны великого князя Василия Дмитриевича помог ему своей грамотой патриарх Анто-

ний (см.: РИБ, т. 6, Прил., № 40). К. пишет еще, что послал в Псков Синодик «правый царегородский», по которому, как он говорит, «мы здѣсе поминаем или еретиков проклинаем», из чего следует, что Синодик содержал провозглашавшиеся византийской церковью в первое и второе воскресенья великого поста поминовения защитников православия и анафематствования еретиков. Как показал М. Г. Попруженко, К. воспользовался константинопольским Синодиком в болгарском переводе и в редакции патриарха Евфимия Тырновского. В этой же грамоте в Псков К. сообщал, что послал туда 60 антиминсов для освещения церквей, запретил резать их на части, как прежде велел псковичам делать новгородский епископ, и дал указания о причащении достойных «о Велицѣ дни или о Рождествѣ Христовѣ», в частности велел, чтобы женщины «причащали бы ся у других дверей, что противу жертвенника».

В единственном известном списке (ГИМ, Синодальное собр., № 222 (Кормчая, XVI в.)) под именем К. сохранилось поучение «игуменом, и попом, и диаконом, и ко мнихом, и ко всем православным христианом». Однако на московском соборе 1503 г. и Стоглавом соборе это поучение считалось принадлежащим митрополиту Петру (так оно, наверно, и было).

По всей видимости, при посредничестве К. в 1393 г. при дворе Владислава II Ягайло появились русские художники, расписавшие нефы романского костела в аббатстве св. Креста и королевскую спальню в замке на Вавеле.

26 августа 1395 г., во время приближения к Москве Тимура (Темир-Аксака), из Владимира в Москву по инициативе великого князя и митрополита была перенесена икона Богородицы Владимирской, а поскольку Тимур как раз в это время повернул от Москвы, так на нее и не напад, К. основал церковь и монастырь во имя Сретения на месте встречи иконы в Москве и установил праздник для воспоминания об этом событии.

В конце зимы 1396 г. К. через своего стольника Феодора Тимофеевича вызвал в Москву из Новгорода архиепископа Иоанна, задержал его там только два дня и отпустил «с благословением и с честью» (*летопись Новгородская первая*). В марте 1396 г. в Москве К. поставил Григория епископом на Ростов, Ярославль, Белоозеро, Углич, Устюг и Мологу.

Весной того же 1396 г. К. с великим князем Василием Дмитриевичем посетил недавно взятый Витовтом Смоленск для встречи с литовским князем, тестем московского, и поставил там епископа Насона. Затем на полтора года он удалился в Киев. Незадолго до того тамошний митрополитий наместник в Святой Софии монах Фома Изуфов отравил брата короля Ягайло — князя-католика Скиргайло, заместившего в Киеве в качестве князя православного Владимира Ольгердовича; на положении К. и его отношениях с королем это, однако же, по-видимому, не сказалось. К. рукоположил в Лутск нового епископа Феодора; вел переговоры с королем Ягайло об унии православной церкви с римско-католической (вызывая тем самым те же надежды, что питали в Византии его вдохновители, патриарх Филофей и Иоанн-Иоасаф Кантакузин, и пытаясь использовать обращение Ягайло в католичество для пользы православного мира); король и митрополит писали об этом патриарху Антонию, предлагая созвать общецерковный собор на Руси. В январе 1397 г. патриарх, озабоченный в то время критическим положением Константинополя, ответил каждому из них, не разделяя их энтузиазма, что и время и место для такого собора неподходящи и что лучше бы польский король, объединившись с венгерским, способствовал освобождению Византии от неверных, а К. использовал бы свое влияние на его «большого друга», польского короля, в этом же направлении. 7 октября 1397 г. К. с епископом Михаилом Смоленским, Исаакием Брянским и Феодором Лутским приехал из Киева в Москву.

В 1397 г. в момент напряженных отношений великого князя с Новгородом К. через своего стольника Климентия опять вызывал в Москву

новгородского владыку Иоанна «о святительских делах» (но тот выступал при этом перед князем и как дипломатический представитель Новгорода). 20 января 1398 г. в подмосковном митрополичьем селе Голенищеве К. поставил для Перми епископа Исаакия — на место умершего в 1396 г. Стефана Пермского. В 1398 г. в ответ на просьбу из Константинополя от патриарха Матфея и императора Мануила русские князья по совету К. послали в Византию с бывшим любутским боярином чернецом Родионом Ослебятем и тверским протопопом Даниилом 20 тыс. рублей, в ответ на что получили оттуда икону «Спас в бѣлоризцех», которая была поставлена в церкви Благовещения.

К 1398—1399 гг. относится повышенная дипломатическая активность литовского и русских князей, связанная, по всей видимости, с разгромом Темир-Кутлуем Тохтамыша и бегством его в Литву (Витовт присылал в Москву своего посла; Софья Витовна, жена Василия Дмитриевича, ездила для встречи с отцом в Смоленск); в этой деятельности какое-то участие принял и К.: на масленице 1399 г. он побывал в Твери, после чего московский и тверской князья «покрѣпиша миру» и «сѣединишася Русии князи вси за един, и бысть радость велика всему миру», а оттуда поехал в Литву к Витовту. Вероятно, в его отсутствие на Руси возобладали антилитовская проордынская партия «юных бояр», о которых говорит Повесть о нашествии Едигея, в результате чего русские князья послали «грамоты разметныи» Витовту, т. е. объявили ему войну, и после этого не приняли участия в его сражении на Ворскле с Темир-Кутлуем и Едигеем, в котором он потерпел поражение (1399 г.).

13 сентября 1399 г. К. написал жалованную подтвердительную грамоту владимирскому Рождественскому монастырю на суздальское село Вельское, данное монастырю князьями в память об Александре Невском (сохранился подлинник грамоты). Согласно значительно более поздней грамоте — великого князя Ивана Васильевича, 17 марта 1483 г. (см.: Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. М., 1951, ч. 1, с. 23—24) К. выменял у великого князя Василия Дмитриевича «Всеславлю» или «Святославлю» слободку Караш Ростовского уезда, дав за нее князю некогда приобретенный митрополитом Петром г. Алексин — «место домовое святых Богородицы с всем, как купил Петр митрополит»; при акте мены присутствовал ряд великокняжеских и митрополичьих бояр. Позднее это владение К. расширилось, так как некто Юрий Юрьевич подарил ему «в слободку в митрополичю в Караш» починки Березники и Трегизово, за что митрополит велел записать имя дарителя, его жены и его детей «в вечное поминание» (там же, с. 28).

Примерно в конце 90-х гг. К. добился уничтожения отдельной Галицкой митрополии, распространив свою власть — вопреки даже воле константинопольского патриарха — на Мавровлахию и Галицию.

В 1400 г., во время осады Константинополя Баязидом, патриарх Матфей прислал к митрополиту К. грамоту с отчаянной просьбой о денежной помощи Царьграду, теснимому мусульманами. В этой грамоте патриарх называет К. «любящим ромеев человеком» (РИБ, т. 6, Прил., № 46, стб. 311—316).

В начале марта 1401 г. К. в третий раз вызвал в Москву из Новгорода владыку Иоанна; в июле этого года он созвал собор из девяти епископов, на котором Иоанн Новгородский и Савва Луцкий вынуждены были «отписаться» от своих епископий и были задержаны в Москве. Иоанн Новгородского К. заточил в монастыре Николая Старого и продержал там около трех с половиной лет.

В 1402 г., побуждаемые, по-видимому, спорами с новгородцами, великий князь Василий Дмитриевич с Киприаном решили возобновить законодательство, касающееся церковных судов, и для этого разыскали, утвердили и размножили старый Номоканон, сборник княжеских уставов, включающий Устав Ярослава (Русская Правда), Судебник греческого

царя Константина и Устав князя Владимира о церковных судах и десятинах. Этот комплекс уставов был переписан, в частности, «на Москве в лето 6911, индикта 11, месяца ноября 11» (1402 г.) на свиток, а с него списан в летопись (Софийскую I) вслед за упоминанием данной Ярославом новгородцам Правды под 6527 (1019) г. Благодаря поездке К. в 1404—1405 гг. в подвластные Литовскому великому княжеству западно-русские земли этот сборник уставов получил распространение и там. И впоследствии, судя по всему, К. не оставлял работу над сводом уставов. Возможно, по его инициативе (так считает Л. В. Черепнин) для митрополитского суда в Новгороде была составлена подборка законов под названием «Правосудье митрополитское».

25 ноября 1402 г. «по благословению... Кипреяна, митрополита киевского и всея Руси» была написана договорная грамота великого князя Василия Дмитриевича и князей Владимира Андреевича и Юрия, Андрея и Петра Дмитриевичей с великим князем рязанским Феодором Ольговичем о дружбе, согласии и общей политике по отношению к Орде и Литве.

14 июня 1404 г. К. написал некоей бездетной вдове Феодосье, мужа которой убили «холопи», грамоту на усыновление ею приемыша Тимошки, сославшись при этом на найденное им в Номоканоне соответствующее правило. 22 июня того же года в Голенищеве он поставил игумена Борисоглебского монастыря Тимофея епископом в Сарай. Незадолго до отъезда в западную часть своей митрополии К. освободил из заточения в московском монастыре новгородского архиепископа Иоанна и позволил ему вернуться в Новгород (там того встретили 15 июля). Добиться от новгородцев утраченного при Пимене права на апелляционный суд митрополит так и не смог.

20 июля 1404 г. К. поехал из Москвы сначала в Вильну, а затем в Киев. В Вильне он был с большей честью принят Витовтом. В Киеве К. заменил своего наместника архимандрита Тимофея и «слуг своих тамошних», отослав их в Москву, спасским архимандритом Феодосием и новыми своими слугами. Во Владимир Волинский он рукоположил епископом священника Гоголя. Во время этой своей поездки он побывал в Луцке. В 1405 г. в течение нескольких дней присутствовал на встрече великого князя литовского Витовта с польским королем Ягайло в городе Милолюбне. По настоянию Витовта он снял сан с туровского епископа Антония, обвиненного в побуждении ордынского царя Шадибека к нападению на Киев, на Волынь и на прочие города (очевидно, русские), подвластные Литве и Польше; К. отослал его в Москву в Симонов монастырь, велел заботиться о нем и не обижать его, только не позволять выходить из монастыря. 1 января 1406 г. К. вернулся в Москву. 26 августа в Голенищеве он поставил архимандрита Симоновского монастыря Иллариона епископом на Коломну. Спустя две недели, уже будучи больным, он рукоположил для Суздаля епископа Митрофана.

За четыре дня до смерти К. продиктовал духовную грамоту, которую велел прочесть при своем погребении. В ней он говорит о своих старческих болезнях, возвещающих ему приближение смерти, о времени своего пребывания в митрополитах, всех прощает, благословляет и у всех просит прощения; в ряде летописей к грамоте прилагается философско-поэтическое произведение на тему о бренности и суетности земной жизни (в нем сказывается знакомство с «Диоптрой» Филиппа Пустынника), написанное, видимо, в связи со смертью К. (в Никоновской летописи К. назван его автором). Прочел грамоту над его гробом ростовский архиепископ Григорий. Как сообщает летопись, эта прощальная грамота К. послужила образцом для следующих русских митрополитов; отчасти ее использовал в своей духовной грамоте и Кирилл Белозерский. К. похоронен справа от входа в московском кремлевском Успенском соборе. Духовная К. включена в *Великие Минеи Четии* митрополита Макария под 31 августа.

По словам Григория Цамблака (в Похвальном слове К.), незадолго до смерти К. он получил от него письмо с приглашением в Москву и уже ехал туда из Вильны, когда известие о смерти митрополита остановило его на р. Неман (Григорий Цамблак посвятил К. и Службу).

Во второй период управления всероссийской митрополией К. по возможности часто бывал и жил в своих тихих сельских владениях — в подмосковном селе Голенищеве, где он воздвиг «опришную» церковь во имя Трех Святителей, и в волости Сенеж на Святом озере Владимирской области, где он построил церковь и основал монастырь во имя Преображения господня. По словам Никоновской летописи, митрополит «любилвалъ лѣсныя пустынныя мѣста»; в тамошней тиши он занимался литературным трудом — читал, сочинял «и книги своею рукою писаше». В. Н. Татищев дает более конкретные сведения: «... в наставление душевное преписа соборы, бывшие в Руси, многи жития святых русских и степени великих князей русских; ини же в наставление плотское, яко: правды, и суды, и летопись рускую от начала земли Руския вся по-ряду. И многи книги к тому собрав, повелел архимандриту Игнатию Спасскому докончити, яже и соблюдох». По-видимому, в эти последние годы своей жизни К. сделал незначительные дополнения к своему Житию митрополита Петра (в частности, появилось упоминание смерти императора Авдроника IV, имевшей место в 1385 г.) и написал Похвальное слово этому митрополиту. На основании известия В. Н. Татищева возникло предположение о создании К. Степенной книги (куда вошло и Житие митрополита Петра), но оно теперь признается ошибочным. Историки летописания допускают, однако, причастность К. к русскому летописанию конца XIV—начала XV в., в частности его инициативу в создании, влияние на содержание и личное участие в написании отдельных мест Троицкой летописи, завершенной (статьей 1408 г.) уже после его смерти, может быть при Кремлевском монастыре св. Спаса Преображения упоминаемым В. Н. Татищевым архимандритом Игнатием, по предположению Ст. Шевырева — тем самым *Игнатием Смольнянином*, который сопровождал митрополита Пимена в его последней поездке в Царьград, посетил Иерусалим и описал это свое путешествие (Е. Голубинский думает, что спасским архимандритом сделал Игнатия К. в 1404 г. после Феодосия, назначенного в Киев наместником).

Помимо Повести о Митяе и комментария к известию о его смерти, отмеченных выше, с наибольшей вероятностью принадлежащей перу К. может считаться в этой летописи запись под 6900 (1392) г. о захвате великим князем Василием Дмитриевичем Нижнего Новгорода с разрешения и с помощью подкупленных им ордынцев. Существует также точка зрения (Г. М. Прохоров), что при К. произошла своего рода децентрализация местного летописания: в 1375 г. в Москве за счет подавления и поглощения ряда местных княжеско-городских или епископских летописцев был создан «Лѣтописец Великий Русьский», вобравший в себя материал других летописцев XIV в., но краткий по начало XIV в.; своего рода репликой на него явилась в 1377 г. Лаврентьевская летопись, представлявшая полный текст летописи именно по начало XIV в.; в начале же 90-х гг., при К., «Лѣтописец Великий Русьский» был отвергнут, некоторые местные летописцы (в Твери, например) оживились, а в основу московской летописи было положено или возвращено полное, не сокращенное начало (по образцу Лаврентьевской). Кроме того, при К. был продолжен процесс ведения-составления при митрополичьей кафедре «всеза Руси» сводной всероссийской летописи, в основу которой клались выборки из всех местных летописцев митрополии и для которой специально заказывались большие произведения (в частности, «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русскаго»). Этот свод отражает Софийская I летопись. Параллельно с ним в Новгороде подобным же методом (на основании делавшихся для митро-

поличьего свода выборок из тамошней местной, Новгородской I, летописи и выборок из самого этого свода; выборки сохранились в списке конца XV в. — ГПБ, F.IV.603, л. 179—425 об.) составлялся его новгородский вариант — Новгородская IV летопись (по 1428 г.).

К. атрибутируется ряд литургико-поэтических произведений. Помимо Службы митрополиту Петру с двумя канонами, стихирами и кондаком сюда относятся «Канон ко господу нашему Иисусу Христу и ко пречистой Богородице, пѣваем о гобзиня плода и за бездождие», «Молитва разрешити царя и князя и всякого христианина. . . а списана в Лутцѣ над гробом княжеим Димитриевым», «Последование провождению над умерьшим младенцем». Ряд молитв мог быть написан К., но мог быть также переведен им с греческого, таковы: «Благословение и прислание митрополита Киприана. Молитва, глаголемая во отвержение и во освящение церкви, в ней же случится умерти челоуѣку нужною како-либо смертию»; «Потружение смиреннаго Киприана, митрополита Киевскаго и всея Руси. Како подобает знаменати отроча», включающее молитву «храму, в нем же младенец родися», «женѣ, егда родит», «молитву имя нареци младенцу», «жене по рождении и всем прилучившимся», «бабѣ».

Некоторые церковнослужебные тексты определенно переведены на славянский язык К., как-то: «Списание сему от греческих книг смиренным митрополитом Киевским и всея Руси Киприаном. Чин, еже омыти мощи святых или крест мочити», «Канон к господу Иисусу Христу и пречистой его матери на поганья молебн. Творение святейшаго и вселенскаго патриарха Филофия, и потружение же Киприана, смиреннаго митрополита всея Руси», «Канон молебн к господу Иисусу Христу в усобных и иноплеменных бранех. Творение святейшаго патриарха Филофея, потружение же Киприана, митрополита Киевскаго и всея Руси».

Сохранился пергаменный Служебник (ГИМ, Синодальное собр., № 344 (601)), содержащий «Устав божественна службы» Иоанна Златоуста в редакции патриарха Филофея и «Молитву особну Святому духу. Творение святейшаго патриарха Костянтинаграда Филофея», а также записи (л. 72, 132 об.), согласно которым его перевел и переписал «от грецких книг на русский язык рукою своею Киприан, смиренный митрополит киевский и всея Руси» в 1397 г. и «сам служил» по нему. Наверное эту рукопись и имел в виду в XVII в. Евфимий Чудовский, когда писал, что «Киприан митрополит преведе с греческа книгу Литургиарий и написа своею рукою» (ГИМ, Синодальное собр., № 596, Сборник, XVII—XVIII вв., л. 16 об.). Но это, судя по письму (если брать «Лествицу» 1387 г. за образец), не автограф, а, возможно, копия с автографа. Согласно этому служебнику, в чине проскомидии одна из просфор принимается со словами «О здравии и спасении благочестивых царей. . .», что соответствует стремлениям К. включить в русскую церковную службу поминания византийских императоров (то же самое можно видеть в Служебнике ГИМ, Синодальное собр., № 952, принадлежавшем, по преданию, Сергию Радонежскому). О том, что некогда существовал написанный рукой К., а возможно и переведенный им Требник, указывает заголовок распорядка службы священника и дьякона: «Устав божественных служб. Творение Филофея патриарха Цариграда. Списажесе се смиренным митрополитом Киевским и всея Руси Киприаном» (например, в рукописи конца XV в. ГИМ, Синодальное собр., № 376 (268)).

В собрании рукописей Троице-Сергиевской лавры наряду с указанным ранее автографом К. — списком Лествицы Иоанна Синайского 1387 г. (ГБЛ, МДА, фонд., № 152) — до нас дошли также две по традиции приписывавшиеся ему рукописи: Псалтирь с воследованием (там же, № 142) и корпус сочинений Дионисия Ареопагита (там же, № 144). В Псалтири написано, что она «митрополита Киприанова писма». Но обе эти рукописи автографами К. не являются; вероятно, однако же, что и они списаны с его автографов.

И. Иванов утверждает, что К. не переводил сам с греческого языка, а использовал сделанные на Балканах переводы. Это несомненно верно относительно переведенной хиландарскими старцами Лествицы Иоанна Синайского, переведенного сербским старцем Исайей корпуса сочинений, надписываемого именем Дионисия Ареопагита, и Псалтири, повторяющей Псалтирь царя Ивана Александра 1337 г. (добавлены только короткие похвалы болгарским святым — Петке-Параскеве, Иоанну Рильскому, Илариону Мегленскому, Кириллу Философу и Иоакиму). Но в остальных случаях «потружение» К. состояло, возможно, в том, что он вносил свою правку в сделанный ранее перевод (понятие перевода в Древней Руси включало и правку чужого перевода), либо делал перевод заново или впервые.

Представленный «Киприановским» списком текст Псалтири в XV в. потеснил другие ее редакции и в XVI в. воспринимался как «Киприанов перевод» (см., например, записи в ГБЛ, Волоколамское собр., № 152, л. 1, 454 — Псалтирь с воследованием, первая четверть XVI в.). Так, Нил Курлятев в своем Предисловии к переводу Псалтири, сделанному Максимом Греком, обосновывая необходимость и авторитетность этого нового перевода, упрекал К. за его перевод, ибо тот «по-гречески не гораздно разумел и нашего языка довольно не знал же» (ГПБ, собр. Погодина, № 1143, л. 1). Судя по записям в сохранившихся списках, к Молитвеннику К. восходит Сказание об отреченных книгах (см. *Списки отреченных книг*). Переводом К. является, как можно думать, «Последование, творимо часовом на праздники господския пред днем Рождества Христова», к названию которого сделано примечание: «Сичево приахом певаемо в святейшей Великой церкви Божия Премудрости», напоминающее примечание в упомянутом «Служебнике Киприана митрополита»: «Яко же и Святѣй Софѣи в Великой церкви творимо естъ, идѣже и мы научихомъся, видѣвше». В списке Харьковской гос. научной библиотеки, № 816281 (Минея декабрьская, служебная, пергамен) к «Последованию» сделано — вероятно, в начале 80-х гг. XIV в. К. — примечание о том, что, согласно обычаям русской церкви, «многолетия» возглашаются не царю и патриарху, а князю и митрополиту, «занеже несть царства тамо, ни же царя». Эта же рукопись содержит также древнейший список созданной К. Службы митрополиту Петру, в том числе Житие. Согласно записи, сохранившейся в рукописи второй половины XV в. ГИМ, собр. Уварова, № 145, некий дьяк Василко в Западной Руси в 1390 г. написал Сборник житий и слов, содержащий и Киприаново житие Петра.

Помимо уже упомянутых книг и сочинений при К. в русскую церковнослужебную практику входит Учительное Евангелие (сборник воскресных и праздничных поучений различных авторов, главным образом Иоанна Златоуста) в редакции патриарха Филофея и Иерусалимский (или монастыря Саввы Освященного) богослужебный устав, со временем вытеснивший Студийский устав. Грамоты К. новгородскому архиепископу Иоанну, в Псков, псковичам об отмене грамоты Дионисия Суздальского, псковскому духовенству включены в XVI в. в ильскую книгу ВМЧ митрополита Макария (Синодальный список № 182 и Успенский список № 996).

Судя по Послесловию в упомянутом выше Служебнике, приписываемом К. (ГИМ, Синодальное собр., № 344 (601)), можно думать, что от него исходило строгое требование при чтении и особенно при переписке книг относиться к их тексту «с великим вниманием», следить, чтобы «не приложити или отложити едино нѣкое слово, или тычку едину, или крючкы, иже суть под строками в рядѣх, ниже премѣнити слогию нѣкоторую, или пакы отложити», поскольку от небрежности, говорится здесь, можно впасть в грех, а «от небрежения впасти в грѣх горшии естъ, неже еже от невидѣния бываемаго». Требование это порождалось, наверное,

с одной стороны, свойственным исихастам сакральным отношением к слову, с другой — боязнью еретических отступлений от церковной нормы. Сделанная неким «последним во иноцех и непотребным Андреем смиренным» приписка в рукописи ГИМ, Успенское собр., № 7 (пергамен, 1403 г.) говорит, что митрополичьим «благословением земля Русьская мир глубокий приемлет, церкви же божия православия одежею свыше истканною одъся, и исправлением книжным и учением его свѣтлѣется паче солнечных зарей и напаяется яко от источника приснотекуща».

Из русских митрополитов XIV в. К. был первым, не поминавшим в молитвах ордынских ханов, ни разу не посещавшим Орду, жившим подолгу в западной, подвластной Литве и Польше части Руси и уделявшим очень большое внимание литературе. В целом для него характерны отражение в литературных произведениях обстоятельств окружающей его общественной и его собственной жизни, включая болезни (в этом он верный ученик литератора-патриарха Филофея и отдаленный предшественник протопопа Аввакума), стремление оживить домонгольские традиции русской литературной и церковной практики, внедрить в нее новые достижения византийских богословия, литургики, литературы; утвердить свои права как главы церкви «всех Руси», сохранив ее единство, несмотря на политический раздел враждующими друг с другом государствами; распространить взгляд на московского князя как на князя и царя «всех Руси», но при этом защитить права и других князей и отделить церковь от всех государств, в которые она входила, ограничив вмешательство в ее дела и посягательство на ее права светских властей; возбудить в своей наставке пафос борьбы с «погаными» поработителями.

К. был также, несомненно, инициатором и поощрителем литературного творчества, пополнения русских библиотек книгами южнославянского и афонского происхождения и переписки книг (ряд рукописей сохраняет записи писцов о благословении их работы К.; см., например: ГПБ, Ф. п. I. 18, л. 207 (Евангелие), где говорится о его написании в 1393 г. дьяконом Спиридоном «благословенъем Киприана митрополита всех Руси, повеленъем благовернаго князя Володимера Андреевича»; ГИМ, собр. Успенского собора, № 7, где говорится о написании книги в 1403 г. митрополичьим «благословением и повелением»). В Твери в 90-х гг. XIV в., после того как К. поставил туда епископом своего протодьякона Арсения, произошло возрождение замершего было после московско-тверской войны 1375 г. местного летописания. Человеком, близким к митрополиту (по крайней мере по духу и общественной позиции), вскоре после его смерти была создана наставительная по отношению к великому князю Повесть о нашествии Едигея.

Во время возглавления русской церкви К. активизировались церковное строительство и расписывание церквей на Руси. На это время приходится русский период творчества Феофана Грека и начало творческого пути Андрея Рублева; с середины 90-х гг. XIV и по середину первого десятилетия XV в. Феофан Грек, Семен Черный, Даниил Черный, Андрей Рублев и старец Прохор из Городца расписывали храм Рождества Богородицы с приделом Лазаря и Благовещенский и Архангельский соборы в Московском Кремле. Кроме того, Феофан Грек украшал фресками помещения у князя Владимира Андреевича Храброго и церкви в Великом и Нижнем Новгородах. Допускают (Н. К. Голейзовский, Л. В. Бетин), что именно К. пригласил Феофана Грека на Русь. При К. резко активизировалась монастырская колонизация Русского Севера; в числе основанных тогда монастырей — Кирилло-Белозерский и Спасо-Прилуцкий в Вологодском крае, Лазаря Муромского на Онежском озере, Арсения Коневского на Ладожском и множество других. Монастыри, как правило, возникали сначала как «исихастерии» отшельников или как скиты, но, быстро вырастая, организовывались по принципу киновий, общежитий. При К. же произошла реформа и некоторая унификация русского

церковного пения и музыкальной нотации. С ним связывают также переход Руси с «мартовского» года на «сентябрьский».

29 мая 1472 г. в связи с перестройкой кремлевского Успенского собора состоялось открытие и перенесение мощей митрополитов К., Фотия и Ионы, причем, по Софийской II летописи, «тогда Иону цѣла суца обрѣтоша...», Фотѣя же цѣла суца не всего, едины ноги толико в тѣлѣ, а Киприяна всего потлѣвша, едины мощи». 27 августа 1479 г. гроб с останками К. был установлен в новом Успенском соборе.

В сборнике конца XV в. книгописца Ефросина (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086) К. стал героем фольклорного по характеру рассказа об исчезнувшем доме по причине негостеприимства хозяина и митрополичьего неблагословения. В XVI в. небольшой хвалебный рассказ о К. был помещен в Никоновской летописи и в Степенной книге, вслед за сообщением о его смерти. При пожаре 21 июня 1547 г. митрополит Макарий, вынужденный прервать молебен и бежать из Успенского собора, захватил с собой иконку Богоматери, написанную, по преданию, митрополитом Петром, и книгу «божественаго правила», принесенную К. из Царьграда.

Местное празднование памяти К., как и празднование памяти митрополитов-греков, Феогноста и Фотия, было установлено в Успенском соборе не ранее 1805 г.

Соч.: I. Послания от 3 и 23 июня, 18 октября 1378 г., отрывок «От иного послания о повинных» и небольшое послание «а-игумену»: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1973, с. 193—204; первые три и пятое послания в публикации А. С. Павлова: Послания всероссийского митрополита Киприана, доселе еще не изданные. — ПС., 1860, ч. 2, с. 75—106; второе послание: РИБ, СПб., 1880, т. 6, № 20, стб. 173—196; ПЛДР: XIV—середина XV века. М., 1981, с. 430—443, 579—581; «От иного послания о повинных» под заглавием «Повинное послание Дионисия, архиепископа суздальского, к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому 1383 года» в издании А. С. Павлова: ПС, 1866, ч. 1, с. 239—250; то же как послание 1113 г. епископа Даниила Владимиру Мономаху: Тихомиров М. Н. Малоизвестные памятники: 2. Киевские князья XI столетия в послании о повинных. — ТОДРЛ, М.; Л., 1960, т. 16, с. 545—546.

II. Грамоты. Заемная Николаву Нотаре 8 сентября 1389 г.: АИ, т. 1, № 252, с. 473—474; ответы игумену Афанасию: АИ, т. 1, № 253, с. 474—482; РИБ, т. 6, № 32, стб. 243—270; Уставная грамота Царевкопстантиновскому монастырю: ААЭ, т. 1, № 11, с. 6—7; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. М., 1951, т. 1, № 201, с. 179—180; Памятники русского права. М., 1955, вып. 3, с. 423—425, 436—438, 458—459; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., 1964, т. 3, № 5, с. 16—17; уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича и К.: Памятники русского права, вып. 3, с. 421—423, 432—438, 458; Акты социально-экономической истории... т. 3, № 6, с. 18—20; грамота новгородскому архиепископу Иоанну о неприкосновенности церковных судов и вотчин: АИ, т. 1, № 7, с. 16; РИБ, т. 6, № 26, стб. 229—232; в Псков о том же: АИ, т. 1, № 9, с. 18; РИБ, т. 6, № 27, стб. 231—234; грамота псковичам об обмене уставной грамоты: АИ, т. 1, № 10, с. 18; РИБ, т. 6, № 28, стб. 233—236; грамота новгородскому духовенству: АИ, т. 1, № 11, с. 19; РИБ, т. 6, № 29, стб. 235—238; грамота псковскому духовенству: АИ, т. 1, № 8, с. 17; РИБ, т. 6, № 30, стб. 239—242; грамота Владимирскому Рождественскому монастырю: Акты социально-экономической истории... т. 3, № 86, с. 117—118; Сборник уставов: ПСРЛ, СПб., 1853, т. 6, с. 57—86; ПСРЛ, Л., 1925, т. 5, вып. 1, с. 91; «Правосудье митрополичье»: Акты социально-экономической истории... т. 3, № 8, с. 22—25; грамота вдове Феодосье: АИ, т. 1, № 255, с. 484; РИБ, т. 6, № 31, стб. 241—244; Духовная грамота: Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1857, т. 1, с. 544; Варлаам, архим. Описание сборника XV ст. Кирилло-Белозерского монастыря. — Учен. зап. 2-го отд-ния Акад. наук, 1859, кн. 5, с. 48; ВМЧ митр. Макария, 31 августа; ПСРЛ, т. 4, вып. 2, с. 400—404; т. 5, с. 254—256; т. 11, с. 195—197; т. 21, ч. 1, с. 441—443.

III. Житие митрополита Петра, первоначальная версия: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе, с. 204—215; распространенная позднейшая версия: ВМЧ, 21 декабря, стб. 1620—1646; ПСРЛ, т. 21, ч. 1, с. 320—332; Ангелов Б. Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1958, с. 159—176; Проложное житие: Памятники древнерусской церковноучительной литературы, вып. 2. Славяно-русский пролог, ч. 1 (Сентябрь—декабрь) / Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1898, с. 5—6, 168—169.

IV. Похвальное слово митрополиту Петру: Дончева-Панайотова Н. Неизвестно «Похвално слово за митрополит Петър» от Киприан Цамблак. — Старобъл-

гарска литература, кн. 2. Българско-руски литературни връзки през средновековието. София, 1977, с. 136—155 (публикация по рукописи ГПБ, Погодинское собр. № 866, конец XV—начало XVI в., с разночтениями по ГПБ, Софийское собр., № 1500, XVI в.).

V. Повесть о Митяе: ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 124—132; т. 18, с. 121—125; Прохоров Г. М. Повесть о Митяе, с. 218—224.

VI. Разрешительная молитва: Варлаам, архим. Описание сборника XV в. Кирилло-Белозерского монастыря, с. 49—50; Макарий. История русской церкви, т. 4, Прил. XXVI, с. 373—377.

VII. Переводы с греческого канонов на ратные темы: Прохоров Г. М. Гимны на ратные темы эпохи Куликовской битвы. — ТОДРЛ, Л., 1983, т. 37, с. 286—304.

VII. Последствие и молитва из Служебника: Буслаев. Историческая христоматия, стб. 135—138.

Лит.: ПСРЛ, т. 5, с. 254—256; т. 8, с. 79—80; т. 11, с. 195—197; т. 21, ч. 2, с. 441—443; т. 24, с. 171—172; т. 25, с. 234—236; Татищев В. Н. История российская с самых древнейших времен. М., 1784, кн. 4, с. 424; Калайдович К. Об ученых трудах митрополита Киприана и о том, спрavedливо ли приписывается ему и митрополиту Макарию сочинение книги Степенной. — ВЕ, 1813, ч. 72, с. 207—224; Горский А. В. Св. Киприан, митрополит Киевский и всея Руси. — Прибавления к ТСО, М., 1848, с. 295—369; Шевырев Ст. История русской словесности. М., 1858, ч. 3, с. 169—187; [Муравьев А. Н.] Житие святителя Киприана, митрополита всея Руси. — В кн.: Жития святых российской церкви, также иверских и славянских и местно чтимых подвижников благочестия: Месяц сентябрь. СПб., 1859, с. 235—276; Филарет. Обзор, с. 110—114; Пыпин А. Для объяснения статьи о ложных книгах. — ЛЗАК, 1861, вып. 1, с. 49; Киприан, всероссийский митрополит, и великий князь Дмитрий Донской. — ПС, 1862, ч. 1, с. 9—11; Правила архимандрита Киприана: (Обзор посланий). — ПС, 1865, ч. 2, с. 9—34; Макарий. История русской церкви. СПб., 1866, т. 5, кн. 2, с. 183—193; СПб., 1886, т. 4, с. 59—86; СПб., 1886, т. 5, с. 186—197; А. Л.—д [Леонид Кавелин]. 1) Киприан до востшествия на Московскую митрополию. — ЧОИДР, 1867, кн. 2, отд. 1, с. 11—32; 2) Надгробное слово Григория Цамблака российскому архиепископу Киприану. — Чтения Моск. ун-та, 1872, т. 1; Ключевский И. Древнерусские жития, с. 74—77, 82—88, 124—126, 209, 319; Пастырская деятельность киевских митрополитов (1240—1461) относительно благоустройства богослужения. — Киевские епархиальные ведомости, 1874, вып. 2, с. 203—207; Пастырская деятельность киевских митрополитов (1240—1461) по особенным обстоятельствам православия в юго-западной России при покушениях против него папизма. — Киевские епархиальные ведомости, 1872, вып. 2, с. 86—87; Сергей, архим. Полный месяцеслов Востока. М., 1875, т. 1 (Восточная агиология), Прил., с. 182—183, 194; Амфилохий, архим. 1) Что внес Киприан, митрополит киевский и всея России, а потом московский и всея России, из своего родного наречия и из переводов его времени в наши богослужебные книги? — В кн.: Труды III археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Киев, 1878, т. 2, с. 230—251 (перечень переведенных К. канонов и молитв по рукописи ГИМ, Синодальной собр., № 503 (774), канонник, XVI в.); 2) Справедлив ли упрек монаха Пила Курьятевых о том, что митрополит Киприан по-гречески гораздо не разумел и нашего языка довольно не знал же при исправлении Псалтыри? — В кн.: Труды IV археологического съезда в России. Казань, 1891, т. 2, отд. 6, с. 1—6; РИБ, т. 6, Прил., стб. 165—184, 189—228, 261—264, 303—316 (документы, касающиеся К.; греческий текст этих документов см. также: Miklosich Fr., Müller J. Acta patriarchatus Constantinopolitani. Vindobonae, 1862, vol. 2, S. 116; Барсуков. Источники агиографии, стб. 287—289; Строев. Словарь, с. 165—170; Мансветов И. Д. 1) Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1881; 2) О трудах митрополита Киприана по части богослужения. — Прибавления к ТСО, кн. 1, ч. 1, с. 152—205; кн. 2, с. 413—495; кн. 3, с. 71—175 (о Служебнике, Трехнике, Псалтыри); 3) Церковный устав. М., 1885, с. 270—271; Барсов Е. По поводу сочинения проф. И. Д. Мансветова «Митрополит Киприан в его литургической деятельности». — ЧОИДР, 1882, кн. 3, отд. 5, с. 57—61; Помяловский И. [Рец. на кн.: Мансветов И. Д. Митрополит Киприан в его литургической деятельности]. — ЖМНП, 1883, май, с. 108—119; Филарет. Обзор, с. 86—93; Глубоковский Н. Н. 1) Св. Киприан, митрополит всея России (1347—1406) как писатель. — ЧОЛДП, 1892, февраль, с. 358—424; 2) РВС, «Пбак—Ключарев», СПб., 1897, с. 636—644; 3) Киприан. — ПБЭ, СПб., 1909, т. 10, стб. 41—60; Боголюбский М. С. Московская иерархия: Митрополиты. — ЧОЛДП, 1894, № 9, с. 454—457; Жданов П. Н. Русский былевой эпос: Исследования и материалы. СПб., 1895, с. 105—106; Афонский патерик. 7-е изд. М., 1897, т. 2, с. 169; Сырку П. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. СПб., 1898, т. 1, вып. 1 (Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского), с. 353—576; Голубинский И. 1) История церкви. М., 1900, т. 2, 1-я половина, с. 210—260, 297—356; 2) История канонизации, с. 191—194, 559—560; Державин И. Степенная книга как литературный памятник. — Известия XII археологического съезда в Харькове 15—27 августа 1902 г., с. 97—98 (об участии К. в ее составлении); Васенко П. Г. «Книга степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности, 1. СПб.,

1904, с. 199, 211—212; Орлов М. И. Литургия св. Василия Великого. СПб., 1909, с. LI—LX (литургическая деятельность Киприана); Иконников В. С. 1) Опыт историографии. Киев, 1908, т. 2, кн. 2, с. 1308—1349, V, XXXVII—XXXVIII; 2) Максим Грек и его время. Киев, 1915, с. 29—30 (об исправлении книг); Соколов П. Русский архиепией из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913, 420—563; Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916, с. 145—157; Пресняков А. Образование великорусского государства. — ЛЗАК, Пг., 1920, вып. 30, с. 108, 122, 124, 141, 234, 241, 314—316, 321—322, 334, 338, 340, 363—375, 379 (и отдельное издание: Образование великорусского государства: Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1920); Яцимирский А. И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности. [Б. м.]. 1921, с. 11—28; Попруженко М. Г. Синодик царя Борила. София, 1928, с. XCVIII—CIX; Приселков. История летописания, с. 128—140; Лихачев В. Русские летописи, с. 296—297; Turdeanu E. La littérature bulgare du Xe s. et sa diffusion aux pays roumains. Paris, 1947, p. 115; Ангелов Б. 1) Списъкът на забранените книги в старобългарската литература: (Към въпроса за класовия характер на нашата стара литература). — Известия на Института за българска литература, София, 1952, кн. 1, с. 138; 2) Житие на митрополит Петър от Киприан. — Из старата българска, руска и сръбска литература, 1. София, 1958, с. 159—176; Динев К. П. Стара българска литература. София, 1953, ч. 2, с. 85—88; Киселков В. Сл. Проуки и очерти по старобългарска литература. София, 1956, с. 213—230; Иванов Й. Българското книжовно влияние в Россия при митрополит Киприан (1375—1406). — Известия на Института за българска литература, София, 1958, кн. 6, с. 25—79; Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959, т. 1, с. 333—339; Українські письменники, с. 362—363; Клибанов А. И. Реформационное движение в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, с. 326 и др.; Снегаров И. К истории культурных связей между Болгарией и Россией в конце XIV—начале XV в. — В кн.: Международные связи России до XVII в.: Сборник статей. М., 1961, с. 260—269; Ταυτάος 'Α.-'Α. 1) 'Ο μητροπολίτης 'Ρωσίας Κυπριανός Τσαμπλάκ. — 'Επιστημονική 'Επετηρίς Θεολογικής Σχολής, τ. 6. Θεσσαλονίκη, 1961, с. 163—241; 2) 'Επιδράσεις τοῦ ἡσυχασμοῦ εἰς τὴν ἐκκλησιαστικὴν πολιτικὴν ἐν 'Ρωσία. 1328—1406 Θεσσαλονίκη, 1962, с. 61—153; Будовниц. Словарь, с. 66, 131, 247; Мошин В. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. — ТОДРЛ, М.; Л., 1963, т. 49, с. 104—106; Дмитриев Л. А. 1) Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы: (К истории русско-болгарских литературных связей XIV—XV вв.). — Там же, с. 215—254; 2) Литературно-книжная деятельность митрополита Киприана и традиции великотырновской школы. — В кн.: Ученици и последователи на Евтимий Търновски: Втори международен симпозиум. Велико Търново, 20—23 май 1976. София, 1980, с. 64—70; Мечев К. Похвалното слово за Киприан от Григорий Цамблак. — Литературна мисъл, София, 1966, № 2, с. 124—132; Михайлов Е. Митрополит Киприан. — Бележити българи, София, 1967, т. 1, с. 534—546; Вздорнов Г. И. Роль славянских мастеров письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. — ТОДРЛ, Л., 1968, т. 23, с. 173—174, 182, 189; Holthusen J. Neues zur Erklärung des Nadgrobное Slovo von Grigorij Camblak auf den Moskauer Mitropoliten Kiprian. — Slavistischen Studien zum VI. Internationalen Slavistenkongress in Prag 1968. München, 1968, S. 372—382; Греков И. Б. 1) О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище». — Советское славяноведение, 1970, № 6, с. 31; 2) Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975; Obolensky D. 1) The Byzantine Commonwealth. New York—Washington, 1971, p. 263—264, 342—343; 2) Late Byzantine Culture and the Slavs: A Study in Acculturation. — XVe Congress international d'études byzantines. Rapports et co-rapports. Athens, 1976, p. 8—26; 3) A Philorhomaioi anthropos: Metropolitan Cyprian of Kiev and all Russia. — Dumbarton Oaks Papers, Washington, 1979, vol. 32; Прохоров Г. М. 1) К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина. — ТОДРЛ, Л., 1972, т. 27, с. 140—148; 2) Летописная Повесть о Митяе. — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 30, с. 238—254; 3) «Лѣтописецъ Великий Русьскій»: Анализ его упоминания в Троицкой летописи. — В кн.: Летописи и хроники. 1976. М., 1976, с. 67—78; 4) Избыточные материалы Рогожского летописца. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976, т. 8, с. 185—203; 5) Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания. — ТОДРЛ, Л., 1977, т. 32, с. 165—198; 6) Центрально-русское летописание второй половины XIV в.: (Анализ Рогожского летописца и общие соображения). — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978, т. 10, с. 159—181; 7) Древнейшая рукопись с произведениями митрополита Киприана. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1978 г. Л., 1979, с. 17—30; 8) Поэтическое приложение к Духовной грамоте митрополита Киприана и другие ритмизованные тексты. — В кн.: Армянская и русская средневековые литературы. Ереван, 1985 (в печати); Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV в. М., 1972; Дончева-Панайотова Н. А. 1) Образът на Киприан в Похвалното слово за него от Григорий Цамблак. — В кн.: Търновска книжовна школа, 1371—1971. Международен симпозиум, Велико Търново, 11—14 октомври 1971 г. София, 1974, с. 501—

509; 2) Търновската книжовна школа и Русия в края на XIV и началото на XV век: Киприан и Григорий Цамблак. Автореф. на дисертация за присъждане на научната степен кандидат на филологическите науки. Велико Търново, 1974, 32 с.; 3) Неизвестно «Похвално слово за Петър» от Киприан. — Литературна мисъл, София, 1975, кн. 1, с. 98—104; 4) Киприановото «Похвално слово за Петър» в българска и руската панегирична традиция. — Език и литература, София, 1977, кн. 2, с. 30—43; 5) По въпроса за родство между митрополит Киприан и Григорий Цамблак. — Старобългарска литература, София, 1978, кн. 3, с. 77—85; 6) Цикл произведения за митрополит Петър от Киприан. — В кн.: Търновска книжовна школа: Ученици и последователи на Евтимий Търновски. Втори международен симпозиум. Велико Търново, 20—23 май 1976. София, 1980, с. 143—155; 7) Киприан, старобългарски и староруски книжовник. София, 1981; Голейзовский Н. К. Епифаний Премудрый о фресках Феофана Грека в Москве. — ВВ, М., 1973, т. 35, с. 224; Talev I. Some Problems of the Second South Slavic Influence in Russia. — Slavistische Beiträge, München, 1973, Bd 67, S. 82—93; Мейендорф И. Ф. 1) О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV веке. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 29, с. 291—305; 2) Byzantium and the Rise of Russia: A Study of Byzantino-Russian Relations in the fourteenth century. Cambridge University Press, 1981, p. 200—260; Борисов Н. С. Социально-политическое содержание литературной деятельности митрополита Киприана. — Вестник МГУ, 1975, № 6, с. 58—72; Князевская О. А., Чешко Е. В. Рукописи митрополита Киприана и отражение в них орфографической реформы Евфимия Търновского. — В кн.: Търновска книжовна школа: Ученици и последователи на Евтимий Търновски. Втори международен симпозиум. Велико Търново, 20—23 май 1976. София, 1980, с. 282—292; Чешко Е. В. Второе южнославянское влияние в редакции Псалтырного текста на Руси (XIV—XV вв.). — Старобългаристика, 1981, № 4, с. 79—85; Бетин Л. В. Митрополит Киприан и Феофан Грек — Etudes balkaniques, Sofia, 1977, t. 1, p. 109—115; Каган М. Д. Чудо митрополита Киприана: (Еще один фольклорный мотив в сборнике XV в. книгописца Ефросина). — ТОДРЛ, Л., 1981, т. 36, с. 234—238; A li s s a n d r a t o s J. The Structure of Gregory Camblak's Eulogy of Cyprian. — Paleobulgaria, 1982, t. 6, p. 45—58.

Н. Ф. Дробленкова (библиография), Г. М. Прохоров

Кубасов Сергей Иевлевич (ум. после 1694) — сын боярский, предполагаемый составитель одного из хронографов особого состава, который А. Н. Попов назвал «Хронографом Кубасова». Хронограф К. состоит из трех частей: хронографической, близкой к *Хронографу Русскому* редакции 1512 г., летописной, содержащей известия по русской истории до 7000 (1492) г., и, наконец «Повести книги сея от прехних лет», приписываемой И. М. Катыреву-Ростовскому. Известно шесть списков Хронографа К.: Демидовский и А. Н. Попова (эти два списка утрачены); БАН, 16.13.2 (неполный, имеет свое название — Едомский летописец); ГБЛ, ф. 228, собр. Пискарева, № 169; ГПБ, собр. Вяземского, F.VI; ЛОИИ, ф. 11, № 143.

О времени рождения К. можно судить только предположительно: известно, что в 40-х—начале 50-х гг. XVII в. в г. Тотьме действовал тотемский голова Иев Кубасов, который, вероятно, был отцом К., так как в источниках последний иногда назывался тотменином. К., начав свою службу в 50-х гг. XVII в. в должности подьячего провинциального города Тотьмы, после участия в посольстве *Ф. И. Байкова* в Китай (1654—1657 гг.) получил назначение в более значительный сибирский город Енисейск, где действовал уже как подьячий с приписью (1660 г.). В 1668 г. К. оказывается в г. Тобольске: этим годом датируется его служебная записка «О способах к увеличению казенных доходов в Тобольске и пригородах тамошнего уезда». Служа в Тобольске, центральном городе Сибири XVII в., К. получает новое повышение, дающее ему право подписываться как «сын боярский». Об этом мы узнаем из приписки, находившейся в двух утраченных списках Хронографа К.: «Труды же и тщания многогрешного раба Тобольского сына боярского Сергея Кубасова». Указание о новом служебном положении позволяет датировать его работу над текстом Хронографа 70—80-ми гг. XVII в. Последнее известие о К. относится к 1694 г.

Степень участия К. в работе над текстом Хронографа определялась исследователями по-разному: одни считали, что он был составителем

всего Хронографа и автором «Повести книги сея...» (А. Н. Попов, И. И. Срезневский, А. М. Ставрови́ч), другие — что он не был автором «Повести книги сея...» (В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и др.), третьи — что он был автором-компилятором особой редакции Хронографа (Е. К. Ромодановская). Вопрос об авторстве К. на сегодняшний день решается однозначно: он не мог быть автором Хронографа, так как все части этого памятника дошли до нас в списках не позднее 30-х гг. XVII в., а приблизительно к этому времени относится рождение К. Вопрос о соединении К. отдельных частей Хронографа не имеет однозначного решения: четыре списка из шести приписки К. не имеют, а два списка, имевших приписку, утрачены. С. М. Ставрови́ч вслед за С. Ф. Платоновым высказала предположение об участии К. в работе над *летописью Строгановской*, но со стороны других исследователей это предположение не нашло поддержки. Кроме «Повести книги сея...» исследователи обращались и к изучению летописной части Хронографа К., содержащей ряд оригинальных известий (А. А. Шахматов, М. Н. Тихомиров, А. Н. Насонов и др.). Некоторые исследователи интересовались влиянием текста Хронографа К. на летописание Сибири, вопрос этот продолжает изучаться.

На сегодняшний день история текста Хронографа К., предшествующая самому Хронографу, выглядит следующим образом. Было два этапа в истории текста: 20-е гг. XVI в. и 30—40-е гг. XVII в. На первом этапе появляются Хронограф редакции 1512 г., являющийся одним из основных источников Хронографа К., и близкая к *летописному своду Сокращенному* часть летописного текста (за период XV в.), особенностью которой являются несколько чтений, где в переработке общеизвестных исторических фактов отразилась борьба за власть между внуком Ивана III Дмитрием и сыном *Василием III*. На втором этапе, отразившемся в рукописях 30-х гг. XVII в., возникает незначительная переработка Хронографа редакции 1512 г. (см.: ГПБ, Q.IV.88): перестановка и несколько иная разбивка глав, незначительные вставки и сокращения текста; этой переработке Хронографа редакции 1512 г. сопутствует летописный текст (известен и в отдельном виде, например одним из списков «Летописца о великих княжениях» — ЦГАДА, ф. 181, № 617/1127), содержащий известия по русской истории от времен расселения славян до конца XVI в.; в эти же годы создается и «Повесть книги сея...» в нескольких редакциях. Таким образом, получается, что текст Хронографа К. до момента его составления во второй половине XVII в. уже существовал в виде отдельных произведений. Летописная часть Хронографа К. легла в основу краткого летописца, известного под названием «Подробнейшая история государей российских» (издана в XVIII в. Н. И. Новиковым). Хронограф К. использовал Н. М. Карамзин в работе над «Историей государства Российского».

Соч.: Русские достопамятности / Изд. ОИДР. М., 1815, ч. 1, с. 170—179 (часть «Повести книги сея...»); Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собрал и издал А. Попов. М., 1868, с. 283—315 («Повесть книги сея...»).

Лит.: Карамзин И. ИГР, т. 1, примеч. 289; Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869, вып. 2, с. 231—236; Платонов В. Древнерусские сказания. 2-е изд. СПб., 1913, с. 259—261; Ставрови́ч А. М. Сергей Кубасов и Строгановская летопись: (Новые мысли по поводу «Старых сомнений»). — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922, с. 285—293; Краткая литературная энциклопедия. М., 1966, т. 3, с. 864 (статья О. А. Державиной о К.); Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. Новосибирск, 1973, с. 31—32; Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975, с. 101—102, 106; Веселовский С. Б. 1) Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 270; 2) Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978, с. 139; Акты писцового дела (1644—1661 гг.) / Сост. акад. С. Б. Веселовский. М., 1977, с. 62—66; Зиборов В. К. 1) Летописная часть хронографа С. Кубасова. — В кн.: Проблемы истории СССР.

М., 1979, вып. 8, с. 58—73; 2) Об авторе так называемой Повести Катырева-Ростовского. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 244—250; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982, с. 27—31.

В. К. Зиборова

Курбский Андрей Михайлович (ок. 1528—V 1583) — князь, писатель, публицист, переводчик. К. происходил из рода князей Ярославских, по материнской линии приходился родственником царице Анастасии. В 1549 г., имея дворовый чин стольника, в звании есаула участвовал в Казанском походе. В августе 1550 г. был назначен царем *Иваном Грозным* на ответственный пост воеводой в Пронск, где в то время ожидалось нашествие Орды. Через год был зачислен в тысячники и получил во владение под Москвой 200 четвертин земли. В 1551—1552 гг. нес воинскую службу поочередно в Зарайске, Рязани, Кашире, занимал там высокие должности. Во время начавшейся Казанской кампании 1552 г. К. должен был выступить в поход, но был послан вместе с боярином князем Петром Щенятевым во главе полка правой руки против крымских татар, осадивших в это время Тулу. Татары были разгромлены, и К. во главе тридцатитысячного войска двинулся к Казани, участвовал в штурме города, прославившись как храбрый полководец. В 1553—1555 гг. К. — вначале во главе сторожевого полка, а затем командуя всем русским войском — принимал участие в подавлении восстания поволжских народов. В 1556—1557 гг. К. участвовал в проведении политики «избранной рады». Он проводил смотр служилых людей в Муроме, участвовал в определении размеров поместных окладов дворян. В 1556 г., в возрасте 28 лет, К. был пожалован боярским чином. В январе 1558 г., в начале Ливонской войны 1558—1583 гг., К. командовал сторожевым полком, а в июне того же года, будучи вместе с Д. Ф. Адашевым во главе передового полка, участвовал в успешно завершённом походе на Нейгауз и Дерпт. В марте 1559 г. К. был послан на южные рубежи Русского государства для защиты от набегов крымских татар. В 1560 г. некоторое время командовал всем русским войском в Ливонии, в марте 1562 г. был поставлен во главе пограничного с Литвой гарнизона в Великих Луках, откуда напал на Витебск и разорил его, а в сентябре того же года был назначен вторым воеводой сторожевого полка в армии, которая в январе 1563 г. под предводительством Ивана Грозного выступила из Великих Лук на Полоцк. После взятия Полоцка К. получил назначение воеводой в Дерпт сроком на один год, начиная с 3 апреля 1563 г. По истечении годового срока он еще около месяца находился в Дерпте в ожидании смены, а в ночь на 30 апреля 1564 г. бежал в Литву.

Вероятно, еще задолго до побега К. вступил в тайные сношения с властями Польско-Литовского государства. Дважды он получал послания от короля польского Сигизмунда II Августа, гетмана литовского Николая Радзивилла и подканцлера Великого княжества Литовского Евстафия Воловича с приглашением переехать в Литву и обещанием возместить все его имущественные потери в Русском государстве. Причиной побега послужило, возможно, изменение отношения к нему Ивана Грозного (назначение в Дерпт можно было рассматривать как проявление царской милости — ранее туда же был сослан опальный А. Ф. Адашев). В Великом княжестве Литовском и на Волыни, которая до 1569 г. входила в его состав, а затем перешла под власть Польши, К. получил от короля богатую Ковельскую волость и город Ковель с замком (ранее принадлежавшие королеве Боне) и староство Кревское, а позже Смединскую волость и имения в Упитской волости. Однако по литовским законам он не имел права полной собственности, а мог владеть ими лишь на ленном праве. Поэтому наравне с другими обывателями и шляхтой он должен был выполнять земскую военную повинность. Зимой 1565 г. он участвовал в походе на Великие Луки, предводительствуя пятнадцатитысячным отрядом, а позже, в 1575 г., принимал участие в отражении набегов татар

на Волынскую землю. В 1579 г. вместе со своим отрядом К. участвовал во взятии Полоцка Стефаном Баторием. В 1581 г. по приказу короля он снова должен был выступить ко Пскову, но по причине серьезной болезни вернулся в свое имение Миляновичи около Ковеля, где через два года и умер.

Вероятно, еще в молодости К. получил довольно широкое образование, был связан с московскими книжниками. Большое влияние на него оказал *Максим Грек*, с которым он встречался весной 1553 г. в Троице-Сергиевом монастыре, когда сопровождал царя с семьей на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь. К. многократно и с большим почтением упоминал Максима в своих сочинениях, называя его своим учителем. Возможно, К. является автором одного из *Сказаний о Максиме Греке*. Среди наиболее авторитетных для К. людей был и его духовный отец *Феодорит Кольский*. Произведения К. московского периода представлены несколькими посланиями. Три письма старцу Псково-Печерского монастыря Вассиану Муромцеву, по мнению Н. Андреева, были написаны К. в последний год его пребывания в России, в Дерпте. Эти послания, а также «Ответ о правой вере» Ивану многоученному» (вероятно, известному в Дерпте протестантскому проповеднику И. Веттерману) посвящены догматическим вопросам. По мнению А. И. Клибанова, К. является автором двух житий Августина Гиппонского, также написанных в московский период.

Антилатинская и антиеретическая направленность ранних сочинений К. получила еще большее развитие в произведениях литовского периода. В 80-е гг. он составил компилятивную «Историю о осьмом соборе», указав ее источник — подобное сочинение, написанное в «Вилне от неякого субдиякона». Этим источником является сочинение Клирика Острожского «История о листрийском, то есть разбойничьем, Феррарском или Флорентийском соборе» (напечатана в Остроге в 1598 г.); оно направлено против папства и поэтому привлекло внимание К., который был противником надвигавшейся церковной унии.

Находясь в Литве, К. вступил в свой знаменитый спор с Иваном Грозным, началом которому послужило его первое послание царю, написанное в 1564 г., сразу же после бегства в занятый литовцами Вольмар (Валмиера), и резко критикующее террор Ивана Грозного. Получив ответ царя, составленный летом того же года, К. отправил ему второе, написанное в традициях гуманистической эпистолографии, краткое послание. В этом послании он продолжал обвинять царя в гонениях на бояр и критиковал его за неумение вести споры и излагать свои мысли. Второе послание К. царю было отправлено им только вместе с третьим посланием, которое было ответом на второе послание царя. Царь написал его в 1577 г., после успешного похода русских войск в Ливонию, что и послужило для него причиной торжества в споре с оппонентом. Но в 1578 г. обстановка резко изменилась в пользу Речи Посполитой, и это дало повод К. написать царю третье послание. Военные успехи каждого из государств оппоненты рассматривали как доказательство правильности своих политических взглядов. Рукописная традиция посланий К. Ивану Грозному богата, но самые ранние списки датируются второй четвертью XVII в. Послания К. Ивану Грозному входят, как правило, в состав так называемых «печерских сборников» и «сборников Курбского» последней трети XVII в. Первое послание известно в трех редакциях, самая ранняя из которых, первая (известно 24 списка), возникла на основе «печерского сборника», сложившегося в Псково-Печерском монастыре в 20-х гг. XVII в. Вторая редакция первого послания, вторичная по отношению к первой, входит в многочисленные «сборники Курбского», где она соседствует со вторым и третьим посланиями, «Историей о великом князе Московском» и другими сочинениями К. «Сборники Курбского» делятся на два вида, первый из которых представляет, по-види-

тому, более близкий архетипу вариант. Третья редакция представлена одним списком и отражает более поздний этап в истории текста. Второе и третье послания дошли в единственной редакции в составе «сборников Курбского».

Наиболее значительным и интересным произведением К. является «История о великом князе Московском», которая была закончена, вероятно, в первой половине 70-х гг. XVI в. Существует мнение, что она написана в 1573 г., во время бескоролья в Речи Посполитой (1572—1573 гг.), с целью дискредитировать русского царя в Великом княжестве Литовском. В стилистическом отношении «История» неоднородна. В ее составе можно выделить единое сюжетное повествование об Иване Грозном и мучениках, погибших от рук Ивана. А внутри этих двух частей в свою очередь обнаруживаются еще более мелкие повести (например, о взятии Казани, о Феодорите Кольском), которые были написаны, вероятно, в разное время. О поэтапности создания «Истории» свидетельствует и трансформация образа Ивана, который в начале «Истории» предстает лишь как «неправедный» царь, а в конце ее становится «сыном сатаны» и апокалиптическим «зверем». Тем не менее «История» представляет собой единое произведение, объединенное общей целью — развенчать тирана и противопоставить его политическим принципам свои.

В «Истории» нигде не излагаются четко взгляды К. — он преимущественно критикует своего противника, но в этой критике проявляются некоторые особенности его политической концепции. Будучи сторонником государственного устройства времен «избранной рады», К. осуждает царя за отход от принципов управления государством 50-х гг., считая, что мудрый и справедливый государь должен всегда прислушиваться к голосу окружающих его советников. В отказе от помощи мудрых советников К. видел причину тех бед, которые обрушились на Россию во времена правления Ивана Грозного. Правда, причиной многих несчастий К. считал также подверженность царя влиянию злых советников — иосифлян, обличаемых им как пособников террора. Для аргументации своих положений автор апеллирует к Священной истории, цитирует Писание, но довольно часто обращается и к другим источникам — он ссылается на русские летописи, на космографии (без точного указания источников); был он знаком также с «Хроникой» Сигизмунда Герберштейна. В объяснении эволюции царя присутствуют рациональные моменты (дурная наследственность, отсутствие надлежащего воспитания, своеобразие), что делает «Историю» новаторским произведением, в котором отражен интерес автора к человеческой личности. Будучи ярким памятником русской публицистики, «История» является в то же время важным этапом в развитии русской историографии. Современные события нашли в ней своеобразное и нетрадиционное отображение. Она в значительной мере знаменует собой переход историографии от погодного разделения повествования к тематическому, что характерно и для других исторических сочинений того времени (например, «Летописец начала царства», «Казанская история»). К. пошел дальше, посвятив свое сочинение одной теме. Он не столько пишет историю царствования Ивана Грозного, сколько стремится объяснить превращение Ивана из «прежде доброго и нарочитого государя» в кровожадного тирана. В рукописной традиции известно более 70 списков «Истории», разделяющихся на четыре редакции: Полную, Сокращенную, Краткую и Компильтивную. Полная редакция представляет собой первоначальный авторский текст, Сокращенная — текст, систематически сокращенный и упрощенный, Краткая — значительно урезанный текст и Компильтивная — текст Полной редакции, значительно сокращенный и дополненный сведениями из «Выписи о втором браке Василия Ивановича», Степенной книги и других источников.

Попад в Литву, К. сблизился с представителями православного литовского дворянства, со многими из которых поддерживал переписку.

Среди его литовских корреспондентов — крупнейший волинский магнат князь Константин Константинович Острожский, бежавший из Москвы и живший при дворе князя Юрия Слуцкого старец *Артемий*, а также владелец виленской типографии Кузьма Мамонич. Переписка К. обычно входит в состав «сборников Курбского» и довольно широко представлена в рукописной традиции. Она включает в себя: три письма к воеводе киевскому князю Константину Острожскому; письмо к ученику Артемия Марку Сарыхозину; два письма к виленскому печатнику Кузьме Мамоничу; письмо к Кодиану Чапличу; два письма к пану Федору Бокею Печиховостовскому; письмо к княгине Ивановой-Черторижской; письмо к пану Остафию Троцкому; письмо к пану Древинскому и к мещанину львовскому Семену Седларю. Большинство этих посланий самим автором не датировано. Точно датированы только три письма: «Епистолия ко Кодиану Чапличу Андрея Ярославского» — 21 марта 1575 г.; «Цыдула Андрея Курбского до пана Древинского писана» — 1576 г.; «Посланейцо краткое к Семену Седларю, мещанину львовскому, мужу честному, о духовных вещах вопрошающему» — январь 1580 г.

Вся литовская переписка К. имеет ярко выраженный полемический характер. К. выступает в ней апологетом православия. Он глубоко враждебен к «латинству», но еще большую враждебность проявляет по отношению к реформационным движениям. Полемике с этими идеологическими противниками и укреплению позиций православия он и посвятил всю свою свободную от воинской службы жизнь в Западной Руси. В его имени Миляновичи существовал своего рода скрипторий, где переписывались рукописи и переводились различные сочинения, прежде всего восточнохристианских писателей. Есть основания полагать, что в кружке К. была составлена Толковая Псалтирь с антииудейской и антисоцинианской направленностью (ГИМ, собр. Новоспасского монастыря, № 1). Основная цель К. в его литературно-культурной деятельности — заменить дурные или неполные переводы сочинений авторитетных для православной церкви писателей более точными и полными, что он считал необходимым условием чистоты православия. Для организации переводческой работы К. посылал учиться в Краков и в Италию своего соратника князя *Михаила Андреевича Оболенского*; он сотрудничал также с «неким юношей именем Амброжий», от которого постигал «верх философии внишняя» (по мнению В. Андреева, это был литовский шляхтич Амброжий Бжежевский, переводчик *Хроники Маргина Бельского* на белорусский язык). Сам К. уже в преклонном возрасте начал изучать латынь, чтобы непосредственно самому заниматься переводами. Переводческая программа К., которую он четко формулирует в предисловии к «Новому Маргариту» и в письмах, оформилась под непосредственным влиянием Максима Грека. При выборе произведений для перевода он следовал указаниям Максима.

К. составил сборник под названием «Новый Маргарит», названный «новым» в отличие от традиционно бытовавших в древнерусской рукописной традиции сборников сочинений Иоанна Златоуста постоянного состава под названием «Маргарит», с которым творение К. ничего общего не имеет. «Новый Маргарит» почти полностью состоит из произведений Иоанна Златоуста, большей частью ранее неизвестных или, по мнению К., плохо переведенных. Он считал, что многие сочинения приписали Иоанну Златоусту еретики, пытавшиеся использовать его авторитет в своих целях. Чтобы отличить подлинные сочинения Златоуста от подложных, К. поместил в конце сборника полный перечень его произведений. Хотя «Новый Маргарит» сохранился только в двух списках (дефектный список ГБЛ, собр. Ундольского, № 187; список полный Библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле, Cod-Guelph. 64—43 Extrav.), он был широко известен, ибо некоторые отрывки из «Нового Маргарита» использовались для дополнения сборников сочинений Златоуста другого состава.

«Новый Маргарит» состоит из 72 статей, пять из которых не являются сочинениями Иоанна Златоуста. Это предисловие К. к «Новому Маргариту», небольшое сочинение (вероятно, самого К.) «О знаках книжных», посвященное вопросам пунктуации, два Жития Иоанна Златоуста, одно из которых взято из Хроники Никифора Каллиста, и «Сказ» К., в котором он объясняет, почему обратился к этой Хронике.

В предисловии к «Новому Маргариту» К. вкратце изложил историю своей жизни, а также в концентрированном виде сформулировал программу своей переводческой деятельности. Руководствуясь этой программой, К. обратился к философскому произведению Иоанна Дамаскина «Источник знания», бытовавшему в древнерусской рукописной традиции в неполном переводе X в. Иоанна экзарха Болгарского и известному под названием «Небеса». Свой перевод К. дополнил и другими произведениями этого автора и снабдил предисловием. Предисловие и многочисленные «сказы» и схилии на полях мало изучены. Не решен также вопрос об атрибуции переводов других сочинений Иоанна Дамаскина, сопровождающих обычно в рукописной традиции «Источник знания», например его «Фрагментов». Сомнительна атрибуция К. «Диалога» константинопольского патриарха Геннадия Схолария (или Скулариса) с турецким султаном, который тематически дополняет один из фрагментов — «Прение христианина с сарацином». Скорее всего перевод этого сочинения, существовавший раньше, привлек К. полемической направленностью и был включен им в свой сборник. Отсутствуют очевидные доказательства того, что К. перевел Повесть о Варлааме и Иоасафе, которая также обычно дополняет перевод сочинений Иоанна Дамаскина. Не ясен вопрос о причастности К. к переводу и составлению сборника сочинений Симеона Метафраста (сохранился в единственном списке — ГИМ, Синодальное собр., № 219; в его состав входят кроме метафрастовых житий некоторые статьи из «Нового Маргарита»). К. широко цитирует произведения Метафраста и часто упоминает его в своих оригинальных сочинениях. В этот сборник вошли четыре метафрастовых жития в переводе Максима Грека, под влиянием которого К., вероятно, и обратился к творчеству Симеона Метафраста.

В переписке К. существуют свидетельства того, что он занимался переводами из Василия Великого и Григория Богослова, но списки с этими переводами не сохранились или неизвестны. К. приписывается также перевод небольших отрывков из произведений Елифания Кипрского и Евсевия Кесарийского, которые входят обычно в состав сборников, содержащих переводы из других авторов или его оригинальные сочинения. Традиционно считалось, что К. принадлежал перевод повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками». Как убедительно доказал Б. М. Клосс, переводчиком этой повести на самом деле был Максим Грек. Традиционно приписываемый К. перевод небольшого отрывка из Дионисия Ареопагита, который он посылает в письме к К. Острожскому, выполнен ранее К., так как этот отрывок полностью совпадает с текстом перевода, помещенным в *Великих Миняех Четых*. Перевод К. сочинения малоизвестного немецкого автора, ученика Лютера, Иоганна Спангенберга «О силлогизме» обычно встречается в списках вместе с переводом произведений Иоанна Дамаскина и служит как бы дополнением к нему. Поскольку К. предлагал использовать произведения Иоанна Дамаскина в полемике против католиков и протестантов, он считал необходимым также дать читателю инструментальный для философских споров и с этой целью перевел трактат о силлогизме, заранее предупредив при этом читателя, что не все силлогизмы годятся для постижения истины, но многие из них используются своекорыстно искусными в спорах иезуитами.

Перевод К. сочинения И. Спангенберга свидетельствует о его интересе к светским знаниям — «внешней философии», о которой он не раз вспо-

минает в своих сочинениях как о необходимом для каждого христианина элементе образования. Поэтому К. обращается и к произведениям Цицерона, два отрывка из «Парадоксов» которого в собственном переводе он включил в свое третье послание к Ивану Грозному. Использование произведений античных авторов было характерно для гуманистической эстетики, с принципами которой К. познакомился, приобщившись к западной образованности в Великом княжестве Литовском. Влияние гуманистических идей и своеобразие таланта обусловили особое место К. в истории русской литературы.

Соч.: 1) Переписка с Иваном Грозным: Сказания князя Курбского / Изд. Н. Г. Устрялова. СПб., 1833, ч. 1—2; 2-е изд. СПб., 1842; 3-е изд. СПб., 1868; Сочинения князя Курбского. Т. 1. Сочинения оригинальные / Изд. Г. З. Кунцевича. — РИБ, СПб., 1914, т. 3; Stählin K. Der Briefwechsel Iwans des Schrecklichen mit dem Fürsten Kurbskij. Leipzig, 1921; The Correspondence between Prince A. M. Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia / Ed. by J. L. I. Fennell. Cambridge, 1955; Ivan le Terrible. Epîtres avec le Prince Kourbski / Traduction de D. Olivier. Paris, 1959; Ivan den Skraekkelige. Brevveksling med Fyrst Kurbskij 1564—1579 / Oversat af V. Norretranders. Munksgaard, 1959; Der Briefwechsel zwischen Andrej Kurbskij und Ivan dem Schrecklichen / Hrsg. von H. Neubauer, J. Schutz. Wiesbaden, 1961; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подгот. текста Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыкова. Л., 1979.

2) Переписка с разными лицами: Сказания князя Курбского / Изд. Н. Г. Устрялова; Сочинения князя Курбского, т. 1 / Изд. Г. З. Кунцевича.

3) «История о великом князе Московском»: Сказания князя Курбского / Изд. Н. Г. Устрялова; Сочинения князя Курбского, т. 1 / Изд. Г. З. Кунцевича; Prince Kurbsky's History of Ivan IV / Ed. by J. L. I. Fennell. Cambridge, 1965; Prince André Kurbski. Histoire du règne de Jean IV (Ivan le Terrible) / Traduction de M. Forstetter. Genève, 1965; Курбский А. М. История о великом князе Московском. (Отрывки) / Подгот. текста и примеч. Я. С. Лурье. — В кн.: Изборник. М., 1972.

4) «История о восьмом соборе»: Сказания князя Курбского / Изд. Н. Г. Устрялова; Сочинения князя Курбского, т. 1 / Изд. Г. З. Кунцевича.

5) Предисловие к «Новому Маргариту»: Сказания князя Курбского / Изд. Н. Г. Устрялова; Иванишев Н. Д. Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни. Киев, 1849, т. 1—2; Архангельский А. С. Борьба с католичеством и западнорусская литература конца XVI—первой половины XVII в. — ЧОИДР, 1888, кн. 1, отд. 1, Прил., с. 1—166 (здесь же опубликованы «сказы» Курбского и глоссы, а также несколько глав из «Нового Маргарита»); Liewehr F. Kurbskij's Novyj Margarit. (Veröffentlichungen der Slavistischen Arbeitsgemeinschaft an der Deutschen Universität Prag, 2. Reihe: Editionen, Heft 2). Prag, 1928; Kurbskij A. M. Novyj Margarit: Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift. Lieferungen 1—5 / Hsbg. von Inge Auerbach. Giessen, 1976—1977 (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven).

6) Предисловие к переводу сочинений Иоанна Дамаскина: Оболенский М. О переводе князя Курбского сочинений Иоанна Дамаскина. — Библиографические записки, 1858, т. 1, № 12, с. 355—366.

7) «Новый Маргарит»: Kurbskij A. M. Novyj Margarit / Hsbg. von Inge Auerbach (издание не завершено).

8) «О силлогизме вытолковано»: Eisman W.O. sillogisme vytolkovano: Eine Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij aus den Erotemata Trivii Johan Spangenberg's. Wiesbaden, 1972 (Monumenta Linguae Slavicae Dialectae Veteris. Fontes et Dissertationes, IX).

Лит.: Кавелин Л. Объяснение плана Казани, неизвестное Устрялову. — Маяк, 1843, т. 8, с. 49; Горский А. В. Жизнь и историческое значение князя А. М. Курбского. Казань, 1854; Попов Н. А. О биографическом и уголовном элементе в истории. — Атеней, 1858, № 46, с. 131—168; Опоков З. З. Князь Курбский. — Киевские унив. известия, 1872, август, № 8, с. 1—58; Андреев В. Очерк деятельности князя Курбского на защиту православия в Литве и на Волыни. М., 1873; Петровский М. Князь А. М. Курбский: Историко-библиографические заметки по поводу последнего издания его «Сказаний». — Учен. зап. Казанского ун-та, 1873, т. 40, июль—август, с. 711—760; Бартошевич Ю. Князь Курбский на Волыни / Перев. с польск. — ИВ, 1881, сентябрь, с. 65—85; Архангельский А. С. Борьба с католичеством и умственное пробуждение Южной Руси к концу XVI в. — Киевская старина, 1886, т. 15, май, с. 44—78; июнь, с. 237—266; Четыркин О. Два русских деятеля в Польше. — Колосъ, 1886, ноябрь, с. 85—96; Ясинский А. Сочинения князя Курбского как исторический материал. — Киевские унив. известия, 1889, октябрь, с. 45—120; Владимиров П. В. Новые данные для изучения литературной деятельности князя Андрея Курбского. — Труды IX археологического съезда в Вильне. М., 1897, т. 2, с. 308—316; Шумаков С. Акты литовской метрики о князе Курбском и его потомках. — Книговедение, 1894, № 7 и 8, с. 17—20; Харлампович К. 1) Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века. Казань,

- 1896, с. 237—276; 2) Новая библиографическая находка. — Киевская старина, 1900, июль—август, с. 241—224; Соболевский А. И. 1) Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.: Библиографические материалы. СПб., 1903, с. 279—282; 2) Эней Сильвий и Курбский. — В кн.: Сборник в честь Ю. А. Кулаковского. Киев, 1911, с. 11—17; Попов Н. Рукописи Московской синодальной библиотеки. М., 1905, вып. 1 (Новоспаское собрание), с. 117—157; Иконников. Опыт историографии. Киев, 1908, т. 2, кн. 2, с. 1816—1830; Московская политическая литература XVI в. СПб., 1914, с. 85—132; Балухатый С. Переводы князя Курбского и Цицерон. — Гермес, 1916, январь—май, с. 109—122; Грушевский А. С. Из полемической литературы конца XVI века. — ИОРЯС, 1917, т. 22, кн. 2; Лурье Я. С. 1) Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV. — В кн.: Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951, с. 468—519; 2) Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским в 1569 г. — АЕ за 1957 г. М., 1958, с. 457—466; 3) Первое послание Грозного Курбскому: (Вопросы истории текста). — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 31, с. 202—235; 4) Вторая пространная редакция Первого послания Грозного Курбскому. — ТОДРЛ, Л., 1977, т. 32, с. 56—69; 5) О возникновении и складывании в сборники переписки Ивана Грозного с Курбским. — ТОДРЛ, Л., 1979, т. 33, с. 204—213; Курилова Л. А. Из наблюдений над языком и стилем трех писем кн. А. Курбского к разным особам в Польше. — Доповіді та повідомлення Львівського університету, 1952, вып. 1, с. 27—34; Dé n i s s o f f É l i e. Une biographie de Maxime le Grec par Kurbski. — Orientalia Christiana Periodika, 1954, vol. 20, p. 44—84; Andreyev N. 1) Kurbsky's Letters to Vas'yan Muromtsev. — Slavonic and East European Review, 1955, vol. 33, p. 414—436; 2) Was the Pskov-Pechery Monastery a Citadel of the Non-Possessors? — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1969, N. F., Bd 17, H. 4, S. 481—493; Зимин А. А. 1) И. С. Пересветов и его современники. М., 1958; 2) Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? — ТОДРЛ, М.; Л., 1962, т. 18, с. 305—312; 3) Первое послание Курбского Ивану Грозному: (Текстологические проблемы). — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 31, с. 176—201; Скрынников Р. Г. 1) Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь. — ТОДРЛ, М.; Л., 1962, т. 18, с. 99—116; 2) Переписка Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973; 3) О заголовке Первого послания Ивана IV Курбскому и характер их переписки. — ТОДРЛ, Л., 1979, т. 33, с. 219—227; Rozemond K. Kurbsky's Translation of the Works of Saint John of Damaskus. — Texte und Untersuchungen, 1966, Bd 94, S. 588—593; Шмидт С. О. 1) К изучению «Истории князя Курбского» (о поучении попа Сильвестра). — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 366—374; 2) Новое о Тучковых: (Тучков, Максим Грек, Курбский). — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 129—141; 3) Об адресатах Первого послания Ивана Грозного князю Курбскому. — В кн.: Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976, с. 304—328; 4) К истории переписки Курбского и Ивана Грозного. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 147—151; Freydank D. 1) Zu Wesen und Bergiffbestimmung des Russischen Humanismus. — Zeitschrift für Slavistik, 1968, Bd 13, S. 57—62; 2) A. M. Kurbskij und die Theorie der antiken Historiographie. — In: Orbis mediaevalis / Festgabe für Anton Blashka. Weimar, 1970, S. 57—77; 3) A. M. Kurbskij und die Epistolographie seiner Zeit. — Zeitschrift für Slavistik, 1976, Bd 21, S. 261—278; Auerbach I. 1) Die politische Forstellungen des Fürsten Andrej Kurbskij. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, N. F., 1969, Bd 17, H. 2, S. 170—186; 2) Nomina abstracta im Russischen des 16. Jahrhunderts. — Slavistische Beiträge, 1973, Bd 68, S. 36—73; 3) Kurbskij-Studien: Bemerkungen zu einem Buch von Edward Keenan. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, N. F., 1974, Bd 22, S. 199—213; 4) Further Findings on Kurbskij's Life and Work. — Russian and Slavic History / Ed. by D. K. Rowney and G. E. Orchard. 1977, p. 238—250; В а с к у с О. Р. А. М. Курбский в Polish-Lithuanian State (1564—1583). — Acta Balto-Slavica, 1969—1970, VI, p. 78—92; К е е n a n E. L. The Kurbskij—Groznyj Apocripha: The Seventeenth Century Genesis of the 'Correspondence', Attributed to Prince A. M. Kurbskij and Tsar Ivan IV. Cambridge, Mass., 1974; 2) Putting Kurbskij in his Place; or: Observations and Suggestions Concerning the Place of the History of the Muscovy in the History of Muscovite Literary Culture. — Forschungen zur Osteuropäische Geschichte, 1978, Bd 24, S. 131—162; Рыков Ю. Д. 1) Владельцы и читатели «Истории» князя А. М. Курбского. — В кн.: Материалы научной конференции МГИАИ. М., 1970, вып. 2, с. 1—6; 2) Редакция «Истории» князя Курбского. — АЕ за 1970 г., М., 1971, с. 129—137; 3) Списки «Истории о великом князе Московском» кн. А. М. Курбского в фондах Отдела рукописей. — Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1974, т. 34, с. 101—120; 4) К вопросу об источниках первого послания Курбского Ивану Грозному. — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 31, с. 235—246; 5) Князь А. М. Курбский и его концепция государственной власти. — В кн.: Россия на путях централизации. М., 1982, с. 193—198; Уваров К. И. 1) «История о великом князе Московском» А. М. Курбского в русской рукописной традиции XVII—XIX вв. — В кн.: Вопросы русской литературы. М., 1971, с. 61—79; 2) Незданный труд Г. З. Кунцевича (обзор гранок второго тома «Сочинения князя Курбского»). — АЕ за 1971 г., М., 1972, с. 315—317; Лихачев Д. С. 1) Курбский и Грозный — были ли они писателями? — РЛ, 1972, № 4.

с. 202—209; 2) Существовали ли произведения Курбского и Грозного? — В кн.: Лихачев Д. С. Великое наследие. 2-е изд. М., 1979, с. 376—393; 3) Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского. — В кн.: Перелиска Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979, с. 183—214; Клосс Б. М. Максим Грек — переводчик повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками». — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1974. М., 1975, с. 55—61; Юзефович Л. А. Стефан Баторий о переписке Ивана Грозного и Курбского. — АЕ за 1974 г., М., 1975, с. 143—144; Осипова К. С. 1) О стиле и человеке в историческом повествовании второй половины XVI в. — Учен. зап. Харьковского гос. ун-та, Харьков, 1962, т. 116, с. 25—28; 2) «История о великом князе Московском» А. Курбского в Голицынской сборнике. — ТОДРЛ, Л., 1979, т. 33, с. 296—308; Goltz H. Ivan der Schreckliche zitiert Dionysios Areopagites. — Kerygma und Logos. Göttingen, 1979, S. 214—225; Васильев А. Д. Об особенностях употребления военной лексики в посланиях А. М. Курбского к Ивану Грозному. — В кн.: Исследования словарного состава русского языка XVI—XVII вв. Красноярск, 1980, с. 56—64; Rossig N., Rønne В. Apocriphal — not Apocriphal? A Critical Analysis of the Discussion concerning the Correspondence Between Tsar Ivan IV Groznyj and Prince Andrej Kurbskij. Copenhagen, 1980; Беляева Н. П. 1) Ученые и литературные труды князя А. М. Курбского. — В кн.: Материалы XIX Всесоюзной студенческой конференции. Филология. Новосибирск, 1981, с. 53—63; 2) Материалы к указателю переводных трудов А. М. Курбского. — В кн.: Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984, с. 115—136; Гладкий А. И. 1) К вопросу о подлинности «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского (житие Феодорита). — ТОДРЛ, Л., 1981, т. 36, с. 239—242; 2) «История о великом князе Московском» А. М. Курбского как источник «Скифской истории» А. И. Лызлова. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982, т. 13, с. 43—50; Морозов С. А. О структуре «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского. — В кн.: Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982, с. 34—43.

А. И. Гладкий, А. А. Цеханович

Лызлов Андрей Иванович (ум. не ранее 1697) — стольник, историк и переводчик. Родился в семье московских дворян в 1650—1660-х гг. Отец его, Иван Федорович Лызлов, занимал видные военные и гражданские должности, с 1673 г. был патриаршим боярином, а в 1683 г. пожалован в думные дворяне; он имел дома в Путивле и в Москве, обширные земельные владения. Своему сыну Иван Федорович сумел дать хорошее образование: тот владел польским и латынью, знал, по-видимому, греческий язык, был специалистом в бухгалтерском учете и инженерном искусстве. Судя по боярским книгам, Л. 25 декабря 1676 г. был переведен из стряпчих в стольники, но правительство не перегружало ученого дворянина трудоемкими поручениями. Л. участвовал в I Крымском походе (1687 г.), очевидно в свите В. В. Голицына, и после возвращения последнего в Москву был послан (22 октября 1687 г.) в Киев с наградами для воевод, отличившихся в кампании. Впоследствии Л. принимал активное участие в подготовке и материальном обеспечении Азовских походов. В 1695 г. он возглавил интендантскую базу в Коротояке, где собирались для азовской армии хлебные запасы. После I Азовского похода Л. занял еще более ответственный пост интенданта в Воронеже. За время своей службы по снабжению войск Л. нажил множество врагов, борясь с нерадивыми воеводами, задерживавшими поставки, но благодаря своим заслугам сумел избежать готовившейся ему «почетной ссылки» на строительство церкви в Звенигороде и успешно закончил свою работу к 4 мая 1696 г. В 1697 г. Л. продал свой дом в Москве (Богоявленский С. К. Научное наследие. М., 1980, с. 209), дальнейшая его судьба неизвестна.

На формирование исторических взглядов и направление литературной деятельности Л. большое влияние оказал огромный интерес русского общества к проблемам борьбы славянских стран, и прежде всего России и Польши, с крымско-османской агрессией. Внимание к истории борьбы с Османской Портой и Крымским ханством было одной из отличительных особенностей польской *Хроники Мацея Стрыйковского*, перевод отрывков которой Л. закончил уже в марте 1682 г. (дата указывается в за-

глави). Л. перевел 1—3-ю главы 4-й книги Хроники, присоединив к ним перевод 2-й главы 1-й книги. Работа Л. не зависела от предшествующих переводов сочинения Стрыйковского. Переводчик перерабатывает текст, снабжает его комментариями и дополнениями, увеличивает количество подзаголовков на полях и дает компиляции самостоятельное заглавие: «История о начале нашествия народу, обитающему на земли». Все это придавало переводу Л., подобно переводу 1668—1670 гг., характер оригинального публицистического произведения. Эта работа Л. сохранилась в так называемых «сборниках Курбского» (описания см.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979, с. 250—315), в которых она появляется вместе с двумя отрывками из *Хроники Александра Гваньини* — «О обычаях царя и великого князя Иоанна Васильевича» (кн. 7, ч. 3) и «Описание царства Московского» (кн. 7, ч. 1), переведенных, вероятно, тем же автором.

В обстановке подготовки России к вступлению в антиосманскую Священную лигу и к Крымскому походу 1687 г. Л. приступил к переводу с польского книги Симона Старовольского «Двор цесаря турецкого» (Краков, 1649) и завершил эту работу, как свидетельствует его собственноручная запись, в ноябре 1686 г. (ГИМ, Синодальное собр., № 460, л. 376 об.). Сочинение это, содержащее сведения о политическом и военном устройстве Порты, было настолько популярно, что лишь за вторую половину XVII в. появилось 6 русских переводов памятника. Однако Л. не следовал сделанным до него переводам, а дал новый текст, субъективно трактуя его некоторые места, опуская и вставляя значительные отрывки, давая собственные комментарии, меняя заголовки и толкуя термины. Здесь уже достаточно ярко отразились его приемы перевода источников, широко примененные Л. в его главном труде — «Скифской истории», работа над которой была закончена в 1692 г.

Это оригинальное историко-публицистическое произведение представляет собой первую (и долгое время единственную) в русской историографии попытку монографического исследования истории борьбы русского и других восточноевропейских народов против татарской и турецкой агрессии. Считая татар и турок потомками древних скифов (отсюда заглавие книги), Л. начинает с известий античных авторов о северном Причерноморье и доводит свое изложение до XVII в. Установить полный состав источников и приемы их использования в «Скифской истории» весьма сложно. Как правило, Л. привлекает источники литературно-исторического характера, в меньшей степени — тексты договоров и записи Дворцовых разрядов. Из отечественных сочинений он более всего использовал хронографы, летописи (в том числе не дошедший до нас «Засекин летописец»), «Степенную книгу» (см.: *Афанасий*, митрополит), «Казанский летописец» Иоанна Глазатого, «Повесть о бою воевод московских с неверным ханом» 1471 г., «Повесть об убиении Батыея», «Историю о великом князе Московском» А. М. Курбского, «Повесть о взятии Царьграда» *Нестора-Искандера* (хронографический вариант повести именно в трактовке Л. попал в болгарское издание 1713 г., см.: Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, с. 211—213), *Повесть о Темир-Аксаке* и др. Помимо собственно русских источников Л. изучал украинские исторические труды, получившие общероссийское значение. Он неоднократно цитирует и дает отсылки на «Синописис» *Иннокентия Гизеля* (издание 1674 г.); система изложения и приемы расстановки ссылок в «Истории» такие же, как в летописи Густынской, список с которой был сделан в 1670 г. (ПСРЛ, СПб., 1843, т. 2); в главах, касающихся Турции, текст Л. близок к хронике *Феодосия Сафоновича*, а критический разбор автором «махометанского учения» (гл. 4) по своим идеям близок к «Алкорану Махометову» Иоанникия Галатовского (Чернигов, 1683). «Скифскую историю» объединяет с сочинениями украинских авторов также общий интерес к трудам польских и антич-

ных историков. Л. использовал сочинения Геродота, Квинта Курция, Вергилия и Овидия, привлек «Театрум света всего» Иоанна Ботера (в польском переводе 1659 г.), «Годовые дела церковные» Цезаря Барония и др. Большим вниманием Л. пользовались польские хроники XV—XVI вв., и прежде всего Хроника Стрыйковского, откуда заимствованы были целые страницы, иногда со ссылками на другие труды и пояснениями географических названий на полях. Возможно, именно из работы Стрыйковского Л. заимствовал использованные в ней материалы *Хроники Яна Длугоша*, «Трактата» и «Хроники» Матвея Меховского, сочинения Мартина Кромера «О начале поляков» и др. В ряде случаев Л. сопоставляет Хронику Стрыйковского с «Описанием Сарматии Европейской» Александра Гваньини и привлекает *Хронику Мартина Белского*. Почти полностью на польских материалах основан рассказ о борьбе западных и южных славян с турецкими захватчиками. В этой части «Скифская история» по построению и общей направленности перекликается с работой сербского историка «Турская история, или Хроника, верно и истинито списана од некого србина или бошнака, званог Михайло Константинов из Островице» (Гласник србског ученог друштва, Београд, 1865, кн. 18, с. 45 и сл.). В разделе о турках Л. привлекает также повесть «Туркия, или Тракия, или Сарацинея», причем передает более полный текст, нежели в хронографическом варианте сочинения (Соболевский А. И. Переводная литература, с. 88; Хронограф ГБЛ, собр. Румянцева, № 457, л. 496—505 об.). Л. не просто переписывал источники, но пытался их сопоставлять, оказывая при этом явное предпочтение русским летописям. Он отступает от провиденциализма и пытается реалистически мотивировать события.

«Скифская история» была одним из самых распространенных в России на рубеже XVII—XVIII вв. трудов по всеобщей истории. Экземпляры книги были в библиотеках Петра I и А. П. Волынского, В. Н. Татищева, П. Рычкова и Г. Ф. Миллера, у духовных лиц (*Игнатий Римский-Корсаков*, К. Соколовский), дворян (М. и Н. Муравьевы), горожан и т. п. В настоящее время известно 32 списка «Истории» XVII—XVIII вв., которыми рукописная традиция сочинения далеко не исчерпывалась. Секрет популярности произведения Л. состоял не только в актуальности рассматриваемых в нем проблем, но и в самом характере изложения, которое носит в основном светский характер. Уже в 1760-е гг. «Скифская история» была подготовлена к печати И. С. Барковым.

Соч.: Скифийская история, содержащая в себе: о названии Скифии и границах ея, о народах скифских, о начале и умножении Золотого Орды и о царех, бывших тамо... от Андрея Лызлова прилежными труды сложена и написана лета 1692. СПб., 1776, ч. 1; 2-е изд. СПб., 1787, ч. 1—3.

Лит.: Чистякова Е. В. 1) А. И. Лызлов и его «Скифская история». — В кн.: Проблемы историографии: (Тезисы и авторефераты докладов и сообщений на межвузовской конференции). Воронеж, 1960, с. 52—55; 2) Об авторе «Скифской истории» А. И. Лызлове. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и историкогеографического периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, с. 284—289; 3) Русский историк А. И. Лызлов и его книга «Скифская история». — Вестник истории мировой культуры, 1961, № 1, с. 117—127; 4) «Скифская история» А. И. Лызлова и вопросы востоковедения. — В кн.: Очерки по истории русского востоковедения. М., 1963, сб. 6, с. 3—88; 5) «Скифская история» А. И. Лызлова и труды польских историков XVI—XVII вв. — ТОДРЛ, М.; Л., 1963, т. 19, с. 348—357; 6) Историография в XVII веке. — В кн.: Историография истории СССР от древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 2-е изд. М., 1971, гл. 3; 7) Формирование новых принципов исторического повествования: (Этюды по русской историографии конца XVII в.). — В кн.: Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). М., 1971, с. 171—184; 8) Идея совместной обороны южных границ России и Польши в русской публицистике второй половины XVII в. — В кн.: Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979, с. 294—297; Рогов А. И. 1) Древнерусские переводы «Хроники» Стрыйковского. — АЕ за 1962 г., М., 1963, с. 208—209; 2) Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966, с. 7, 271—273, 292; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа:

XVII—первая четверть XVIII века. М., 1976, с. 302—312; Гладкий А. И. «История о великом князе Московском» А. М. Курбского как источник «Скифской истории» А. И. Лызлова. — ВИД, Л., 1982, т. 13, с. 43—50.

А. П. Богданов, А. И. Гладкий

Марк Левкеинский (XVI в.) — монах Иосифо-Волоколамского монастыря, автор краткого летописца. Сохранились два сборника (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 515 и 359), на которых имеются пометы о владельце — «Сборник Марка Левкеинского». В дополнениях к описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. под датой 28 апреля 1565 г. отмечено, что «после Марка Левкеинского» осталось пять рукописей (Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, Прил., с. 21). В их число включены названные выше две рукописи. Краткий летописец, составленный М., находится в рукописи собр. Волоколамское, № 515. В этот летописец, охватывающий события с 1409 по 1552 г., наряду с общерусскими известиями включены сведения местного характера: о Пафнутии Боровском, об Иосифове монастыре и лицах, связанных с ним, о волоколамских князьях (Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 223).

Соч.: Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. — ИА, М.; Л., 1950, т. 5, с. 9—14.

Р. П. Дмитриева

Нестор (1050-е гг. (?)—начало XII в.) — агиограф и летописец. Из написанного Н. Жития Феодосия Печерского мы узнаем, что он был пострижен в Киево-Печерском монастыре при игумене Стефане (1074—1078 гг.) и возведен им в «диако́нский сан», что еще до Жития Феодосия им было написано Житие Бориса и Глеба (см.: Успенский сборник XII—XIII вв., с. 71, 135). Канонизирован Н., видимо, не был. Его Житие появляется лишь в старопечатном *Патерике Печерском*, изданном в 1661 г., откуда его заимствовал и включил в свои четьи-минеи *Дмитрий Ростовский*. Служба Н. составлена не ранее 1763 г. (см.: Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике..., с. II—III).

Житие Бориса и Глеба («Чтение о житии и о погублении блаженную стратотерпцю Бориса и Глеба») написано Н. по канону жития-мученика. Истории гибели сыновей князя Владимира в 1015 г. от руки их сводного брата Святополка Н. предпосылает пространное историческое введение, повествующее о грехопадении Адама и Евы, о борьбе пророков со злом идолопоклонничества, о воплощении и распятии Христа. Борис и Глеб выступают в «Чтении» как активные поборники христианских идеалов — братолюбия и смирения, а Святополк предстает как орудие дьявольских козней. Традиционный сюжет жития-мученика, в котором обычно мученик страдает от руки язычников или иноверцев, приобретает у Н. совершенно иное, публицистическое звучание: «Чтение» осуждает междоусобную борьбу среди братьев — потомков Владимира. Жизнеописания князей-мучеников строятся по традиционной схеме: братья с детства благочестивы, Борис, как подобает христианскому подвижнику, стремится избежать брака и женится лишь «закона ради цесарьского и послушания отца», сцены гибели Бориса и Глеба нарочито условны, князья не оказывают сопротивления убийцам, а лишь со слезами молятся, они торопятся умереть и принять мученические венцы. «Чтение» широко распространилось в древнерусской письменности, уступая, однако, в известности Сказанию о Борисе и Глебе. Старший из известных нам списков «Чтения» находится в составе Сильвестровского сборника (ЦГАДА, ф. 381, № 53) середины XIV в.

После «Чтения» Н. пишет «Житие преподобнаго отца нашего Феодосия, игумена Печерьского», в котором повествуется о жизни и деяниях одного из основателей Киево-Печерского монастыря. Как это типично для житий праведников, подвигающихся в монастыре, Житие Феодосия отли-

чается живостью изображения монастырского быта, яркими характеристиками монахов и мирян. Н. достигает иллюзии правдоподобия в рассказах о чудесах, творимых Феодосием. Очень нетрадиционен образ матери святого: женщины, по оценке Жития, благочестивой, но в то же время властной, суровой и решительно противящейся желанию Феодосия посвятить себя богу. Сложен и характер самого Феодосия: отличающийся необычайным смирением, он в то же время решительно выступает против князя Святополка, изгнавшего с великокняжеского стола своего брата Изяслава. Исследователи обнаружили в Житии немало сюжетных мотивов, заимствованных из памятников переводной агиографии (патериков, житий Евфимия Великого и Саввы Освященного). Однако можно говорить лишь о сходстве ситуаций: повествование у Н. отнюдь не является набором традиционных агиографических шаблонов — умело строя диалог, широко используя бытовые подробности и детали, он достигает сюжетной занимательности; Житию присуща та «прелесть простоты и вымысла», которую А. С. Пушкин отмечал в Киево-Печерском патерике, куда Житие вошло в качестве его составного компонента.

В составе патерика Житие Феодосия широко распространилось в древнерусской книжности начиная с XV в. Отдельных списков Жития известно сравнительно немного; старший из них в составе Успенского сборника XII—XIII вв. (ГИМ, Синодальное собр., № 1063 (4)). С. А. Бугославский отмечал, что мотивы и образы Жития оказали существенное влияние на агиографию Владимиро-Суздальской и Московской Руси.

Житие Феодосия было использовано Б. А. Романовым в его книге «Люди и нравы Древней Руси» (Л., 1947; 2-е изд. М.; Л., 1966) и легло в основу исторической повести В. Ф. Пановой «Сказание о Феодосии», вошедшей в книгу «Лики на заре» (М.; Л., 1966; Л., 1969).

Спорным остается вопрос о времени написания обоих житий. А. А. Шахматов полагал, что Житие Бориса и Глеба и Житие Феодосия были написаны в 80-х гг. XI в. С. А. Бугославский, Л. А. Черепнин, а в настоящее время А. Г. Кузьмин датируют эти памятники началом XII в. С доводами С. А. Бугославского о написании Жития Бориса и Глеба около 1109 г. согласился в последних своих работах и А. А. Шахматов. Недавно А. Поппе вновь попытался обосновать датировку обоих житий 80-ми гг. XI в.

Сложнее обстоит вопрос с атрибуцией Н. Повести временных лет. Основанием для атрибуции является свидетельство Киево-Печерского патерика, в котором среди монахов, подвизавшихся в монастыре в XI в., упоминается «Нестор, иже написа летописец», а также наличие имени Нестор в заглавии «Повести временных лет» по Хлебниковскому списку (XVI в.) Ипатьевской летописи: «Повесть временных лет черноризца Нестера Феодосьева монастыря Печерьскаго, откуда есть пошла Русская земля...». В старшем списке (Ипатьевском, начала XV в.) имя Нестор опущено. Сомнения в принадлежности Н.-агиографу ПВЛ были высказаны уже в начале XIX в., так как аргументация в пользу этой атрибуции была далеко не безупречной; в частности, Н. приписывались высказывания от первого лица в статьях 1051 и 1091 гг. ПВЛ; считалось, что весь текст летописи за вторую половину XI—начало XII в. единолично написан им, и т. д. Р. Ф. Тимковский, А. Кубарев, П. Казанский и другие справедливо указывали, что в этом случае обнаруживаются существенные противоречия между ПВЛ и Житием Феодосия Печерского, безусловно написанным Н. Эти сомнения усугублялись убежденностью представителей «скептической школы» (М. Т. Каченовский, С. М. Строев и др.) в том, что известные нам списки летописей — это поздние (XIII в.) «сборники», а монах XI в. не смог бы «написать что-нибудь хотя несколько похожее на эти сборники»; таким образом, сомнения в авторстве Н. связывались со скептическим взглядом на начало русского летописания в XI в. А. А. Шахматов объяснял разногласия между летописью и Жи-

тием Феодосия прежде всего тем, что последнее составлено Н. в 80-е гг. XI в., а летопись — 25 лет спустя. Кроме того, по Шахматову, «Нестор, составляя Повесть врем. лет, включил в нее старший Киевский свод... в этом-то своде и находились статьи, противоречащие Житию Феодосия» (Повесть временных лет: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916, с. XIX). Из нескольких фрагментов ПВЛ, где летописец говорит о себе в первом лице (в статьях 1051, 1091 и 1106 гг.), Шахматов склонен отнести к Н. лишь слова «егоже повелению быхъ аз, грешный, пръвое само-видец» в рассказе о перенесении мощей Феодосия, но содержащуюся там же реплику: «аз же грешный твой раб и ученик...» — исследователь приписывает составителю Начального свода.

В поздней, Кассиановской редакции патерика Киево-Печерского именем Н. надписано «Сказание, что ради прозвася Печерьский монастырь», частично совпадающее с летописной статьей 1051 г. в составе ПВЛ, и «Слово... о пренесении мощей Феодосия». Однако эти статьи отсутствуют в древнейшей (Арсениевской) редакции патерика. Надписание их именем Н. и вставка его имени во фразу «придох же и аз к нему (Феодосию, — *О. Т.*) худый и недостойный аз раб Нестор, и прият мя, тогда лет сущу 17 от рожения моего», по мнению А. А. Шахматова, результат того, что Кассиан принимал Н. за единоличного создателя ПВЛ (см.: Шахматов А. А. Нестор-летописец, с. 44—46). Атрибуция ПВЛ Н. не имеет все же неопровержимых доказательств, и сомнения в правомерности отождествления Н.-агиографа с Н.-летописцем продолжают возникать и в наше время.

Соч.: Бодянский О. М. Житие Феодосия, игумена Печерьского, съписание Нестора. По харатейному списку XII-го века Московского Успенского собора, с разнословами по многим другим. — ЧОИДР, 1858, кн. 3, отд. 3, с. I—VI, 1—31; Чтение о житии и о погублении блаженнуою страсотерщю Бориса и Глеба. — В кн.: Срезневский И. И. Сказания о святых Борисе и Глебе: Сильвестровский список XIV века. СПб., 1860, стб. 1—40; Житие... Феодосия, игумена Печерьского. Съписание Нестора. По харатейному списку Московского Успенского собора буква в букву и слово в слово (с предисл. А. Попова). — ЧОИДР, 1879, кн. 1, с. 1—10, л. 1—42 об.; Сборник XII века Московского Успенского собора, вып. 1 (издан под наблюдением А. А. Шахматова и П. А. Лаврова). — ЧОИДР, 1899, кн. 2, отд. 2, с. I—IV, 40—96; Абрамович Д. И. Сказание о Борисе и Глебе. — В кн.: Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1915, с. I—VII, 1—26; Сказания о Борисе и Глебе. — В кн.: Бугославский С. Україноруські пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. Київ, 1928; Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971 (текст Жития Феодосия Печерского — с. 71—135); Житие Феодосия Печерского. — В кн.: ПЛДР: XI—начало XII века. М., 1978, с. 304—391, 456—459. См. также издания в статье «Повесть временных лет».

Лит.: Миллер Г. Ф. О первом летописателе российском, преподобном Несторе, о его летописи, и о продолжателях оных. — Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие, 1755, апрель, с. 275—298; Тимковский Р. Ф. Краткое исследование о патерике преподобного Нестора, летописца российского. — Записки и труды ОИДР, М., 1815, ч. 1, с. 53—74; Каченовский, проф. О баснословном времени в российской истории. — Учен. зап. пмп. Московского ун-та, 1833, ч. 1, № 2, отд. 3, с. 278—298; Погодин М. 1) Кто писал Несторову летопись. — Библиотека для чтения, 1835, № 1, отд. 3, с. 1—10; 2) Нестор: Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. М., 1839, с. 61—74; Скромненко С. [Строов С. М.]. Кто писал ныне нам известные летописи? — Сын отечества и Северный архив, 1835, ч. 47, № 3, с. 161—176; Кубарев А. С. Нестор, первый писатель российской истории, церковной и гражданской. — РИС, М., 1842, т. 4, кн. 4; Казанский П. 1) Еще вопрос о Несторе. Можно ли думать, что писатель Жития преподобного Феодосия Печерского и летописи, известной под именем Несторовой, есть одно и то же лицо? — ВОИДР, 1949, кн. 1, отд. 1, с. 23—30; 2) Критический разбор свидетельств Патерика печерского о летописи Нестора. — Там же, 1850, кн. 7, отд. 1, с. 1—16; Срезневский И. И. Дополнение к записке Древние жизнеописания русских князей. — ИпоРЯС, СПб., 1853, т. 2, с. 209—221; Билярский И. П. Замечания о языке Сказания о Борисе и Глебе, приписываемого Нестору, сравнительно с языком летописи. — Записки Акад. наук, СПб., 1862, т. 2, кн. 1, с. 109—120; Шахматов А. А. 1) Несколько слов о Несторовом житии Феодосия. СПб., 1896 (СОЯС, т. 64, № 1); 2) Разыскания, с. 38—41, 55—70, 82—97; 3) Нестор-летописец. — ЗНТШ, Львів, 1914, т. 117—118, с. 31—53; 4) Повесть времен-

ных лет: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916, с. XI—XV, XVIII—XXI; Абрамович Д. И. 1) К вопросу об источниках Несторова жития Феодосия Печерского. — ИОРЯС, 1898, т. 3, кн. 1, с. 243—246; 2) Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902, с. I—XXIX, 142—175 (отд. отт. из ИОРЯС, 1901, т. 6, кн. 3 и 1902, т. 7, кн. 3); Лукьяненко А. М. О языке Несторова жития преподобного Феодосия Печерского по древнейшему из дошедших списков. — РФВ, 1907, т. 58, № 3, с. 1—79; Бугославский С. А. 1) К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. — ИОРЯС, 1914, т. 19, кн. 1, с. 131—186; 2) Литературная традиция в северо-восточной русской агнографии. — В кн.: Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 332—336; 3) Жития. — В кн.: ИРЛ I. М.; Л., 1941. Т. 1, ч. 1. Литература XI—начала XIII века, с. 326—332; Приселков М. Д. Нестор-летописец: Опыт историко-литературной характеристики. Пб., 1923; Лихачев В. Русские летописи, с. 147—169; Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакция и предшествующие ей летописные своды. — Изв., М., 1958, т. 25, с. 305—313; Müller L. Studien zur altrussischen Legende der heiligen Boris und Gleb. 1. Die wunderbare Gefangenbefreiung nach dem Bericht Skazanije und des Stenije. — Zeitschrift für slawische Philologie, 1954, Bd 23, H. 1, S. 60—77; Воронин Н. Н. «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор. — ТОДРЛ, М.; Л., 1957, т. 13, с. 11—56; Еремин И. П. 1) К характеристике Нестора как писателя. — ТОДРЛ, М.; Л., 1961, т. 17, с. 54—64 (перезд.: Еремин И. П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М.; Л., 1966, с. 28—41); 2) Лекции по древней русской литературе. Л., 1968, с. 21—31; Адрианова-Перетц В. П. Задачи изучения «агнографического стиля» Древней Руси. — ТОДРЛ, М.; Л., 1964, т. 20, с. 46—51, 63—66; Порре А. Chronologia utworów Nestora hagiografa. — Slavia orientalis, 1965, roč. 14, N 3, s. 287—305; Кузьмин А. Г. 1) О времени написания Нестором Жития Феодосия: (К вопросу об авторе Повести временных лет). — В кн.: Вопросы литературы и методики ее преподавания. Рязань, 1970, с. 255—263; 2) Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 133—155, 178—183; Алешковский М. Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971; Душечкина Е. В. Нестор в работе над Житием Феодосия: Опыт прочтения текста. — Учен. зап. Таргуского ун-та, 1971, вып. 266, с. 4—15 (Труды по русской и славянской филологии, т. 18. Литературоведение).

О. В. Творогов

Никон Великий (XI в.) — монах Киево-Печерского монастыря, летописец. Сведения о Н. содержатся в *Повести временных лет*, *Житии Феодосия Печерского* и в *патерике Киево-Печерском*. Не позднее 1058 г. Н. поселился вместе с отшельником Антонием в пещере на берегу Днепра; впоследствии на этом месте возник Киево-Печерский монастырь. Н. пользовался большим авторитетом (*Нестор* в своем *Житии Феодосия* называет его «Никоном Великим»). Это дало М. Д. Приселкову основание предположить, что под именем Н. принял схиму в 50-х гг. XI в. бывший митрополит Руси *Иларион*. В 1060 и 1061 гг. (по расчетам А. А. Шахматова) Н. постриг сына боярина Иоанна и одного из приближенных Изяслава (в монашестве они приняли имена Варлаама и Ефрема) и этим навлек на себя гнев князя. В 1061 г. Н. был вынужден покинуть Киев и уехать в Тмутаракань, где основал монастырь. В 1067 г. Н. приехал в Киев с поручением добиться поставления в Тмутаракань нового князя, вместо умершего Ростислава. В 1068 г. Н. возвращается в Киево-Печерский монастырь. Как сообщает Нестор, игумен Феодосий наставлял братию «духовными словесы», а великий Н. по его просьбе поучал «из книг почитающе». В период междоусобицы, когда Изяслав был изгнан из Киева Всеволодом и Святославом, Н., видимо оставшийся на стороне изгнанного Изяслава, был вынужден снова уехать в Тмутаракань, откуда вернулся, возможно, лишь в 1077 г. С 1078 г. и до смерти (в 1088 г.) Н. был игуменом Киево-Печерского монастыря.

О книгописной деятельности Н. свидетельствует также *Житие Феодосия*. По словам Нестора, «многожды» бывало, что Н. сидит и «делает книги», а Феодосий, сидя рядом, «прядет нити, еже на потребу таковому делу». Гипотеза о Н. как авторе летописного свода, составленного около 1073 г., принадлежит А. А. Шахматову. Ученый основывался на наблюдениях над характером летописных статей и соотносением их с данными биографии Н.: киевские события излагаются с позиций очевидца

в годы, когда Н. находился в Киеве, а события в Тмутаракани — в годы, когда он пребывал там. Как полагают, гипотетически восстанавливаемый свод Н. явился продолжением древнейшего свода 1037 г. (по гипотезе А. А. Шахматова) или «Сказания о распространении христианства на Руси» (так условно назвал предшествующее летописное повествование Д. С. Лихачев). Именно Н., по этой гипотезе, придал историческим записям форму погодных статей и, таким образом, явился создателем специфической именно для русской историографии погодной структуры летописи. По мнению Д. С. Лихачева, Н. впервые изложил новгородскую легенду о призвании варягов и высказал предположение, что киевский князь Игорь является сыном Рюрика, «призванного» новгородцами. Возможно, Н. ввел в летопись версию о крещении Владимира Святославича не в Киеве, а в Корсуни (Херсонесе), легенду о том, как Ольга перехитрила греческого императора, рассказ об основании Киево-Печерского монастыря. Полагают также, что некоторые подробности войны Руси с Византией в 1043 г., как и новгородские предания (о призвании варягов), Н. узнал из рассказа боярина *Вышаты*, бежавшего в 1064 г. в Тмутаракань, где в то время уже находился Н. Свод Н. был использован впоследствии составителем Начального свода в 1093—1095 гг.

Лит.: Шахматов. Разыскания, с. 423—460; Приселков М. Д. 1) Митрополит Иларион — в схиме Никон — борец за независимую русскую церковь: (Эпизод из начальной истории Киево-Печерского монастыря). — В кн.: Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911, с. 188—201; 2) Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913; 3) История летописания, с. 24—26, 31—33; Лихачев. Русские летописи, с. 82—93; Каргер М. К. К характеристике древнерусского летописца. — ТОДРЛ, М.; Л., 1955, т. 11, с. 59—71.

О. В. Творогов

Пахомий (ум. 31 V 1655) — архиепископ астраханский, составитель Хронографа, который назван его именем. Достоверные биографические данные о П. имеются только с 1638 г., когда он был поставлен архимандритом новгородского Хутынского Спасо-Варлаамиева монастыря. О более раннем времени жизни П. сохранилось не вполне достоверное известие о том, что до назначения в Новгород он жил в Вологде при местном архиепископе Варлааме. В 1640 г. П. был рукоположен в епископы, а в 1641 г. назначен астраханским архиепископом. П. принимал активное участие в жизни своей епархии: защищал ногайских татар от притеснений астраханского воеводы Телятевского, по приказу царя вместе со вторым воеводой Иваном Траханиотовым посадил Телятевского «за приставы» и управлял делами края, пока не прибыл в Астрахань новый воевода князь Решнин. Имя П. упоминается в связи с делом самозванца *Тимофея Акундинова*, который выдавал себя за сына царя Василия Шуйского, за что был четвертован в 1653 г. Сторонник самозванца Костка Конюховский под пыткой показал, что П. и его дворовые люди хотели помочь Акундинову, «потому что архиепископ ему давно знаком и дружен, с тех пор как были на Вологде вместе». На этот донос, вероятно, не обратили внимания, так как П. сохранил за собой кафедру. Умер П. во время морового поветрия, опустошившего край.

Хронограф, который составил П., был написан в 1650 г., дошел до нас в четырех списках. Интересен текст послания, предшествующий Хронографу, под заглавием «Сей ярем яко на своего послушника налагает и еже бы не отрещися тризны Мисаилу», откуда узнаем о подробностях составления Хронографа: П. задумал писать свой труд в 1649 г. и в течение года выписывал статьи «на столбцы» из книг божественных и летописцев, а через год поручил перомонаху Мисаилу внести эти выписки в книгу. Текст Хронографа состоит из двух частей: общая история и русские статьи. Первая часть, разделенная на семь отделов, начинается «Летописщиком вкратце от сотворения мира до потопа» и оканчивается по-

вестью о падении Константинополя в 1453 г. Источниками для нее послужили: *Хронограф Русский* 2-й редакции (по классификации А. Н. Попова), *Евангелие Никодима*, Константиново вено, «Сказание о падении Константинополя» *Ивана Пересветова* и другие произведения. Источниками второй части (заглавие: «Летописщик вкратце о Русской земли, от которого колена Российския и Словянския люди, почему именуется Россия и Словяне, и о создании Великого Новаграда, и откуда влечашеся род великих князей») являются: вторая и третья редакции Русского хронографа, «Степенная книга» (см. *Афанасий*, митрополит). Предполагается, что изложение событий 1619—1650 гг. принадлежит самому П. Интересны оценка П. деятельности патриархов *Филарета* и *Иоасафа I* и рассказ о смоленском походе Шеина. Исследователи Хронографа отмечали, что своего, оригинального, П. внес очень мало.

Соч.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Попов. М., 1869, с. 315—321 (текст известий 7127—7158 гг. по списку ГПБ, собр. Погодина, № 1450).

Лит.: Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869, вып. 2, с. 236—242; Филарет. Обзор, с. 330; Иконников. Опыт историографии, т. 2, кн. 2, с. 1380—1381; РБС, «Павел—Петр». СПб., 1902, с. 413—414; Соловьев. История России, кн. 5 (г. 9—10), с. 610.

В. К. Зиборова

Сильвестр (ум. 1123) — епископ Переяславля Южного, летописец. В 1116 г. был игуменом Михайловского Выдубицкого монастыря под Киевом, с 1118 г. становится епископом Переяславля (см.: Лаврентьевская летопись. М., 1962, стб. 291, 293 (ПСРЛ, т. 1)).

В приписке, читающейся в конце статьи 1110 г. *Повести временных лет* второй редакции (в летописях *Лаврентьевской* и *Радзивилловской*), говорится: «Игумен Силивестр святаго Михаила написах книги си летописец, надеяся от бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне игуменящю в то время у святаго Михаила, в 6624 (1116), индикта 9 лета. А иже чтеть книги сия, то буди ми в молитвах». Эта приписка получила различное истолкование. По гипотезе А. А. Шахматова, разделяемой большинством исследователей, С. был составителем второй редакции ПВЛ. Характер и объем его редакторской работы остается неясным, так как предшествующая, первая редакция ПВЛ, составленная *Нестором*, не сохранилась. М. Д. Приселков полагал, что С. переработал заключительную часть ПВЛ (от статьи 1093 г.), так как она «оказалась враждебной... новому киевскому князю Мономаху, давнему политическому противнику Святополка» (Приселков. История летописания, с. 42). По мнению Приселкова, С. сократил ряд известий о взаимоотношениях Святополка с Киево-Печерским монастырем, добавил в статью 1097 г. рассказ *Василия* об ослеплении князя Василька Тербовльского, включил в Вводную часть ПВЛ легенду о посещении Руси апостолом Андреем. М. Х. Алешковский, напротив, считал С. простым переписчиком, а приписку датировал 1118—1123 гг., когда С. был уже епископом. Этому допущению, однако, противоречит то, что С. именуется в начале приписки игуменом. По гипотезе Л. Мюллера, С. — редактор ПВЛ, доведший ее изложение до 1115 г., а место приписки, механически прерывающей текст статьи 1110 г., — результат дефекта списка, легшего в основу текстов так называемой второй редакции ПВЛ (см. также статью «Повесть временных лет»).

А. Г. Кузьмин выдвинул гипотезу, что С. — ученик *Феодосия Печерского*, упомянувший о самом себе в статье 1051 г. («к нему же (Феодосию Печерскому, — О. Т.) и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и приятья лѣтъ ми сущю 17 от роженья моего»), и приписывает ему значительный объем редакторских добавлений в тексте ПВЛ, в частности статьи по истории Киево-Печерского монастыря.

Лит.: Шахматов А. А. Повесть временных лет: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916, с. II, X—XXI, XXVI—XXVII; Приселков. История летописания, с. 42—43; Müller L. Die «dritte Redaktion» des sogenannten Nestorchronik. — In: Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1967, S. 171—186; Алешковский М. X. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971, с. 49—52; Кузьмин А. Г. Начальные этапы русского летописания. М., 1977, с. 155—167.

О. В. Творогова

Тимофеев Иван (Иван Тимофеев сын Семенов, по прозвищу Кол) (ок. 1555—III 1631) — дьяк, политический деятель и публицист. По В. И. Корецкому, происходил из среды подмосковных служилых людей. В источниках упоминается с 1584/85 г., когда приобрел вотчину в Верейском уезде. Службу начал подьячим, по-видимому Пушкарского приказа. В 1591 г. Т. участвовал в отражении крымского набега на Москву. В качестве дьяка впервые значится в 1598 г. Являлся свидетелем многократных «умолений» *Бориса Годунова* о вступлении на престол, участвовал в его серпуховском походе, подписался на «Утвержденной грамоте» 1599 г., окончательно оформившей воцарение Бориса. Возможно, Т. был тогда близок к Годунову.

В боярском списке 1598/99 г. назван на 17-м месте среди приказных дьяков; по размерам своего землевладения тоже занимал среднее место в своем кругу. В 1604 г. как дьяк приказа Большого прихода взыскивает недоимки с помещиков и снабжает «кормом» прибывших в Москву посланников. В поход против Лжедмитрия I выставил трех всадников (см.: Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979, ч. 2, с. 47). Сам Т. был послан против Самозванца в Брянск с «нарядом». Возможно, во время перехода царской армии под Кромами на сторону «расстриги» бежал к Москве. При Лжедмитрии I составлял в Туле епифанскую десятню. В 1606 г. пережил осаду столицы болотниковцами, затем участвовал в походе против восставших к Калуге, откуда был направлен на службу в Новгород. Эта служба на короткое время прервалась из-за участия Т. в тульском походе 1607 г. Мнение ряда исследователей (И. С. Шепелева, Н. П. Долинина, Л. В. Черепнина, В. И. Корецкого), будто послышка дьяка в Новгород носила характер опалы, еще нуждается в обосновании. В 1608—1609 гг. сблизился с князем М. В. Скопиным-Шуйским, собиравшим в Новгороде войска для борьбы с «Тушинским вором». Однако нет оснований полагать, что уже тогда дьяк видел в Скопине кандидата на престол, а в период похода царского племянника к Москве поддерживал с ним связи (мнение Л. В. Черепнина).

Новгородская служба Т. кончилась в марте 1610 г., но, видимо, из-за противодействия царя, опасавшегося усиления партии Скопина в Москве, дьяку не удалось вернуться в столицу. По боярскому списку 1610/11 г., Т. вновь на службе в Новгороде (см.: Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908, вып. 2, с. 85). Возможно, он был назначен на прежнюю должность «Семибоярщиной» вскоре по низложении Шуйского. Свою должность Т. сохранил во время шведской оккупации Новгорода (1611—1617 гг.). По официальному поручению он составил проект присяги шведскому королевичу, исходящий из новгородско-шведского договора. Проект, однако, был отвергнут двумя служившими оккупантам «властолюбцами» (по Л. В. Черепнину, дьяками П. Григорьевым и С. Лутохиным). Т. занимал тогда позицию вынужденного признания «иноверных». Его материальное положение при шведском господстве было нелегким. В 1615 г. русское правительство пыталось вызволить Т. из новгородского «плена», но безуспешно.

После освобождения Новгорода дьяк вернулся в Москву, в 1618—1620 гг. служил в Астрахани, в 1622—1628 гг. — в Ярославле и Нижнем Новгороде, возглавлял Печатный приказ (см.: Описание актов собрания

графа А. С. Уварова. М., 1905, с. 164—165; Описание архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977, ч. 1, с. 327, 339—340, 345, 383 и др.). В 1628 г. разбирал елецкое судебное дело, причем вопреки очевидным фактам оправдал И. Н. Романова. С этой услугой царской семье связываются щедрые земельные пожалования Т. в 1629 г. (В. И. Корецкий). После елецкого разбирательства дьяк вернулся в Москву, был у «иконного дела». Умер Т. в начале марта 1631 г. По распоряжению патриарха *Филарета* поместья Т. были сохранены за его вдовой.

Помимо «Утвержденной грамоты» 1599 г. автографы Т. имеются в епифанской десятне, новгородских документах 1607—1608 гг., ельцом деле и других документальных материалах.

Т. — автор «Временника» («Временник по седмой тысящи от сотворения света во осмой в первые лета»), одного из крупнейших памятников отечественной публицистики начала XVII в. Сочинение дьяка известно в единственном списке (ГБЛ, Музейное собр., № 10692), который был сделан с дефектного оригинала несколькими писцами и подвергся редакторской правке в 30-х гг. XVII в. (видимо, после смерти Т.), а спустя два-три десятилетия пополнен недостающими листами и тетрадами, еще раз отредактирован и переплетен. Вероятно, это произошло в связи с организацией Записного приказа (1657 г.), где заинтересовались «Временником» как источником для продолжения «Степенной книги» (см. *Афанасий*, митрополит). «Временник» состоит из оглавления, составленного по готовому тексту и не вполне совпадающего с его делением, и 6 очерков, 5 из которых посвящены царствованиям *Ивана IV Грозного*, *Федора Ивановича*, *Бориса Годунова*, *Лжедмитрия I* и *Василия Шуйского*, а последний — «Летописец вкратце» — сложился из разрозненных заметок, в своем большинстве тематически относящихся к предшествующим частям произведения (его, однако, нельзя считать резюме предыдущего текста). Очерки «Временника» делятся на главы. Возможно, структурная рубрика памятника и заглавия его отдельных рубрик принадлежат редактору рукописи, не всегда вникавшему в смысл прочитанного (так, в главе «О крестном целовании королевичю Владиславу» речь идет о присяге шведскому принцу). «Временник» первоначально писался в виде отдельных набросков и статей, которые сравнительно легко выделяются в произведении (И. И. Полосин насчитывает в тексте 64 таких фрагмента). Ряд отрывков «Временника», на которые ссылается автор, утрачен (например, об обстоятельствах убийства *Лжедмитрия I*, о торжественной встрече им *Марфы Нагой*).

Несмотря на структурную мозаичность, «Временник» производит впечатление цельного произведения, хотя работа над ним не была завершена. Отдельные фрагменты памятника разновременны. И. И. Полосин находит в сочинении Т. 53 хронологических реалии, но их значительно больше. Работа дьяка над своим произведением началась еще в конце XVI в. Ряд фрагментов «Временника» появился в разгар Смуты, еще до захвата Новгорода шведами. В условиях оккупации творческая работа Т. оживляется, хотя он должен был писать украдкой, тайть записи от шведов и русских изменников. Около 1615 г. новгородский митрополит *Исидор*, кстати, сам занимавшийся литературным трудом, вероятно зная о занятиях Т., «принудил» близкого к нему дьяка описать бедствия, постигшие Русскую землю, хотя бы на основании виденного и слышанного в шведском «плени». В Новгороде была написана значительная часть «Временника», но работа над ним продолжалась вплоть до смерти публициста.

Во время розысков «Временника» для Записного приказа его начальник дьяк Т. Кудрявцев узнал от «гостя» М. Васильева, что Т. был «книгогонец и временных книг писец, а жаловал-де его за то боярин Иван Михайлович Воротынской» (Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902, с. 62). Сочинение Т. вполне под-

тверждает этот отзыв. «Временник» свидетельствует о широкой начитанности его автора в Священном писании, церковно-учительной и исторической литературе. Т. знал летописи и хронографы (в частности, возможно его знакомство с псковскими и новгородскими летописями). Он пользовался сказанием о новейших чудесах Никиты Переяславского — дополнением к Житию этого святого (см. *Житие Никиты Переяславского*), читал *Троянскую историю* Гвидо де Колумна, *Александрию*, *«Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия*, *Повесть о Варлааме и Иоасафе*, хорошо знал «Степенную книгу». Не исключено его знакомство с «Молением» или «Словом» *Даниила Заточника*, *Повестью 1606 г.* в первой либо второй редакциях. Возможно, Т. были известны грамоты правительства Шуйского, посвященные разоблачению «расстриги», а также грамоты патриарха *Гермогена*. По предположению В. С. Иконникова и Н. П. Долинина, Т. пользовался «Историей» *Авраамия Палицына*. Сопоставление двух памятников не подтверждает это мнение. Нет сведений и о личном знакомстве двух замечательных публицистов. Не подкрепляется источниками и мысль О. А. Державиной о близости Т. к литературному кружку Троице-Сергиева монастыря. Сомнительно и предположение И. И. Полосина о знакомстве Т. с *Летописцем Новым*. В. И. Корецкий стремится показать, что главным источником «Временника» в описании событий конца XVI—начала XVII в. явилась утраченная «История о разорении русском» Иова-Иосифа. Эту попытку нужно признать несостоятельной. Недоказанной является и точка зрения Н. П. Долинина о влиянии на тимофеевскую концепцию Смуты *«Грамоты утвержденной»* 1613 г. Вопреки мнению В. Д. Назарова, текст «Временника» не свидетельствует о знакомстве Т. с греческим и латинским языками; проникшие в сочинение дьяка иностранные выражения бытовали на русской почве. Многие отрывки «Временника» автобиографичны, но произведение Т. нельзя (вслед за В. О. Ключевским и Л. В. Черепнинным) квалифицировать как мемуары. Помимо собственных воспоминаний дьяк пользовался и свидетельствами очевидцев, например бывших тушинцев. Во «Временнике» в какой-то мере отразились взгляды И. М. Воротынского и его круга (см. статью В. И. Корецкого). О многом Т. знал понаслышке, ряд событий воспринял через народную молву, слухи, подчас слепти. Дьяк не раз сетует на свою неосведомленность и отсутствие обобщающего произведения о Смуте, верит, что в будущем возникнет труд, превосходящий по достоинствам его «Временник».

Произведение Т. поражает напряженным интересом к причинно-следственной связи событий. Считая правомерной хронологическую последовательность изложения, дьяк не задумывается нарушать ее на каждом шагу, оправдываясь своей недостаточной осведомленностью. Т. «больше размышляет, чем рассказывает о случившемся» (Ключевский В. О. Соч. М., 1959, т. 7, с. 443—444). Наряду с этим во «Временнике» налицо многочисленные признаки летописной традиции. По словам дьяка, неодолимое стремление найти истоки переживаемых бед побудило его взяться за перо. По существу «Временник» представляет собой размышления автора над причинами всероссийского «разорения»; описание самой Смуты занимает Т. куда меньше. Выступая идеологом самодержавия с боярской аристократией (Н. П. Долинин), дьяк нередко превращается в глубокого и страстного обличителя правящих кругов. «Грехи» своих современников, породившие Смуту, дьяк по традиции рассматривал сквозь призму религиозной морали, но некоторые из них понимал и в социально-политическом аспекте. Это прежде всего «бессловесное молчание» общества, в первую очередь феодальных «верхов», т. е. непротавление преступлениям власти, политическое безразличие. «Бессловесное молчание», явившееся в глазах Т. первопричиной лихолетья, сделало возможными посягательства самодержцев на исконные начала общественной жизни, позволило «рабам» вроде Бориса Годунова и самозванцев домогаться престола. От-

существование же законного царя пробудило стремление «черни» к освобождению, которое привело к многолетнему «самобезначалию в земли». Важное место во «Временнике» занимают характеристики исторических деятелей, а также самоанализ. В сочинении дьяка находим целую серию очерков о первых русских царях, а также М. В. Скопине-Шуйском. Т. стремится раскрыть противоречивость своих героев, считая изображение и положительных и отрицательных качеств свидетельством объективности писателя. Вместе с тем во «Временнике» находим резко отрицательные оценки Лжедмитрия I и панегирик Романовым. Т. не считает доброе и злое начала в человеке неизменными, выясняет причины зарождения и развития в характере тех или иных качеств, например влияние одного исторического деятеля на другого (см.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, с. 17). Он вводит в изложение притчи, содержание которых ассоциируется в его сознании с переживаемыми событиями. Т. часто выступает в роли полемиста, прибегает к рифмованной речи. Язык Т. очень труден: ему не хватало слов для обозначения социально-политических отношений, вскрывшихся в канун Смуты и само лихолетье (см.: Яковлев А. «Безумное молчание»: (Причины Смуты по взглядам русских современников ее). — В кн.: Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, с. 663).

Вопреки утверждению И. И. Полосина, «Временник» не дает оснований говорить о причастности Т. к летописанию в конце XVII в. Не обоснован и его вывод о том, что дьяк был одним из составителей *Хронографа Русского* второй редакции. По В. И. Корецкому, рука Т. чувствуется в отписке астраханских властей ногаям (1619 г.). Сравнение отписки с «Временником» заставляет признать это заключение поспешным. О. А. Державина и Е. В. Колосова высказали мнение об использовании «Временника» в палицынской «книге», что, однако, не подтверждается сопоставлением двух произведений. Есть предположения, что сочинение Т. было известно автору Повести 1626 г., приписываемой *И. М. Катыреву-Ростовскому* или *С. И. Шаховскому* (В. С. Иконников, В. И. Корецкий), и составителю Нового летописца (В. Д. Назаров).

Соч.: РИБ, СПб., 1891, т. 13, с. 261—472; 2-е изд. СПб., 1909, с. 261—472; 3-е изд. Л., 1925, с. 261—472; *Временник* Ивана Тимофеева / Подгот. к печ., пер. и коммент. О. А. Державиной. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951.

Лит.: Платонов. Древнерусские сказания. 2-е изд. СПб., 1913; Васенко П. Г. Дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника»: (К истории перелома в развитии древнерусской исторической мысли). — ЖМНП, 1908, март, отд. 2, с. 88—121; Полосин И. И. 1) Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII века. — Учен. зап. МГИИ им. В. И. Ленина, 1949, т. 60, вып. 2, с. 135—192; 2) [Рец. на кн.: *Временник* Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951]. — ИЮЛЯ, 1952, т. 11, вып. 1, с. 85—89; 3) Социально-политическая история России XVI—начала XVII в.: Сб. статей. М., 1963, с. 263—352; Державина О. А. 1) *Временник* дьяка Ивана Тимофеева. — Записки ОР ГБЛ, М., 1950, вып. 11, с. 55—77; 2) К вопросу о художественном методе и поэтическом стиле русской исторической повести начала XVII века. — Учен. зап. МГИИ им. В. П. Потемкина, 1957, т. 67, вып. 6, с. 77—91; 3) Обзор работ по изучению литературных памятников первой трети XVII в. — ТОДРЛ, М.; Л., 1957, т. 13, с. 672—688; Долинин Н. П. Общественно-политические взгляды Ивана Тимофеева: (К вопросу об истории русской общественной мысли в начале XVII века). — Науч. зап. Днепропетровского ун-та, Киев, 1954, т. 42, вып. 2, с. 135—164; Черепнин Л. В. 1) Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве — авторе «Временника». — ИА, 1960, № 4, с. 162—177; 2) Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции. — ТОДРЛ, М.; Л., 1961, т. 17, с. 454—481; Rehder P. Zum Vremennik des Djaken Ivan Timofeev. — Die Welt der Slaven, 1965, Jhrg. 10, S. 123—143; Keipert H. Beiträge für Textgeschichte v. Nominalmorphologie des «Vremennik Ivana Timofeeva». Diss. Bonn, 1968; Корецкий В. И. 1) Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. — АЕ за 1974 г., М., 1975, с. 145—167; 2) Об основном летописном источнике *Временника* Ивана Тимофеева. — В кн.: Летописи и хроники. Сб. статей. 1976 г. М., 1976, с. 113—141; Лукичев М. П. Новые данные о русском мыслителе и историке XVII в. Иване Тимофееве. — Советские архивы, 1982, № 3, с. 22—25.

Тимофей (XIII в.) — «премудрый книжник». В Галицко-Волынской летописи (см. *Летопись Ипатьевская*), в том разделе, где рассказывается о бесчинствах в Галиче венгерского палатина Бенедикта Бора, командовавшего венгерскими силами, посланными в Галич венгерским королем Андреем, читается такой отрывок: «Бѣ бо Тимофѣй в Галичѣ премудръ книжникъ, отчество имея во градѣ Киевѣ (родом из города Киева, — Л. Д.), притчею (иносказательно) рече слово о семь томители (тиране) Бѣнедиктѣ, яко: „В послѣдняя времена тремя имены наречется антихрист“. Бѣгаше бо Тимофей от лица его (скрывался Тимофей от него), бѣ бо (потому что был Бенедикт) томитель бояромъ и гражаномъ и блудь творя и оскверняху жены же и черници и попадьи. В правду бѣ антихрист за скверная дѣла его» (ПСРЛ. 2-е изд. СПб., 1908, т. 2, стб. 722; ПЛДР: XIII век. М., 1981, с. 240—243). Запись эта помещена под 1205 г., на самом же деле описанные в ней события происходили в 1210 г.

Под 1226 г. в Галицко-Волынской летописи повествуется о таком событии. Галицкий боярин Жирослав распространил среди галицких бояр слух о том, что князь Мстислав Мстиславович Удалой (он в это время занимал галицкий великокняжеский стол) с помощью своего тестя, половецкого князя Котяна, собирается уничтожить всех галицких бояр. Поверив Жирославу, галицкие бояре бежали из Галича. Мстислав посылает к боярам своего духовного отца Тимофея, которому удается убедить бояр в том, что Жирослав оклеветал перед ними князя Мстислава (ПСРЛ, 2-е изд., т. 2, стб. 747; ПЛДР: XIII век, с. 262—263). Ряд исследователей считает, что «премудрый книжник» Т. и Тимофей, духовник Мстислава Удалого, — одно и то же лицо. Все реальные сведения о книжнике Т. ограничиваются приведенными данными.

В 1846 г. Н. Головин пришел к заключению, что Т. мог быть *автором* «Слова о полку Игореве»: автор «Слова» был «подданным» Игоря, после смерти Игоря он скорее всего остался при его детях; когда в начале XIII в. Игоревичи захватили Галич, автор «Слова» переехал с ними туда; в результате борьбы за галицкий стол, по проискам провенгерски настроенных галицких бояр, сыновья Игоря были повешены; возмущенный злодеяниями Бенедикта, Т. выступил обличителем его, из-за чего был вынужден бежать из Галича. Столь смелое и страстное выступление Т., связанное к тому же с судьбой потомков Игоря Новгород-Северского, по мнению Н. Головина, дает основание видеть в Т., названном летописцем «премудрым книжником», автора «Слова». Основательные аргументы против такого отождествления были приведены Н. П. Сидоровым. Термин «премудрый книжник» в древнерусской письменности имел специфическое значение — «тот, кто умел истолковывать „темные места“ Писания» (Сидоров Н. П. К вопросу об авторах..., с. 165). Т. выразил свою мысль «притчею», т. е. иносказательно, что характерно для древнерусских книжников, но чуждо «Слову». Называя Бенедикта антихристом, Т. имел в виду вполне конкретный книжный текст — популярное в средневековье «Толкование на Апокалипсис» Андрея Кесарийского, где антихрист называется тремя именами: «Лампетис, Титан, Бенедиктос». Сидоров приходит к убедительному заключению: «Мы не можем представить себе автора „Слова“ типичным для того времени книжником, начетчиком, каким был Тимофей» (там же, с. 166). Но, поскольку имя Т. как известного книжника названо в Галицко-Волынской летописи, имеется несколько гипотез, связывающих его с историей русского летописания конца XII—первой четверти XIII в.

Л. В. Черепнин, рассматривавший вопрос об источниках Галицко-Волынской летописи, останавливался и на проблеме участия в Галицко-Волынской летописании Т. По Черепнину, первая часть Галицко-Волынской летописи — Летописец Даниила Галицкого, созданный в середине 50-х гг. XIII в., — основывается на целом ряде более ранних источников.

Среди этих источников была отдельная повесть, посвященная судьбе малолетних наследников князя Романа Мстиславича — Даниила и Василька Романовичей. Повесть эта рассказывала о борьбе Даниила и Василька за Галицко-Волынское княжество с сыновьями героя «Слова о полку Игореве» Владимиром и Романом Игоревичами в первое десятилетие XIII в. «Повесть эта была составлена в близкое к описываемому в ней время. Вероятно, повесть написана вскоре после свержения сыновей князя Игоря Святославича, т. е. в 1211 г.» (Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого, с. 244). Л. В. Черепнин полагает, что автором ее мог быть Т.: «Из всего летописного контекста вытекает, что книжник Тимофей был идеологом той части боярства (Владислав, Судислав, Филипп), которая вначале пыталась сбросить венгерское иго при помощи черниговских князей, а затем, недовольная последними, выставила кандидатуру на галицкий стол Даниила, рассчитывая в виду его малолетства захватить власть в свои руки. Поэтому авторство книжника Тимофея кажется нам весьма вероятным» (там же, с. 244). Л. В. Черепнин не отождествлял «премудрого книжника» Т. с духовником князя Мстислава Удалого Тимофеем. О каком-либо участии последнего в книжной деятельности он ничего не говорит и считает, что описателем времени Мстислава Удалого на страницах Галицко-Волынской летописи является человек, близкий к Даниилу Галицкому, вероятнее всего тысяцкий *Демьян*.

В. Т. Пашуто считает, что в основе княжеского свода Даниила Галицкого, составленного в г. Холме в 1246 г. митрополитом *Кириллом II*, лежала Киевская летопись 1238 г. Ряд сведений в этой Киевской летописи был записан либо самим Т., либо с его слов. Т. — «премудрый книжник» и Тимофей — духовник Мстислава Удалого, по В. Т. Пашуто, одно и то же лицо. Т., пишет Пашуто, «как духовник Мстислава Удалого, присутствовал, конечно, при кончине князя и его погребении в Киеве, и, видимо, ему обязаны мы сведениями, имеющимися в Киевской летописи времен Владимира Рюриковича о действиях Мстислава в Галичине. Думаем также, что притча Тимофея о Бенедикте, упомянутая сводом князя Даниила, читалась в Киевской летописи; к перу же Тимофея следует отнести все, что связано с разгромом похода Бенедикта Бора на Галич» (Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 37).

Много внимания Т. уделил в своих работах по «Слову о полку Игореве» Б. А. Рыбаков. По его гипотезе, Т. — летописец-галичанин. Препарируя летописные тексты конца XII в., Б. А. Рыбаков приходит к заключению, что в 1189—1190 г. «в Киеве при дворе Рюрика появился какой-то галичанин, церковник, книжник, явный сторонник князя Владимира Ярославича Галицкого» (Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве», с. 158). Этот галицкий книжник внес в Летописец Рюрика ряд дополнений о судьбе Владимира Галицкого. Он же, как предполагает Б. А. Рыбаков, на основе рассказов двух великокняжеских летописей князей дуумвиров Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича по поручению летописца Рюрика составил повесть о походе в 1185 г. Игоря Святославича против половцев, которая дошла до нас в составе Ипатьевской летописи. По мнению Б. А. Рыбакова, это был Т. «Премудрого книжника» Рыбаков отождествляет с Тимофеем — духовником Мстислава Удалого. Вскоре после составления «Повести о походе Игоря», которая была одним из его первых произведений, Т. снова вернулся в Галич. Вынужденный покинуть Галич из-за обличений Бенедикта, Т. уходит в Новгород к Мстиславу Удалому и становится его хронистом. Перу Т., как считает Б. А. Рыбаков, принадлежит ряд записей в летописи *Новгородской I* за 1210—1218 гг., в которых много внимания уделяется Мстиславу. Т., по гипотезе Б. А. Рыбакова, был и автором первоначального вида *Повести о битве на реке*

Липице. По наблюдениям исследователя, можно отметить стилистическое и лексическое сходство между этой повестью и «Повестью о походе Игоря». Т. продолжает вести летопись Мстислава и во время его княжения в Галиче: «Княжеская летопись Мстислава за годы его княжения в Галиче очень близка к его Новгородской летописи. Здесь и содержится одна из притчей его духовного отца Тимофея о лукавом Жирославе, в адрес которого Тимофей расточает библейские проклятия» (там же, с. 172). Таким образом, по Б. А. Рыбакову, Т. — автор двух, первоначально, вероятно всего, независимых от летописей, повестей (о походе Игоря на половцев в 1185 г. и о Липицкой битве в 1216 г.) и целого ряда летописных статей в киевском, новгородском и галицком летописании.

Отрывочность и краткость реально-летописных сведений о Т., а также гипотетичность всех точек зрения на его роль в истории русского летописания заставляют с большой осторожностью относиться ко всем предположениям об этом древнерусском книжнике. Единственное, что можно утверждать с полной уверенностью, это то, что такой книжник действительно был. Слова летописного сообщения «отечество имея во градъ Киевѣ» заставляют видеть в нем не галичанина, а киевлянина, и скорее всего книжной деятельностью он начал заниматься еще на родине: в противном случае едва ли подчеркивалось бы его киевское происхождение. Фраза о том, что Т. скрывался («бѣгаше») от гнева Бенедикта, говорит, что он оставался в Галицком княжестве, а не покинул его. Вполне возможно, что «премудрый книжник» и духовный отец Мстислава Удалого — одно и то же лицо. Но столь же правомерно и предположение, что это два разных Тимофея. Обличительная филиппика в адрес Жирослава, которая читается в летописи после рассказа о клевете Жирослава и об успешной миссии духовника Мстислава, убедившего бояра в том, что князь ничего против них не замышляет, совсем не обязательно должна принадлежать авторству Т. Скорее наоборот: если бы обличение Жирослава приписывалось Т., то, как и в случае с Бенедиктом, это было бы отмечено в тексте летописи, а этого там нет.

Лит.: Головин Н. Примечания на «Слово о полку Игореве». М., 1846, с. XXVIII—XXX; Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. — ИЗ, М., 1941, т. 12, с. 228—253; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; Сидоров Н. П. К вопросу об авторах «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве: Сб. пслед. и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950, с. 164—167; Рыбаков Б. А. 1) «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, с. 182—194; 2) Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 156—172.

Л. А. Дмитриев

Филарет (в миру Федор Никитич Романов-Юрьев) (ок. 1554—1 X 1633) — патриарх, автор писем и поучений, библиофил. Двоюродный брат царя Федора Ивановича (отец Ф., боярин Н. Р. Юрьев, приходился братом царице Анастасии Романовне), он впервые значится в «разрядах» в феврале 1585 г. как участник приема во дворце литовского посла Л. Сапегги (см.: Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, с. 360). В следующем году Ф. являлся уже боярином и нижегородским наместником. Вместе с младшими братьями он выступал тогда в союзе с Годуновыми (см. *Борис Годунов*) против Шуйских и Мстиславских, представлявших аристократическую реакцию. При поддержке Бориса Годунова Ф. сделал выдающуюся карьеру: в перечнях бояр за 1588—1589 и 1589/90 гг. он упоминается соответственно на десятом и шестом местах (см.: Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979, ч. 1, с. 104, 263); к концу царствования Федора имел чин главного дворового воеводы и считался одним из трех руководителей ближней царской думы.

Накануне смерти Федора Ивановича союз Романовых и Годуновых распался. В 1598 г. Ф. являлся одним из основных претендентов на престол, но не смог составить конкуренции Б. Ф. Годунову и сам (видимо, по настоянию Б. Я. Бельского) снял свою кандидатуру (см.: Скрынников Р. Г. 1) Земской собор 1598 года и избрание Бориса Годунова на трон. — История СССР, 1977, № 3, с. 153—154; 2) Борис Годунов. М., 1978, с. 110, 114—115, 122). В начале царствования Бориса Ф. оставался одним из руководителей Боярской думы. Однако осенью 1600 г. он вместе с братьями подвергся опале, вызванной опасениями Годунова за судьбы своей династии. Романовы явились жертвами «колдовского» процесса (главным обвиняемым оказался Александр Никитич). В июне 1601 г. по приговору Боярской думы Ф. был сослан в Антониево-Сийский монастырь, где стал иноком. Сохранив ему жизнь (он даже распорядился содержать опального так, чтобы тому «не было нужи»), царь Борис лишил Ф. всяких надежд на обладание троном. Существует мнение, что с появлением Самозванца, возможно ранее связанного с кругом Романовых, царь Борис приказал возвести Ф. в сан архимандрита (неизвестно, какого монастыря). Это мнение, однако, не подтверждается источниками. К тому же в начале 1606 г., т. е. уже при Лжедмитрии I, Ф. был троичским соборным старцем, вторым лицом в монастыре после архимандрита Иоасафа (см.: Дьяконов М. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Юрьев, 1897, вып. 2, с. 36; ГБЛ, ф. 303, № 539, л. 221 об., 222 об.). Вскоре по распоряжению Самозванца Ф. посветили в сан митрополита ростовского и ярославского.

В мае 1606 г., сразу по воцарении Шуйского, Ф., по предположению С. Ф. Платонова, разделяемому большинством исследователей, был назначен в патриархи, но затем царь изменил свое решение, остановив выбор на *Гермогене*. Ф. как ростовский митрополит деятельно поддерживал Шуйского и Гермогена в их борьбе с *И. И. Болотниковым* и Лжедмитрием II. В октябре 1608 г. при взятии Ростова тушинцами Ф. был схвачен и с позором отвезен в лагерь второго Самозванца, где его нарекли патриархом московским и всея Руси. В Тушине Ф. занимал выжидательную позицию; едва ли можно согласиться с мнением А. П. Смирнова, что «воровской» стан был для него золотой клеткой. В декабре 1609 г., уже когда неудача тушинской авантюры стала очевидной, Ф. вступил в переговоры с польским королем Сигизмундом III о возведении на московский престол королевича Владислава. В марте 1610 г. Ф. был отбит у польско-литовских войск отрядом Г. Валуева и прибыл в Москву. После низложения Шуйского и избрания Владислава Ф. вошел в состав «великого» посольства к Сигизмунду III (сентябрь 1610 г.), которое должно было упросить короля даровать сына «на Московское государство». Ф. возглавлял в посольстве духовных лиц и получил от Гермогена наставления, грамоту к Сигизмунду III, а также его племянника А. С. Крылова «во двор в дети боярския», очевидно для связи (Пермская летопись с 1263—1881 г. Первый период. Пермь, 1881, с. 95—96; Второй период. Пермь, 1882, с. 471). Когда во время переговоров под Смоленском выяснилось, что король сам желает завладеть русским престолом, Ф. решительно выступил против нарушения интервентами условий августовского (1610 г.) соглашения об избрании Владислава, за что был арестован и отправлен в Речь Посполитую (сначала во владения Л. Сапеги, затем в Мариенбург).

После воцарения сына Ф., *Михаила Федоровича*, 21 февраля 1613 г. начались переговоры об освобождении Ф. из плена. 1 июня 1619 г. по условиям Деулинского перемирия на реке Поляновке за Вязьмой проишошел размен пленных, и Ф. вернулся на родину. 22 июня он был назначен на патриарший престол, а 24 июня поставлен в патриархи. Начиная с этого времени Ф., получивший титул «великого государя», фактически управлял страной. С его именем связывают первые абсолютистские тен-

денции в политике московского правительства (А. Н. Сахаров). В области международных отношений Ф. стремился к ликвидации грабительских условий Деулина, надеясь добиться этой цели союзом со Швецией и Турцией. Внешнеполитический курс Ф. вызывал оппозицию в правящих кругах (отражением этих настроений стало позднее «Сказание о Петре Волосском»). Поражение русских войск в Смоленской войне осенью 1633 г. привело, по А. П. Смирнову, к сильному душевному потрясению Ф., что явилось причиной его неожиданной смерти.

Ф. — крупный деятель книжной культуры, что особенно относится ко времени его патриаршества. Ф. оставил обширное эпистолярное наследие. Ему приписывается письмо брату Ивану от 8 августа 1602 г., где говорится о переживаемых Романовыми напрасных бедах. Но атрибуция этого письма не бесспорна, что отметил еще А. П. Смирнов. По его данным, Ф. принадлежат 178 писем к царю Михаилу Федоровичу, невестке и жене, относящихся к 1619—1631 гг., а также многочисленные грамоты, лучшей из которых является в оценке исследователя послание к тобольскому архиепископу *Киприану* с увещанием ревностно заботиться о пастве. Ф. приписываются и «Поучения» о поставлении церковных властей, от священника до митрополита. Грамоты Ф., видимо, написаны не всегда лично им, а составлены в митрополичьей или патриаршей канцеляриях. Это допущение касается, например, первой из известных грамот Ф. — устюжскому протопопу Константину (от 30 ноября 1606 г.), которая включает патриаршее послание о восстании Болотникова, известие о церковных службах в Ростове и предписание о молебствиях в Устюге. Эта грамота Ф. использована в кратком сказании о Лжедмитрии I (см.: Кукушкина М. В. Неизвестное «Писание» о начале «Смуты». — ТОДРЛ, М.; Л., 1965, т. 24, с. 195).

С именем Ф. связано несколько произведений официального характера, датируемых временем его патриаршества. В одном списке XVII в. сохранился черновик повести о Смуте со многими исправлениями и приписками. На основании позднейшего заглавия Н. М. Карамзин назвал эту повесть «Рукописью Филарета». Она представляет собой переработку «Повести 1626 г.», приписываемой *И. М. Катыреву-Ростовскому* или *С. И. Шаховскому*. Составители «Рукописи» нашли свой источник слишком простым по стилю, недостаточно обстоятельным и неоправданно враждебным по отношению к царю Василию. «Рукопись», охватывающая период с царствования Лжедмитрия I до избрания на трон Михаила Федоровича, содержит некоторые уникальные известия, очевидно почерпнутые из официальных документов (мнение А. А. Кондратьева и С. Ф. Платонова). Кроме того, в «Рукописи» находим ссылку на «летописание», излагающее «житие» Гермогена и его «мученический конец» (Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866, с. 319). Это «летописание» — явно не «Повесть 1626 г.», где о деятельности Гермогена говорится сравнительно кратко, а его смерть не отмечена. По С. Ф. Платонову, «Рукопись» возникла между 1626 и 1633 гг. и к ее составлению так или иначе был причастен Ф. Поскольку «Рукопись» является настоящим панегириком Шуйскому, а официальный *Летописец Новый* двойственно относится к нему, Л. В. Черепнин не считает «Рукопись» сочинением, появившимся в правительственной среде и отредактированным Ф. Думается, различное отношение двух произведений к Шуйскому еще не дает оснований отказываться от взглядов С. Ф. Платонова на «Рукопись Филарета», что подчас признает и Л. В. Черепнин.

По предположению С. Ф. Платонова, принятому большинством ученых, в окружении Ф. возник Новый летописец 1630 г. По всей вероятности, в той же среде появилось «Сказание» о поставлении Ф. на патриаршество, которое, как заметил И. А. Жарков, упоминается в описи посольского архива 1626 г. (спустя девять лет рукопись «Сказания» была передана оттуда на Казенный двор). «Сказание» носит характер офи-

циального панегирика Ф. и выдержано в торжественно-безличном тоне (С. Ф. Платонов, А. С. Демин). Вероятно, в патриаршей среде появилось и «документальное сказание» о ризе Христовой (термин С. Н. Гухман). Это произведение рассказывает о «чудесном» даре шаха Аббаса Михаилу Федоровичу (1625 г.) и фигурирует уже в описи келейной казны Ф. 1630 г. Возможно, из окружения Ф. вышла и «Отповедь» в защиту патриарха Гермогена, опровергающая взгляды автора хронографических статей 1616/17 г. на Гермогена. П. Г. Васенко датирует это полемическое сочинение 20—30-ми гг. XVII в. и полагает, что его автор был близок к патриаршему клиру, если сам не принадлежал к нему (см.: Васенко П. Новые данные для характеристики патриарха Гермогена. — ЖМНП, 1904, июль, отд. 2, с. 142, 143).

Ф. был связан со многими писателями своего времени. Возможно, он принял какое-то участие в правке первой редакции начальных глав «Истории» *Авраамия Палицына*. Вслед за С. И. Кедровым нужно признать неосновательным мнение, будто Ф. сослал Палицына за поведение в смоленском посольстве, граничащее с изменой русскому национальному делу; но, быть может, знаменитому келарю не удалось поладить со своим правным патриархом. Ф. знал *Ивана Тимофеева* и, «весьма вероятно», его «Временник» (Корецкий В. И. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. — АЕ за 1974 г., М., 1975, с. 164, 167). Ф. вершил судьбы заподозренного в вольнодумстве *И. А. Хворостина* и не раз избличенного в «великих винах» С. И. Шаховского. Последний писал Ф. «моление... о разлучении супружества зело умильно», по его поручению составил официальное послание шаху и, согласно гипотезе М. В. Кукушкиной, помогал в создании «Рукописи Филарета».

Большое внимание уделял Ф. книгопечатанию. Едва вернувшись из польского плена, он по ходатайству прибывшего в Москву иерусалимского патриарха Феофана пересмотрел дело троицких правщиков во главе с архимандритом *Дионисием Зобниновским*. На церковном соборе были одобрены исправления, внесенные ими в требник; в 1625 г. эти исправления были узаконены в книгах, изданных при Ф. Справщиками Печатного двора были при Ф. образованные книжники *Иван Наседка*, *Арсений Глухой*, *Антоний Крылов* и др.; патриарх сам занимался их подбором. Ф. собрал большую библиотеку, несколько раз описанную в начале 1630-х гг. (см.: Сборник Муханова, с. 374—382; Викторов А. Е. 1) Опись патриаршей ризницы 1631 г. М., 1875; 2) Старинные описи Патриаршей ризницы. М., 1875; РИБ, СПб., 1876, т. 3, с. 898—912, 974—978, и др.). Судя по наиболее ранней описи 1630 г., у Ф. имелось, по подсчетам М. И. Слуховского, 350 или 355 рукописных и печатных книг; С. П. Луппов же насчитывает в патриаршей библиотеке этого времени 261 название книг и 608 экземпляров (см.: Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970, с. 132—133; ср. с. 173; Слуховский М. И. Русская библиотека XVI—XVII вв. М., 1973, с. 117, 163). По данным Б. Ф. Поршнева, Ф. интересовался протестантской литературой. Он содействовал созданию рукописей (например, известного лицевого *Жития Зосимы и Савватия*, вложенного в Соловецкий монастырь близким к Ф. троицким келарем Александром Булатниковым). Деятельность Ф. отразилась в многочисленных литературных произведениях XVII в.; сохранились и две песни о выкупе Ф. из плена и его возвращении на родину (см.: Криничная Н. А. Народные исторические песни начала XVII века. Л., 1974, с. 163—175).

Соч.: ААЭ, СПб., 1836, т. 2, 3; АИ, СПб., 1841, т. 3; Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1848, т. 1.

Лит.: Исправление богослужебных книг при патриархе Филарете. — ПС, 1862, ч. 2, с. 361—405; ч. 3, с. 32—86; Смирнов А. Святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всея России. М., 1874, ч. 1—2; Кондратьев А. О так назы-

ваемой рукописи патриарха Филарета. — ЖМНП, 1878, сентябрь, отд. 2, с. 22—83; Скворцов Д. Дионисий Зобнинский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря (ныне Лавры). Тверь, 1890; Платонов С. Ф. 1) Древнерусские сказания. 2-е изд. СПб., 1913; 2) Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1937; Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913; Покровский А. А. Печатный Московский двор в первой половине XVII века. М., 1913; Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913, ч. 1; Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века: (Из истории древнерусского летописания). — ИЗ, М., 1945, т. 14, с. 81—128; Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959; Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976; Скрынников Р. Г. 1) Борис Годунов. М., 1978; 2) Борис Годунов и падение Романовых в 1600 г. — В кн.: Из истории феодальной России. Л., 1978, с. 116—124; 3) Россия накануне «смутного времени». М., 1980.

Я. Г. Солодкин

Янь Вышатич (ок. 1016 (?)—1106) — дружинник и воевода, рассказы которого, как полагают, были включены в Начальный свод и *Повесть временных лет*. Сын киевского воеводы *Вышаты*. Я. неоднократно упоминается в ПВЛ (см.: ПСРЛ, М., 1965, т. 1, вып. 1, стб. 154, 175—178, 208, 212, 219, 281). Он был дружинником черниговского, а с 1073 г. киевского князя Святослава Ярославича; в правление Всеволода Ярославича — тысяцкий. Летопись упоминает об усмирении им восстания волхвов (ПВЛ под 1071 г.) и об участии его в битве 1093 г., где поражение русских князей в битве с половцами летописец объясняет тем, что они не прислушались к советам Я. и прочих «смысленых». Я., как сообщает летопись под 1091 г., был близок к *Феодосию Печерскому*; он и его жена были похоронены в Киево-Печерском монастыре. Сообщая о смерти Я. «в старости мастите», летописец подчеркивает, что тот был «муж благ и кроток и смирен», «не хужий . . . первых праведник»; «от него же и аз, — продолжает летописец, — многа слова слышах, еже и вписах в летописании семь» (ПВЛ под 1106 г.). Предполагается, что в том же году Я., которому исполнилось уже 90 лет (впрочем, Д. С. Лихачев считает это указание эпическим преувеличением), участвовал в походе против половцев («воеваша половци около Заречьска, и посла по них Святополк Яня и Иванка Захарьича»), маловероятно: скорее здесь речь идет о братьях Яне и Иванке Захарьичах.

По мнению исследователей (А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева), рассказы Я., как и отца его Вышаты, включали в свое повествование летописцы — *Никон* (так думал Шахматов), составитель Начального свода, и *Нестор*. В частности, в статье 1093 г., которой, вероятно, завершался Начальный свод, в сетованиях по поводу засилья молодых дружинников и оскудения Русской земли отразились взгляды Я. и его единомышленников. Я. и Вышате принадлежат, видимо, и древние новгородские предания, вошедшие в летопись.

По мнению А. Ф. Вельтмана, А. В. Лонгинова и Л. В. Черепнина, Я., упоминаемый в ПВЛ, тождествен Бояну «Слова о полку Игореве» (см. Автор «Слова о полку Игореве»).

Лит.: Вельтман А. Ф. Упоминаемый бо-Ян в Слове о полку Игореве есть старец Ян, упоминаемый Нестором. — Москвитянин, 1842, № 1, с. 213—215; Прозоровский Д. О родстве св. Владимира по матери. — Записки имп. Акад. наук. СПб., 1864, т. 5, кн. 1, с. 25—26; Лонгинов А. В. Историческое исследование Сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса, 1892, с. 26, 89—91; Шахматов. Разыскания, с. 443—444, 455—457, 531; Приселков. История летописания, с. 18—20; Лихачев Д. С. 1) «Устные летописи» в составе Повести временных лет. — ИЗ, М., 1945, № 17, с. 209—211, 217—222; 2) Русские летописи, с. 97—99, 108—109, 140—143; Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. — ИЗ, М., 1948, т. 25, с. 328—329.

О. В. Творогов